

beneficium

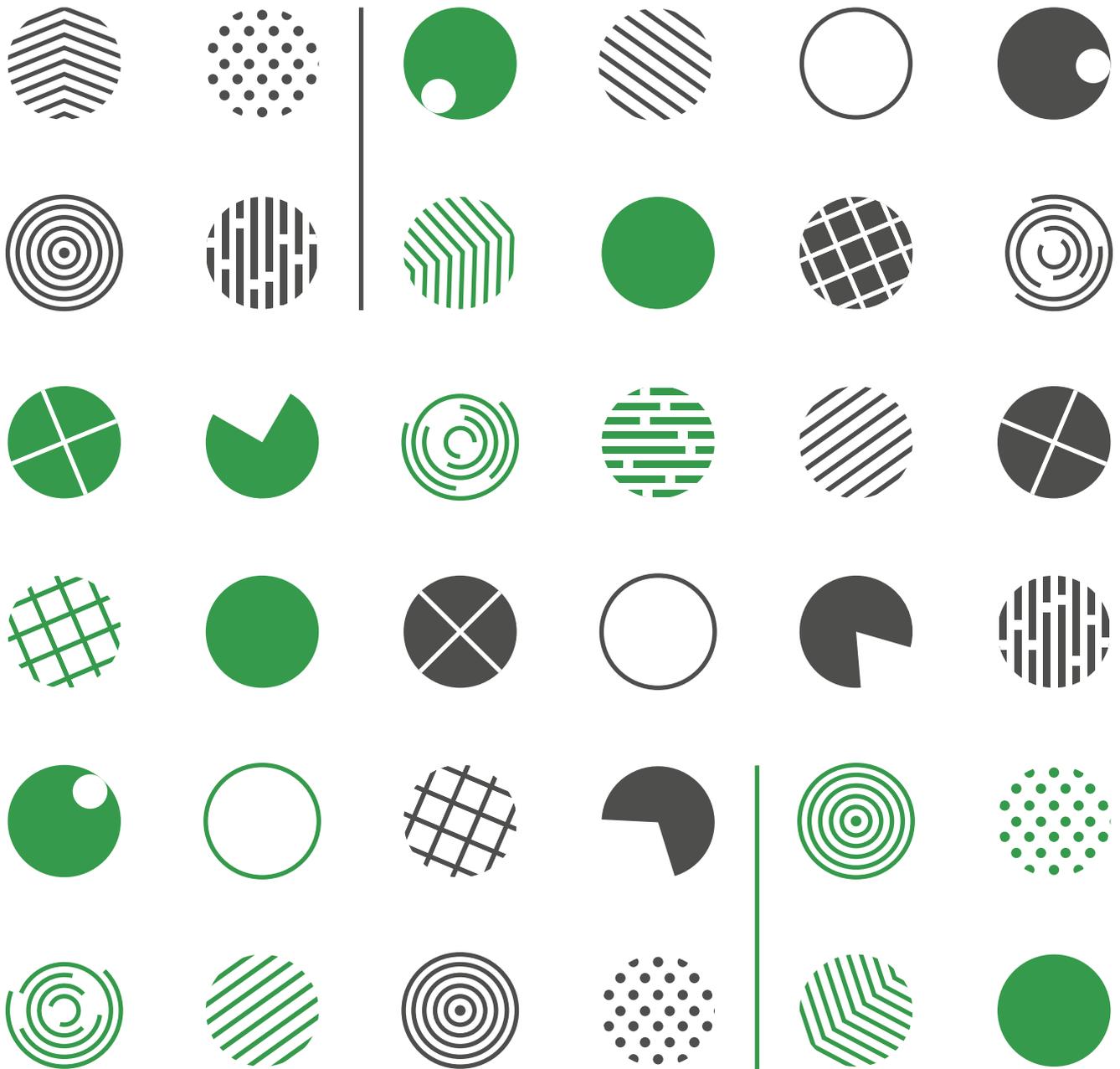
научное периодическое
сетевое издание

2 (35) | 2020

новгородский
государственный
университет имени
ярослава мудрого

институт экономики,
управления
и права

великий
новгород

beneficium

online scientific
journal

2 (35) | 2020

yaroslav-the-wise
novgorod state
university

school of economics,
management
and law

veliky
novgorod

Редакционная коллегия

Трифонов В.А. (гл. редактор)	к.э.н., доцент; директор Института экономики, управления и права, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия
Багиев Г.Л.	д.э.н., профессор; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
Борис О.А.	д.э.н., доцент; Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
Гранберг Л.	д.с.н., профессор; Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Гущина Е.Г.	д.э.н., доцент; Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
Иванова О.П.	д.э.н., профессор; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия
Казак Б.Б.	д.ю.н., профессор; Псковский государственный университет, Псков, Россия
Карачевская Е.В.	к.э.н., доцент; Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, Горки, Республика Беларусь
Качалов Р.М.	д.э.н., профессор; Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия
Селищева Т.А.	д.э.н., профессор; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
Станиславский Р.	к.э.н., доцент; Лодзинский технический университет, Лодзь, Польша
Сэтре А.-М.	к.э.н., доцент; Университет Уппсала, Уппсала, Швеция
Фабричный С.Ю.	д.ю.н., профессор; Совет Федерации от законодательного (представительного) органа государственной власти Новгородской области, Москва, Россия; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия
Фихтнер О.А.	д.э.н., доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия
Паттури Я.В. (отв. секретарь)	к.э.н., доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

Editorial Board

Trifonov V.A. (Editor-in-Chief)	PhD in Economics, Docent; Director, School of Economics, Management and Law, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
Bagiev G.L.	Doctor of Economics, Professor; Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
Boris O.A.	Doctor of Economics, Docent; North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
Granberg L.	Doctor of Social Science, Professor; University of Helsinki, Helsinki, Finland
Guschina E.G.	Doctor of Economics, Docent; Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia
Ivanova O.P.	Doctor of Economics, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
Kazak B.B.	Doctor of Juridical Science, Professor; Pskov State University, Pskov, Russia
Karachevskaya E.V.	PhD in Economics, Docent; Belarusian State Agricultural Academy, Gorki, Republic of Belarus
Kachalov R.M.	Doctor of Economics, Professor; Central Economics and Mathematics Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Selischeva T.A.	Doctor of Economics, Professor; Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
Stanisławski R.	PhD in Economics, Docent; Lodz University of Technology, Lodz, Poland
Sätre A.-M.	PhD in Economics, Docent; Uppsala University, Uppsala, Sweden
Fabrichniy S.Yu.	Doctor of Juridical Science, Professor; Federation Council of the Legislative (Representative) Agency of State Power of the Novgorod region, Moscow, Russia; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
Fikhtner O.A.	Doctor of Economics, Docent; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
Patturi Ya.V. (Executive Secretary)	PhD in Economics, Docent; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

---

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Ерчак А.И., Микулич И.М., Гавриленко В.А., Трофимова М.С. Обоснование и особенности внедрения внешнего референтного ценообразования на рынке лекарственных средств Республики Беларусь _____	4
Лазич Ю.В., Попова И.Н. Тенденции и проблемы развития металлургической отрасли России _____	16
Шмаков В.С. Функциональные особенности моделей развития сельских локальных сообществ _____	25

ИНСТРУМЕНТЫ МЕНЕДЖМЕНТА ПРЕДПРИЯТИЙ

Измайлов М.К. Сравнительный анализ современных ЕАМ-систем, используемых в российской и зарубежной практике _____	35
Паршуков А.Е. Теоретические аспекты манипуляции в деловом общении _____	43
Сергеева Т.Л., Калинихина Е.В. Сравнительный анализ методик оценки финансового состояния предприятия _____	50

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Alexeiciuc S.-D. Gender Analysis of Conflicts and Conflict Resolution _____	58
Митина С.И. Публичная власть в контексте реформ государственного управления Российской империи (по материалам Новгородской губернии) _____	66

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Жуков Г.К. О роли прокуроров и стряпчих в сфере уголовного преследования по российскому законодательству конца XVIII века _____	77
Жуков Ф.И. Актуальные вопросы рассмотрения уголовного дела при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением _____	87

CONTENTS

ISSUES OF TERRITORIAL AND SECTORAL DEVELOPMENT OF THE MODERN ECONOMY

Erchak A.I., Mikulich I.M., Gavrilenko V.A., Trofimova M.S. Substantiation and Features of Introduction of External Reference Pricing to the Pharmaceutical Market of the Republic of Belarus _____	4
Lazich Yu.V., Popova I.N. Trends and Issues of the Development of the Metallurgical Industry of Russia _____	16
Shmakov V.S. Functional Features of Models of Development of Rural Local Communities _____	25

ENTERPRISE MANAGEMENT TOOLS

Izmaylov M.K. Comparative Analysis of Modern EAM-Systems Used in Russian and Foreign Practice _____	35
Parshukov A.E. Theoretical Aspects of Manipulation in Business Communication _____	43
Sergeeva T.L., Kalinikhina E.V. Comparative Analysis of Methods for Evaluating the Financial Condition of an Enterprise _____	50

EVOLUTION OF THE LEGAL AND SOCIAL FUNCTION OF PUBLIC AUTHORITY

Alexeiciuc S.-D. Gender Analysis of Conflicts and Conflict Resolution _____	58
Mitina S.I. Public Authority in the Context of Reforms of State Governance of the Russian Empire (on the Materials of the Novgorod Province) _____	66

ISSUES OF THEORY AND PRACTICE OF THE CRIMINAL PROCESS: HISTORY AND MODERNITY

Zhukov G.K. On the Role of Prosecutors and Solicitors in the Field of Criminal Prosecution by the Russian Legislation of the End of the 18th Century _____	77
Zhukov F.I. Current Issues of Criminal Proceedings in the Context of the Agreement of the Accused Person with the Presented Accusation _____	87

**ОБОСНОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ
ВНЕДРЕНИЯ
ВНЕШНЕГО РЕФЕРЕНТНОГО
ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА РЫНКЕ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Ерчак А.И.

Белорусский государственный экономический
университет,
Минск, Республика Беларусь

Микулич И.М.

Белорусский государственный экономический
университет,
Минск, Республика Беларусь

Гавриленко В.А.

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия;
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

Трофимова М.С.

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия

Актуальность регулирования национального фармацевтического рынка объясняется его высокой социальной значимостью: производство и обращение лекарственных средств оказывают непосредственное влияние на национальную безопасность и экономическое благополучие страны. В статье нашли отражение результаты исследований в области административного и экономического механизмов регулирования рынка лекарственных средств в связи с необходимостью обеспечения их доступности. Авторами определены причины, возможности и проблемы введения внешнего референтного ценообразования (External Reference Pricing, ERP) в условиях Республики Беларусь, разработаны предложения, позволяющие обеспечить сбалансированный учет интересов развития национальной экономики в области здравоохранения и потребностей малообеспеченных слоев населения в обеспечении лекарственными средствами. Предложенный

**SUBSTANTIATION AND FEATURES
OF INTRODUCTION
OF EXTERNAL REFERENCE PRICING
TO THE PHARMACEUTICAL MARKET
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Erchak A.I.

Belarus State Economic
University,
Minsk, the Republic of Belarus

Mikulich I.M.

Belarus State Economic
University,
Minsk, the Republic of Belarus

Gavrilenko V.A.

Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia
Saint-Petersburg University of State Fire Service
of EMERCOM of Russia,
Saint-Petersburg, Russia

Trofimova M.S.

Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

The relevance of the regulation of the national pharmaceutical market is explained by its high social significance: the production and circulation of medicines have a direct impact on the national security and economic well-being of the country. The article reflects the results of studies in the field of administrative and economic mechanisms for regulating the market for medicines in connection with the need to ensure their availability. The authors identified the causes, opportunities and problems of introducing External Reference Pricing (ERP) in the Republic of Belarus, developed proposals to ensure a balanced consideration of the interests of the development of the national economy in the field of health and the needs of the poor in providing medicines. The proposed approach to price regulation of the national drug market (an external reference pricing tool as one of the ways to set restrictions when setting the maximum selling price for drugs), a mechanism for forming a 'basket' of

подход к ценовому регулированию национального рынка лекарственных средств (инструмент внешнего референтного ценообразования как один из способов задания ограничений при формировании предельной отпускной цены на препараты), механизм формирования «корзины» референтных стран, критерии их включения и показатели оценки, методы и способы расчета пределов ограничений предельных цен были реализованы в соответствующих нормативных актах, принятых в республике Беларусь в сфере регулирования порядка регистрации и механизма ценообразования на онкологические и сердечно-сосудистые препараты. При оценке результативности и эффективности разработанного механизма было обозначено проблемное поле применения и специфические особенности ценового регулирования рынка лекарственных средств на основе внешнего референтного ценообразования в Республике Беларусь, а также выработаны направления решения выявленных проблем.

Ключевые слова: внешнее референтное ценообразование; государственное регулирование рынка; Республика Беларусь; рынок лекарственных средств; фармацевтическая промышленность.

reference countries, their inclusion criteria and assessment indicators, methods and methods for calculating limits price limits were implemented in the relevant regulatory acts adopted in the country in the field of regulation of the registration procedure and the pricing mechanism for oncological and cardiovascular drugs. When evaluating the effectiveness and efficiency of the developed mechanism, the problem field of application and specific features of the price regulation of the pharmaceutical market based on the external reference pricing in the Republic of Belarus were identified, and directions for solving the identified problems were worked out.

Keywords: external reference pricing; state regulation; Republic of Belarus; pharmaceutical market; pharmaceutical industry.

Развитие рынка лекарственных средств имеет противоречивые моменты и особенности. Интересы участников рынка различны, иногда противоположны. Наличие прав интеллектуальной собственности на новые препараты обеспечивает монопольную позицию поставщику, позволяя устанавливать высокие цены. Это снижает доступность лекарств, обуславливает высокую финансовую нагрузку на систему общественного здравоохранения, что особенно значимо для стран с невысоким уровнем доходов. Так, отмечается, что существуют огромные различия в размере расходов на лекарственные средства на душу населения: от 7,61 долл. США в странах с низким уровнем дохода до 431,6 долл. США – в странах с высоким уровнем дохода [Lu, Hernandez, Abegunde & Edejer, 2011].

Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) были разработаны рекомендации по регулированию данного рынка в странах со средним и низким уровнем доходов. Отмечается целесообразность применения метода «затраты плюс» при установлении цен; регулирования надбавок в цепи поставок; содействия использованию

Образец цитирования:

Ерчак А.И., Микулич И.М., Гавриленко В.А., Трофимова М.С. Обоснование и особенности внедрения внешнего референтного ценообразования на рынке лекарственных средств Республики Беларусь // BENEFICIUM. 2020. № 2 (35). С. 4-15. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).4-15](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).4-15).

For citation:

Erchak A.I., Mikulich I.M., Gavrilenko V.A., Trofimova M.S. Substantiation and Features of Introduction of External Reference Pricing to the Pharmaceutical Market of the Republic of Belarus // BENEFICIUM. 2020. No. 2 (35). pp. 4-15. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).4-15](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).4-15).

непатентованных лекарств; использования референтных цен [Cameron, Hill, Whyte, Ramsey & Hedman, 2015]. Единого подхода к выбору методов, их сочетаний и особенностей реализации не существует. Чаще всего используются сочетания референтного ценообразования и ограничения прибыли в отпускных ценах фармацевтических компаний [Nguyen, Knight, Roughead, Brooks & Mant, 2015]. В Республике Беларусь до 2018 г. акцент делался на ограничении рентабельности в отпускных ценах, регулировании надбавок и применении тендеров на закупку лекарственных препаратов. В то же время возникали диспропорции в ценах препаратов иностранного производства на внутреннем и внешнем рынках.

Ежегодные расходы стран мира на здравоохранение различны, например: в США – 17.4% ВВП, в Российской Федерации – 7.0% ВВП, в Республике Беларусь – 5.3% ВВП. Общие расходы на лекарственные препараты в 2018 г. составили 1.3 трлн. долл. США, что на 30% больше, чем в 2013 г. [Рейтинг стран мира по уровню расходов на здравоохранение, 2019]. Среднегодовой прирост расходов на лекарственные препараты составлял 4-7% [Прогноз развития мирового фармацевтического рынка до 2018 года, 2015].

При этом, фармацевтическая промышленность остается одной из самых наукоемких и инвестиционно-привлекательных отраслей. В 2015 г. в НИР здесь было инвестировано более 142 млрд. долл. США. Однако, при росте затрат на НИР более чем на 80%, количество новых оригинальных препаратов на этапе регистрации снизилось на 43%. В 2014 г. было зарегистрировано только 46 новых лекарственных форм, что стало самым низким показателем за последние 10 лет [Фармкомпании тратят миллиарды на разработку лекарств для лечения редких заболеваний, 2015]. Из 20 новых лекарственных препаратов, регистрируемых ежегодно, только 5-7 являются первыми в своем классе молекулами [EFPIA, 2017].

Прирост цены, зачастую, не соответствует клиническим преимуществам, что объясняется несколькими моментами: инновации требуют привлечения уникальных специалистов, что предопределяет высокий уровень расходов на оплату труда; отмечается значительный рост требований по безопасности; разработка лекарств сопряжена с риском, поскольку процесс разработки и вывода на рынок может продолжаться многие годы [Gregson, Sparrowhawk, Mauskopf & Paul, 2005]; многие участники рынка осуществляют разработку новых лекарств на условиях венчурного финансирования, а инвесторы рассчитывают на получение сверхприбыли [Venkataschalam & Saberwal, 2012]; большая доля разработок, не приводящих к выводу на рынок нового продукта, замедление внедрения принципиально новых молекул, побуждает фармацевтические компании искать возможности финансового возмещения за счет роста цен на успешные лекарства [Ehtesham & Mansingh, 2008]; введение регулирования рынка лекарственных препаратов усилило акцент компаний на установлении экономически выгодной стартовой цены, способной обеспечить возмещение разработчику понесенных расходов [OECD, 2008].

В этих условиях низкие цены могут снизить привлекательность определенных стран для производителей и привести к тому, что важные препараты не будут продаваться в конкретной стране или будут продаваться с существенными задержками [Espin, Rovira & De Labry, 2011]. Эта проблема особенно актуальна для развивающихся стран, рынки которых не столь велики.

В Республике Беларусь лицензию на производство фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов имеют 73 организации, из них 80.9% – организации частной формы собственности, 6.8% – государственной, 12.3% – иностранной.

Наибольший темп роста наблюдался в 2016 г., когда количество предприятий выросло с 55 до 72. Из общего количества фармацевтических производителей наибольшая доля (78%) приходится на малые и микро-организации, однако 85.5% произведенной продукции приходится на крупные и средние предприятия, что характеризует высокий уровень концентрации рынка. Значительные темпы прироста данной отрасли экономики обусловлены несколькими причинами:

- высокий уровень рентабельности данного вида экономической деятельности;
- старение населения (доля граждан старше 60 лет составляет 21%, за последние 10 лет численность пожилых людей увеличилась на 14%);
- рост заболеваемости вследствие неблагоприятного влияния техногенных и экологических факторов;
- низкая эластичность спроса на лекарственные препараты и высокие темпы роста цен.

Высокие темпы роста цен на лекарственные препараты, во-многом, обусловлены ростом поставок лекарственных препаратов иностранного производства при отсутствии паритета цен на национальном и смежных рынках. Таким образом, необходимость сбалансированного подхода к выбору методов государственного воздействия на формирование цен лекарственных препаратов не вызывает сомнений.

Эффективное регулирование, в данном случае, должно обеспечивать:

- способность используемых для регулирования методов приводить к снижению / сдерживанию роста цен;
- возможность государства обеспечивать контроль за соблюдением внедряемого механизма регулирования цен;
- объективность применения используемого механизма регулирования цен, его прозрачность и предсказуемость для участников фармацевтического рынка.

Согласно определению Европейской информационной сети по ценообразованию и реимбурсации лекарственных средств (Pharmaceutical Pricing and Reimbursement Information, PPRI), внешнее референтное ценообразование (External Reference Pricing, ERP) – практика использования цен на лекарственное средство в одной или нескольких странах с целью разработки стандартной или референтной цены для установления или проведения переговоров о цене продукта в данной стране [Rémuzat, Urbinati, Mzoughi, Hammi, Belgaied & Toumi, 2015]. Практика ERP, предполагающая, что национальная цена формируется с учетом цен в «корзине» эталонных стран, была введена во многих развитых странах в 1990-е гг. (впервые – в Канаде в 1987 г.) [Espin, Rovira & De Labry, 2011; Stargardt & Schreyogg, 2005; Rémuzat, Urbinati, Mzoughi, Hammi, Belgaied & Toumi, 2015]. В последние годы механизм ERP стал широко применяться и правительствами развивающихся стран. Так, все страны ОЭСР ввели определенную степень регулирования цен на фармацевтические препараты, при этом наиболее распространенной ценовой политикой стало ERP [OECD, 2008]. В то же время, синтез 25 опубликованных исследований показал, что зачастую его реализация была неэффективной [Rida & Mohamed, 2017].

При установлении национальных цен на лекарственные средства ERP может использоваться как в качестве основного критерия, так и в качестве дополнительного к иным методам регулирования, а также применяться ко всем лекарственным препаратам или только к части из них.

Параметры реализации механизма ERP в разных странах существенно различаются, при этом основные различия подходов к сравнению цен на лекарства на

разных рынках касаются числа рассматриваемых референтных стран, критериев выбора референтных стран, порядка определения цены на основе цен референтных стран.

В качестве критериев отбора референтных стран могут выступать: географическое соседство; аналогичный уровень экономического развития; теснота экономических связей; схожесть условий функционирования национальных систем здравоохранения. Формулы, используемые для определения цен на лекарственные средства на основе информации из референтных стран, также различаются. Могут использоваться следующие подходы: цена на лекарственные средства определяется как средняя цена из выбранной корзины стран; цена не может превышать наивысшую цену среди референтных стран; цена не может превышать самую низкую цену среди референтных стран; др. Результирующая цифра может быть скорректирована, чтобы учесть, например, более низкий экономический потенциал страны по сравнению с эталонными странами [Espin, Rovira & De Labry, 2011].

Следует согласиться с мнением, что метод ERP является инструментом регулирования цен, используемым в целях сдерживания роста стоимости лекарств, хотя теоретически он может способствовать модуляции цен вверх и вниз [Rémuzat, Urbinati, Mzoughi, Hammi, Belgaied & Toumi, 2015]. К его преимуществам относятся легкость и прозрачность проведения сравнений, низкая стоимость, относительное чувство справедливости. Однако имеются и проблемы, обусловленные наличием заинтересованности фармацевтических компаний в поиске путей максимизации своих выгод в условиях различия подходов в разных странах.

Таким образом, возникает необходимость:

- разработки механизма ценового регулирования рынка лекарственных средств на основе ERP в Республике Беларусь;
- оценки возможной эффективности использования данного механизма;
- выявления потенциальных проблем, обусловленных его применением;
- поиска решений, направленных на преодоление выявленных проблем.

Для решения поставленных задач проведены:

- систематический структурированный обзор литературы в целях выявления и характеристики использования ERP в отдельных странах;
- формирование поля возможных проблем внедрения ERP для национального фармацевтического рынка;
- исследование рынка лекарственных средств Республики Беларусь, динамики и структуры предельных отпускных цен на лекарственные препараты, механизма референтного ценообразования на данном рынке.

ERP является наиболее широко используемым методом установления цен на лекарственные средства в странах ОЭСР (применяется в 24 из 30 стран). В ЕС он не используется только в Швеции и Великобритании [Rémuzat, Urbinati, Mzoughi, Hammi, Belgaied & Toumi, 2015]. ERP широко применяется и в странах с более низким уровнем доходов, например, в Бразилии, Индонезии, Иордании, Иране, Йемене, Колумбии, Мексике, ОАЭ, Омане, России, Южной Африке, Южной Корее, Турции и др. [Nguyen, Knight, Roughead, Brooks & Mant, 2015; Rida & Mohamed, 2017].

Среднее число стран, использованных в качестве эталона (перечня референтных стран), колеблется от 4 до 8 [Espin, Rovira & De Labry, 2011]. Учитывая разницу в наличии лекарств в разных странах, некоторые эксперты рекомендуют включать в перечень до 10 стран [Nguyen, Knight, Roughead, Brooks & Mant, 2015].

Европейские страны в большинстве случаев в состав «корзин» включают страны со сходным уровнем экономического развития и/или географической близостью. Для определения стран со сходным уровнем экономического развития их упорядочивают согласно уровню ВВП на душу населения. В то же время некоторые государства в качестве референтных стран выбирают страны с более высоким уровнем развития.

Есть страны, которые обычно используются в качестве справочных, хотя они необязательно находятся в одном регионе, из-за их низких цен, прозрачности и доступности ценовой информации [Espin, Rovira & De Labry, 2011]. Многими развивающимися странами помимо стран, отвечающих указанным критериям, в число референтных включаются страны ЕС, что связано с их опытом в использовании ERP, а также стабильностью систем здравоохранения. Так в Российской Федерации в перечень референтных стран включены страны-соседи (Беларусь, Казахстан, Украина), а также 16 стран ЕС и Турция.

Наиболее часто применяемый метод определения цены на основе цен референтных стран в Европе – определение среднего значения среди стран, вошедших в «корзину». Например, в ЕС 15 стран используют среднюю цену (при этом еще 7 стран – самую низкую цену (например, Болгария, Венгрия или Польша), 7 стран – другие методы расчета). В некоторых странах референтные цены используются только в случае, если препарат продается в не менее, чем в определенном числе стран, например, в 2 странах – в Хорватии и Нидерландах, в 3 странах – в Чехии, Греции и Венгрии [Rémuzat, Urbinati, Mzoughi, Hammi, Belgaied & Toumi, 2015].

Основными источниками информации являются сертификаты производителей и веб-сайты стран, а также (очень редко) международные базы данных о ценах.

Проведенное на основании данных Национального статистического комитета, материалов Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь за 2011-2018 гг. и др. исследование белорусского рынка фармацевтической промышленности и лекарственных средств позволило выявить следующие факты и тенденции:

- фармацевтическая промышленность обладает большим потенциалом роста (доля в объеме промышленного производства в 2011 г. составила 0.5%, в 2017 г. – уже 1.2%);
- промышленное производство фармацевтических препаратов, в основном, представлено крупными и средними организациями (85.5%);
- рост числа малых и микроорганизаций при снижении их доли на рынке;
- рост числа организаций частной формы собственности (за 4 года на 10 ед.);
- высокий уровень рентабельности предприятий данного сектора экономики (рентабельность реализованной продукции составляет 35.4%, рентабельность капитала – 20.0% при среднем показателе по промышленности 6.6%);
- рост внешних затрат на НИР (с 22.7% в 2013 г. до 58.1% в 2017 г.);
- снижение доли капитальных затрат на НИР (с 29.3% в 2011 г. до 1.2% в 2017 г.);
- значительное снижение удельного веса финансирования инновационной деятельности фармацевтических организаций из средств республиканского бюджета (с 73.2% в 2008 г. до 17.1% в 2017 г.);
- сокращение удельного веса отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции (с 20.5% в 2014 г. до 11.5% в 2017 г.);

- увеличение доли инновационной продукции, отгруженной на внутренний рынок (с 75.0% в 2014 г. до 84.0% в 2017 г.);
- снижение удельного веса отгруженной инновационной продукции новой для внутреннего рынка (с 45.4% в 2014 г. до 34.0% в 2017 г.);
- низкая патентная активность на национальном и международном уровнях (11 на 1 млн. человек населения¹);
- незаинтересованность крупнейших международных фармацевтических компаний осуществлять поставки лекарственных средств на территории государств – участников СНГ, имеющих низкую емкость рынка лекарственных средств, что снижает доступность лекарственной помощи для населения;
- экспорт товаров фармацевтической промышленности вырос на 25.7% в 2014-2017 гг., при этом доля экспорта фармацевтической продукции в общем объеме экспорта не превышала 0.7%;
- в структуре экспорта преобладают поставки в страны СНГ (95.0% в 2017 г.);
- импорт товаров фармацевтической промышленности снизился на 13.62% в 2014-2017 гг., при этом доля импорта фармацевтической продукции в общем объеме импорта составила 2.09% в 2017 г.;
- в структуре импорта преобладают поставки из стран, не входящих в СНГ (более 83.0% в 2017 г.);
- на страны ЕС в 2017 г. приходилось более 52.0% общего объема импортных поставок фармацевтической продукции, что примерно соответствует уровню 2014 г.;
- на страны ЕС в 2017 г. приходилось около 61.0% общей стоимости импорта фармацевтической продукции, что ниже показателя 2014 г. (72.2%);
- снижение доли импорта из стран ЕС при сопоставимом объеме поставок обусловлен снижением средней цены импортируемой фармацевтической продукции;
- средние цены лекарственных средств, расфасованных для розничной продажи, при экспорте в страны СНГ составили в 2017 г. – 17915 долл. США за тонну, при импорте из стран вне СНГ – 76623 долл. США за тонну; сложившееся соотношение цен импорта к ценам экспорта составило 4.3 (в 2014 г. – 5.7);
- рост удельного веса расходов на здравоохранение в общем объеме потребительских расходов с 3.6% в 2014 г. до 4.6% в 2017 г.; в том числе расходов на лекарственные средства и медицинские товары – с 2.5% до 3.3%.

По результатам исследования имеющихся научных и научно-практических публикаций, а также с учетом опыта и особенностей развития Республики Беларусь можно сформировать следующее проблемное поле реализации механизма ERP:

- ограниченный доступ к ценам во многих странах ЕС (недоступность цен, трудности с выявлением и получением соответствующих источников данных) [Kaiser, Méndez, Rønde & Ullrich, 2013]; ценовая неоднородность также затрудняет сравнение цен;
- отсутствие прозрачных баз данных о ценах, которые могут привести к ошибкам и искажению результатов ERP;
- идентификация одного и того же лекарства в разных странах может быть сложной из-за различных коммерческих названий, фармацевтических составов, дозировок и размеров упаковки;

---

¹ Для сравнения: в Швейцарии – 250, в США – 70, в Германии – 45.

– публично доступные цены – это заявленные цены, которые могут существенно отличаться от цен реальных сделок, в том числе за счет скидок, предоставляемых производителем;

– в условиях ERP фармацевтические компании заинтересованы регистрировать первоначально высокие цены на ключевых рынках с целью получения более широких возможностей маневрирования ценой на прочих рынках;

– одним из последствий применения ERP является то, что он оказывает давление на страны, которые другие страны выбирают в качестве эталонной, для поддержания высоких цен, особенно если они хотят досрочного выхода на рынок новых продуктов; так в одном из исследований подсчитано, что снижение немецких цен на лекарства на 1 евро приведет к снижению от 0.15 до 0.36 евро в странах ЕС, которые используют ERP [Stargardt & Schreyogg, 2005];

– внедрение ERP характеризуется «зависимостью пути», что означает, что на наблюдаемые уровни цен влияет выбор фармацевтическими компаниями рынков, на которые препараты будут выведены первыми; стратегии последовательности запуска используются для того, чтобы задержать или избежать запуска новых лекарств в странах с потенциально более низкими ценами, особенно если это небольшие рынки, на которые ссылаются страны с более крупными рынками [Rémuzat, Urbinati, Mzoughi, Hammi, Belgaied & Toumi, 2015; Espin, Rovira & De Labry, 2011]; чем жестче требования национального регулятора, меньше рынок и чаще используются цены страны в качестве референтных, тем выше заинтересованность компаний задерживать выход препарата на такой рынок;

– в странах с более низкими ценами или меньшим объемом рынка было меньше доступных лекарств, а также они страдали от более длительных задержек с запуском лекарств [Espin, Rovira & De Labry, 2011];

– пересмотр цен на основе ERP происходит нерегулярно и не всегда справедливо: после того, как была установлена начальная цена, снижение цен в референтных странах автоматически не сопровождается перерегистрацией цены на национальном рынке, однако рост цен в референтных странах приводит к перерегистрации цен со стороны производителей.

Существуют также доказательства того, что широкое использование ERP определяет циклическое ценообразование (чем больше стран используются в качестве эталонных стран, тем менее понятно, какие цены в этих странах являются эталонными) [European Parliament, 2011].

Для Республики Беларусь также актуально следующее:

– государственное регулирование цен на лекарства хотя и сдерживает рост цен, но зачастую приводит к сокращению ассортимента лекарств по причине исчезновения из товаропроводящей цепочки препаратов низкой ценовой категории, что, в конечном счете, приводит к росту затрат населения на лекарственные средства;

– конфликт интересов в сфере регулирования фармацевтических рынков ведет к созданию дискриминационных условий для различных участников рынков;

– недостаточная прозрачность процедур регистрации;

– отсутствие возможности проведения независимой арбитражной экспертизы лекарственного средства;

– длительные сроки регистрации и их периодическое нарушение.

В Республике Беларусь существенную долю в структуре продаж лекарственных препаратов занимают лекарства иностранных производителей, при этом, несмотря на некоторое снижение импорта, его влияние на состояние и динамику показателей

фармацевтического рынка остается значительным. Особое внимание должно уделяться объективно складывающимся диспропорциям между уровнем цен на поставляемую на территорию Беларуси иностранную фармацевтическую продукцию и уровнем цен на схожих по показателям развития и близким географически национальных рынках. Широко применяемым в международной практике инструментом, позволяющим устранить такие диспропорции, является ERP. Особенно актуальным является его применение в сферах, где качественное лечение пациентов требует дорогостоящих лекарственных препаратов. С учетом высоких показателей заболеваемости, уровня смертности и стоимости лечения в Республике Беларусь в качестве пилотных направлений внедрения механизма ERP рассмотрены рынок социально-значимых лекарств для лечения онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний. Так, заболеваемость злокачественными новообразованиями в республике выросла в 2014-2017 гг. на 11.2%, сердечно-сосудистыми заболеваниями – на 28.5%. При этом онкологические и сердечно-сосудистые заболевания стали причиной более 70% смертей в 2017 г.

С учетом сформированного проблемного поля внедрения ERP в рамках пилотного проекта были реализованы следующие решения:

- механизм ERP используется как один из способов задания ограничений при формировании предельной отпускной цены на лекарственные препараты наряду с иными инструментами регулирования;
- с учетом накопленного международного опыта, а также учитывая разницу в наличии лекарств в разных странах, сформирован широкий перечень референтных стран (14 стран);
- в целях обеспечения сопоставимости условий в перечень референтных стран включены страны, характеризующиеся следующими условиями: наличие доступа к надежной информации о ценах на национальных рынках, схожие условия функционирования рынков (покупательная способность, особенности регулирования) – Армения, Казахстан, Молдова, Россия, Кыргызстан; географически близкие страны (страны Восточной Европы) – Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Чехия, Эстония; в перечень референтных стран также включена и страна-производитель лекарственного препарата;
- Республика Беларусь не является ключевым рынком для определения цен в других странах, она включена в перечень референтных стран только России и Казахстана, что снижает риск задержек, отказа от поставки препаратов или попыток целенаправленного завышения цены производителями в связи со стратегиями, основанными на «зависимости пути»;
- с учетом сложности идентификации одного и того же лекарства в разных странах осуществляется вычисление усредненной стоимости на действующее вещество, а не на коммерческое наименование определенного препарата;
- в связи с проблемой низкой привлекательности рынков стран, использующих в ERP минимальные значения цены из перечня референтных стран, и с учетом небольшого объема фармацевтического рынка, для обеспечения доступности лекарственных препаратов в Республике Беларусь использован расчет цены на основе среднего арифметического значений цен в странах, включенных в перечень референтных.

На 22.02.2019 г. были зарегистрированы и включены в Государственный реестр предельных отпускных цен производителей на лекарственные средства цены по 31 международному непатентованному наименованию (МНН) (83.8% от общего количе-

ства), в том числе для лечения онкологических заболеваний – по 10 МНН (62.5%), для лечения сердечно-сосудистых заболеваний – по 21 МНН (100%).

Незначительный рост (от 1.09% до 5.56%) предельных отпускных цен в сравнении с действующей фактической ценой отпуска наблюдался по 76 позициям. По 101 позиции снижение цен составило от 0.26% до 64.59%, в том числе:

по 39 позициям – до 20%;

по 46 – от 20 до 40%;

по 16 – от 40 до 64%.

По 27 позициям цены были установлены на уровне фактических.

В целях дальнейшего развития рынка лекарственных средств и обеспечения эффективного регулирующего воздействия целесообразно:

– на законодательном уровне ввести запрет недобросовестных практик взаимодействия фармацевтических компаний и врачебного сообщества, а также разработать требования по назначению лекарственных препаратов используя МНН;

– совершенствовать процедуры государственной регистрации лекарственных препаратов и биологически активных добавок;

– гибко менять механизм регулирования цен на лекарственные препараты при изменении конъюнктуры рынка;

– ввести институт взаимозаменяемости лекарственных препаратов;

– совершенствовать законодательство в сфере закупок лекарственных препаратов;

– урегулировать вопросы защиты интеллектуальной собственности;

– развивать конкуренцию как между аптечными организациями, так и между предприятиями фармацевтической отрасли.

References

Cameron A., Hill S., Whyte P., Ramsey S. & Hedman L. WHO guideline on country pharmaceutical pricing policies. Geneva: World Health Organization, 2015.

EFPIA. The Pharmaceutical Industry in Figures (2017). Available at: https://www.efpia.eu/media/219735/efpia-pharmafigures2017_statisticbroch_v04-final.pdf (accessed 20.02.2020).

Ehtesham Sh. & Mansingh N. Conflicting interests in drug pricing: Innovation vs social need // Current Science (00113891). January 25, 2008. Vol. 94. Iss. 2. pp. 168-169.

Espin J., Rovira J. & De Labry A.O. WHO/HAI project on medicine prices and availability – Working paper 1: External reference pricing (2011). Available at: <http://www.haiweb.org/medicineprices/24072012/ERPfinalMay2011.pdf> (accessed 13.02.2020).

European Parliament. Differences in costs of and access to pharmaceutical products in the EU. (2011). Available at: <http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201201/20120130ATT36575/20120130ATT36575EN.pdf> (accessed 10.02.2020).

Farmkompanii tratyat milliardy na razrabotku lekarstv dlya lecheniya redkih zabolevaniy [Pharmaceutical companies spend billions developing drugs to treat rare diseases] // Vedomosti. November 09, 2015 (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/11/10/616116-farmkompanii-tratyat-milliardi-dollarov-razrabotku-lekarstv-dlya-lecheniya-redkih-zabolevanii> (accessed 10.02.2020).

- Gregson N., Sparrowhawk K., Mauskopf J. & Paul J. Pricing medicines: theory and practice. Challenges and opportunities // Nature Reviews. Drug Discovery. Vol. 4. February 2005. Iss. 2. pp. 121-130.
- Kaiser U., Méndez S.J., Rønde Th. & Ullrich H. Regulation of Pharmaceutical Prices: Evidence from a reference price reform in Denmark // IZA DP. 2013. No. 7248. Available at: <http://ftp.iza.org/dp7248.pdf> (accessed 13.02.2020).
- Lu Y., Hernandez P., Abegunde D. & Edejer T. The World Medicines Situation 2011. Medicine Expenditures / WHO/EMP/MIE/2011.2.6. Available at: https://www.who.int/health-accounts/documentation/world_medicine_situation.pdf (accessed 13.02.2020).
- Nguyen T.A., Knight R.C., Roughead E.E., Brooks G. & Mant A. Policy options for pharmaceutical pricing and purchasing: issues for low- and middle-income countries // Health Policy and Planning. 2015. No. 30. pp. 267-280. doi: 10.1093/heapol/czt105.
- OECD health Policy Studies (2008). Pharmaceutical Pricing Policies in a Global Market. Available at: <https://www.oecd.org/els/pharmaceutical-pricing-policies-in-a-global-market.htm> (accessed 13.02.2020).
- Prognoz razvitiya mirovogo farmatsevticheskogo rynka do 2018 goda [World Pharmaceutical Market Forecast 2018] (2015). Farmatsevticheskoe obozrenie Kazakhstana [Pharmaceutical review of Kazakhstan]. (In Russ.). Available at: <https://www.pharm.reviews/analitika/item/42-prognoz-razvitiya-mirovogo-farmatsevticheskogo-rynka-do-2018> (accessed: 12.02.2020).
- Rémuzat C., Urbinati D., Mzoughi O., Hammi E.E., Belgaied W. & Toumi M. Overview of external reference pricing systems in Europe // Journal of Market Access & Health Policy. 2015. No. 3. pp. 1-11. doi: 10.3402/jmahp.v3.27675.
- Reyting stran mira po urovnyu rashodov na zdavoohranenie [Global ranking of health expenditure] (2019). Countries.World (In Russ.). Available at: http://ru.countries.world/world/Расходы_на_здравоохранение_-5-129_590_215_a.html (accessed: 12.02.2020).
- Rida N.M.A. & Mohamed I.M.I. Pricing strategies for pharmaceuticals in developing countries: what options do we have? // Generics and Biosimilars Initiative Journal. 2017. No. 6 (1). pp. 4-6. doi: 10.5639/gabij.2017.0601.002.
- Stargardt T. & Schreyogg J. Impact of Cross-Reference Pricing on Pharmaceutical Prices // Applied Health Economics and Health Policy. 2006. No. 5. pp. 235-247. doi: 10.2165/00148365-200605040-00005.
- Venkatachalam S. & Saberwal G. Bio-Business in Brief: A Case for New Drugs at Generic Prices from India // Current Science. 2012. No. 10. pp. 1375-1381. Available at: <http://www.indiaenvironmentportal.org.in/> (accessed: 13.02.2020).

Об авторах / Authors

Александр Иванович Ерчак – кандидат экономических наук, доцент; декан, факультет коммерции и туристической индустрии, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь / **Aleksandr I. Erchak** – PhD in Economics, Docent; Dean, Department of Commerce and Tourism, Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus.

E-mail: erchak_a@bseu.by.

SPIN РИНЦ 4868-3504.

Инеcса Мечиславовна Микулич – кандидат экономических наук, доцент; заведующий кафедрой экономики торговли и услуг, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь / **Inessa M. Mikulich** – PhD in Economics, Docent; Head, Department of Trade and Services Economics, Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus.

E-mail: mikulich@bseu.by.

SPIN РИНЦ 2803-3740.

Владимир Александрович Гавриленко – кандидат юридических наук, доцент; доцент, кафедра гражданского права и процесса, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; доцент, кафедра теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России, Санкт-Петербург, Россия / **Vladimir A. Gavrilenko** – PhD in Law, Docent; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: gv22@mail.ru.

SPIN РИНЦ 5093-5970.

Марина Сергеевна Трофимова – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия / **Marina S. Trofimova** – PhD in Law, Docent; Head, Department of Civil Law and Procedure, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

E-mail: Marina.Trofimova@novsu.ru.

SPIN РИНЦ 7065-1903.

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

Лазич Ю.В.

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия

Попова И.Н.

Уральский государственный экономический
университет,
Екатеринбург, Россия

Исследование посвящено выявлению состояния, тенденций и особенностей развития российской металлургической отрасли. Металлургия является одной из важнейших отраслей экономики страны, однако вклад ее в ВВП невелик. Основу российской металлургии составляют шесть крупных вертикально и горизонтально интегрированных холдингов. На динамику их рыночной стоимости оказывают наибольшее влияние курс рубля, мировые цены на сырьевые ресурсы и корпоративные решения. В последние годы металлургическое производство в России показывает слабый рост, однако в 2019 г. наметились негативные тенденции. Следует заметить, что данные тенденции носят общемировой характер. По мнению экспертов, ждать существенного улучшения ситуации не приходится, особенно с учетом пандемии коронавируса. Негативное влияние будут, по-прежнему, оказывать торговые войны на внешних рынках, развитие внутреннего рынка также довольно сомнительно. К числу основных проблем компаний металлургической отрасли относятся несовершенство государственного регулирования; недостаточный объем мощностей и производственно-технического потенциала; высокий уровень налогообложения. Металлургия – одна из тех отраслей, где риски дефолтов всегда высоки. Примерно каждые пять лет металлургия испытывает резкое снижение финансовых показателей из-за циклических спадов на рынке. В последние годы динамика числа банкротств металлургии имела тренд к не-

TRENDS AND ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF THE METALLURGICAL INDUSTRY OF RUSSIA

Lazich Yu.V.

Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

Popova I.N.

Ural State
University of Economics,
Ekaterinburg, Russia

The study is dedicated to identifying the state, trends and developmental features of the Russian metallurgical industry. Metallurgy is one of the most important sectors of the country's economy, but its contribution to GDP is small. The basis of Russian metallurgy is six large vertically and horizontally integrated holdings. The ruble exchange rate, world prices for raw materials and corporate decisions have the greatest influence on the dynamics of their market value. In recent years, metallurgical production in Russia has shown weak growth, but in 2019 there have been negative trends. It should be noted that these trends are global in nature. According to experts, one does not have to wait for a significant improvement, especially given the pandemic of the coronavirus. Negative influence will continue to be exerted by trade wars in foreign markets, the development of the domestic market is also quite doubtful. Among the main problems of companies in the metallurgical industry are the imperfection of state regulation; insufficient capacity and production and technical potential; high level of taxation. Metallurgy is one of those industries where the risks of defaults are always high. About every five years, metallurgy experiences a sharp decline in financial performance due to cyclical downturns in the market. In recent years, the dynamics of the number of metallurgy bankruptcies tended to decrease slightly, however, in the second half of 2019, the number of bankruptcies of enterprises increased by 5.6%. Given the current situation in the global economy, a decline

большому снижению, однако во втором полугодии 2019 г. число банкротств предприятий выросло на 5.6%. С учетом текущей ситуации в мировой экономике в ближайшей перспективе прогнозируется падение металлургического рынка. Для отечественных производителей ситуацию могли бы изменить: улучшение инвестиционного климата, взвешенная регуляторная политика, развитие внутреннего рынка металлопродукции.

Ключевые слова: государственное регулирование экономики; металлургическая отрасль; национальная экономика; предпосылки возникновения банкротства; торговые войны.

in the metallurgical market is projected in the near future. For domestic producers, the situation could be changed: improvement of the investment climate, balanced regulatory policy, development of the domestic metal products market.

Keywords: state regulation of the economy; metallurgy industry; national economy; conditions for bankruptcy; trade wars.

Металлургическая отрасль представляет собой комплекс взаимосвязанных предприятий, область деятельности которых сконцентрирована на стадиях производства черных и цветных металлов – от добычи сырья до выпуска готовой продукции. Соответственно, в составе отрасли различают подотрасли черной и цветной металлургии. К черной металлургии относят процессы металлургического производства наиболее распространенных железоуглеродистых сплавов; данные процессы заключаются в производстве определенного числа последовательных этапов переработки (переделов). Цветная металлургия производит различные цветные, редкие, тугоплавкие и драгоценные металлы.

В мировой экономике Россия занимает 2-е место в мире (после Китая) по объемам производства труб стальных, алюминия, никеля; 5-е место – по объему производства стали, составляющему 4% мирового производства. Доля России в мировом производстве шести основных видов цветных металлов (алюминий, никель, медь, цинк, свинец, олово) составляет 8.5%. До 85% продукции цветной металлургии и до 40% продукции черной металлургии экспортируется [Тарнавский, 2018; Усачева, Демина, 2019].

Доля вклада российской металлургии в структуру ВВП невелика – около 5%, но ее роль очень важна, поскольку от металлургии зависят три базовые отрасли экономики: промышленность, строительство и топливно-энергетический комплекс, которые в совокупности дают 58% ВВП [Хазанов, 2019]. Например, занятость на металлургических предприятиях обуславливает занятость в смежных отраслях: мультипликативный эффект составляет 1 к 7, т.е. один человек, занятый в металлургии, обеспечивает занятость до семи человек в смежных отраслях экономики.

Основу российской металлургии составляют шесть крупных вертикально и горизонтально интегрированных холдингов, на долю которых в I полугодии 2019 г. приходилось 87% всего объема выпускаемой продукции: ПАО «Северсталь», «EVRAZ», ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» (НЛМК), ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» (ММК), ОАО «Металлоинвест», ОАО «Мечел». Большинство ведущих металлургических компаний являются вертикально интегрированными. В

Образец цитирования:

Лазич Ю.В., Попова И.Н. Тенденции и проблемы развития металлургической отрасли России // BENEFICIUM. 2020. № 2 (35). С. 16-24. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).16-24](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).16-24).

For citation:

Lazich Yu.V., Popova I.N. Trends and Issues of the Development of the Metallurgical Industry of Russia // BENEFICIUM. 2020. No. 2 (35). pp. 16-24. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).16-24](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).16-24).

таблице 1 представлена динамика основных финансовых показателей российских металлургических гигантов: она позитивна по всем показателям для всех шести предприятий на протяжении всего рассматриваемого периода.

Таблица 1. Финансовые показатели ведущих металлургических компаний России

Компания	Выручка, млн. долл. США			ЕБИТДА, млн. долл. США			Рентабельность по ЕБИТДА, %		
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
EVRAZ	7713	10827	12686	1542	2624	3812	20	24	30
НЛМК	7636	10065	11812	1941	2655	3454	25	26	29
Северсталь	5916	7848	8864	1911	2577	3160	32	33	36
ММК	5630	7546	8322	1641	2032	2420	29	27	29
Металлоинвест	4261	6231	7558	1258	2120	2982	30	34	39
Мечел	4122	5128	5278	968	1391	1396	24	27	26

Составлено по [Обзор рынка черной металлургии, 2019]

В последние годы прибыль металлургических концернов в мире снижается. Если в начале 2000-х гг. маржинальность бизнеса по ЕБИТДА достигала 18-20%, то сейчас показатель опустился приблизительно на 10 п.п., как отмечают аналитики McKinsey в исследовании «Инновации в России – неисчерпаемый источник роста» [Макаренко, 2020]. В России сталелитейные компании намного прибыльнее иностранных конкурентов: маржинальность их достигает 20-25%, рентабельность ведущих российских металлургических компаний по состоянию на конец I полугодия 2019 г. находилась в интервале от 24% до 39%. При этом следует отметить, что цены на сырье постоянно снижаются.

Среднегодовой темп роста индекса акций металлургического сектора на Московской бирже (ММВБ) с начала 2014 г. по конец 2019 г. составил 13.9%, что стало вторым результатом среди отраслевых индексов в России после нефтегазовой отрасли. В числе основных факторов роста / снижения индексов можно назвать следующие [Обзор сектора металлургии и добычи – 4 квартал 2019 года, 2020]:

- постепенное снижение курса рубля способствовало улучшению финансовых результатов сектора;
- снижение мировых цен на сырьевые ресурсы внесло отрицательный вклад в рост выручки российских металлургических компаний;
- доходность отдельных металлургических компаний в значительной мере подвержена влиянию корпоративных решений.

С 2017 г. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) изменила объекты учета: до 2016 г. все показатели отражались по группе «Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий», а с 2017 г. металлургическое производство выделяется отдельно. В связи с этим рассмотрение долгосрочной динамики развития отрасли с использованием доступных статистических данных затруднительно.

Большинство показателей развития металлургической отрасли имеют положительную динамику (таблица 2). Снижение наблюдается лишь в отношении среднесписочной численности занятых, количества функционирующих предприятий, а также количества убыточных предприятий. Снижение численности работающих в отрасли может быть обусловлено как уменьшением числа предприятий, так и снижением трудоемкости работ, оптимизации бизнес-процессов. Значительно (на 5.1 п.п.) выросла рентабельность продукции металлургического производства, на 3 п.п. – рента-

бельность активов, на 44% увеличился сальдированный финансовый результат (разность между доходами и расходами), что говорит о росте эффективности деятельности предприятий отрасли.

Таблица 2. Динамика основных показателей металлургического производства в России в 2017-2018 гг.

Показатель	2017 г.	2018 г.	Абс. отклонение
Оборот, млрд. руб.	5 165 508	6 099 609	+934 101
Индекс производства, %	100.1	101.7	+1.6
Среднегодовая численность работников, чел.	528.3	440.7	-117.6
Число предприятий, ед.	4251	3987	-264
Число убыточных предприятий, ед.	148	140	-8
Рентабельность проданных товаров, %	20.8	25.9	+5.1
Рентабельность активов, %	10.6	13.6	+3.0
Коэффициент текущей ликвидности, %	135.8	138.4	+2.6
Сальдированный финансовый результат, млрд. руб.	742 659	1 070 766	+328 107

Составлено по данным Росстата

В обзорах на специализированных сайтах отмечается, что 2019 г. оказался сложным для мировой металлургии: торговые войны и снижение деловой активности в США, Европе и на Ближнем Востоке привели к существенному падению цен на сталь, при этом стоимость железной руды (сырья) поднималась до пятилетнего максимума из-за аварии на руднике в Бразилии [Новые оттенки черной металлургии, 2019]. На стальном рынке в зависимости от региона цены сократились на 10-30%, алюминий подешевел в среднем за год на Лондонской бирже на 15.1%, медь – на 8.0%, цинк – на 12.9%, свинец – на 10.8%, олово – на 7.5%. Из всех промышленных металлов только никель подорожал в среднем за год на 6.2% из-за того, что индонезийское правительство решило запретить экспорт руды с 1 января 2020 г. [Спад металлургического производства в 2020 году может достичь 10%, 2020]. В результате никель за несколько дней в начале сентября подскочил в цене на 18%, но к концу года, когда ажиотаж схлынул, снова подешевел до прежних значений.

Основной причиной ухудшения динамики цен стала торговая война между США и Китаем, заградительные барьеры, выставляемые многими странами против импорта металлов, и замедление роста крупнейших мировых экономик.

При этом вертикально интегрированные российские компании получили конкурентные преимущества в виде собственного сырья, а высокий внутренний спрос на сталь позволил отечественной металлургии развиваться вразрез с мировым рынком. Росстат сначала оценил рост металлургического производства в 2019 г. в 0.6%, а после перехода на новый базисный год оценка была повышена до 1.6%. Таким образом, по итогам 2019 г. российская черная металлургия стала самой рентабельной в мире [Преимущества и риски, 2019]. Обеспечили это низкая себестоимость производства, доступная сырьевая база, частная форма собственности и слабость национальной валюты.

Спрос на цветные металлы внутри страны также увеличился. По данным РУСАЛа, потребление первичного алюминия в России и странах СНГ выросло за год на 1.1% – до 1.13 млн. тонн. По данным Уральской горно-металлургической компании (УГМК), видимое потребление меди увеличилось на 2.3%. В свою очередь, производство не-

ржавеющий стали, которое характеризует спрос на никель, выросло на 4.4% [Спад металлургического производства в 2020 году может достичь 10%, 2020].

Кроме того, российские металлурги в 2019 г. активно проводили ремонт оборудования, что сдерживало рост производства и также оказало поддержку ценам на внутреннем рынке.

Таким образом, в последние годы металлургическое производство в России показывает слабый рост. По мнению экспертов, ждать существенного улучшения ситуации не приходится, особенно с учетом пандемии коронавируса. Негативное влияние будут, по-прежнему, оказывать торговые войны на внешних рынках, а развитие внутреннего рынка довольно сомнительно.

В числе основных проблем компаний металлургической отрасли, по данным исследования группы компаний Deloitte, относятся [Обзор рынка черной металлургии, 2019]:

- несовершенство государственного регулирования;
- недостаточный объем мощностей и производственно-технического потенциала;
- высокий уровень налогообложения.

Наиболее негативным результатом ухудшения финансового состояния компаний является высокая вероятность банкротства. В металлургической промышленности существенной динамики количества предприятий-банкротов не наблюдается на протяжении довольно длительного периода (рисунок 1). Наибольшее число банкротств наблюдалось в 2017 г., по состоянию на конец 2019 г. снова отмечается негативная тенденция: рост числа банкротств наблюдается второй квартал подряд.

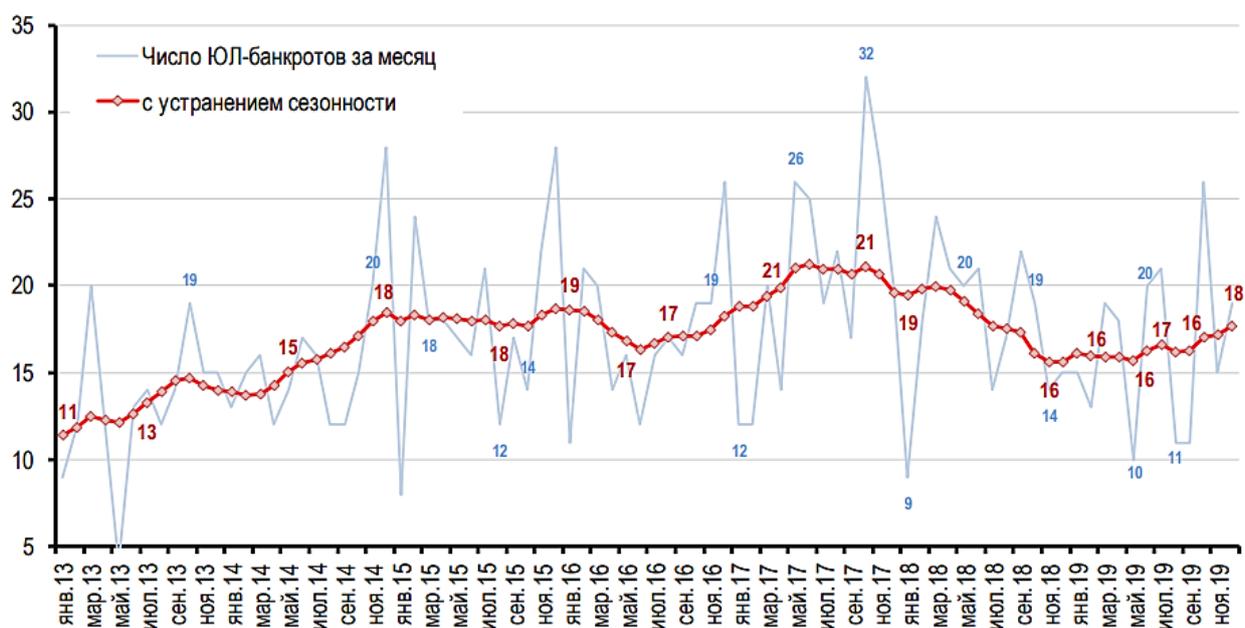

Рисунок 1. Динамика числа банкротств предприятий в металлургической отрасли России [Рыбалка, 2019]

Металлургия – одна из тех отраслей, где риски дефолтов всегда высоки. Примерно каждые пять лет металлургия испытывает резкое снижение финансовых показателей из-за циклических спадов на рынке. При этом отрасль капиталоемкая, т.е.

для осуществления проектов модернизации или просто для поддержания мощностей в работе приходится брать на себя риск и привлекать крупные суммы на долгом рынке. Те компании, которые на момент циклических кризисов оказываются в середине инвестиционного цикла или имеют высокую долговую нагрузку, зачастую становятся неплатежеспособными.

Особо важным в таких условиях является доступ к капиталу. Компании из стран с развитыми финансовыми рынками привлекают долг на длительный срок. Таким образом они снижают риск того, что сроки погашения долга придутся на неблагоприятный период. Кроме того, такие компании имеют больше шансов на рефинансирование задолженности. Этот тезис подтверждается почти полным отсутствием в списке банкротов компаний из развитых стран (за небольшими исключениями, которые связаны, как правило, с действиями государства). Компании из развивающихся стран более подвержены дефолтам. Как правило, это происходит после циклических спадов на рынке: Индия в 2017 г. – 5 дефолтов, Турция в 2019 г. – 3 дефолта, Китай в 2016-2018 гг. – 5 дефолтов, Бразилия в 2016-2017 гг. – 2 дефолта, Украина в 2009-2015 гг. – 5 дефолтов [Тарасенко, 2020].

Зачастую причиной дефолтов становятся неудачные M&A сделки, когда покупатель принимает на себя долговую нагрузку, а результат при этом не оправдывает ожиданий. Ярким примером является российская вертикально интегрированная компания ОАО «Мечел», которая провела целый ряд крупных сделок как до кризиса 2008-2009 гг., так и после него, когда столкнулась с проблемами. Например, в 2011 г. ОАО «Мечел» купил Донецкий электрометаллургический завод за 537 млн. долл. США, но уже в 2012 г. безуспешно пытался продать его.

Ситуация усугубляется избытком мощностей в отрасли. Хотя в 2017-2018 гг. ситуация улучшилась и уровень использования мощностей вырос до 81%, на рынке все равно присутствуют 400-450 млн. тонн свободных мощностей. Это создает постоянное давление предложения на рынок даже в периоды хорошего спроса. Соответственно, маржа производителей долгосрочно недостаточна для существенных инвестиций и снижения долговой нагрузки.

Большое значение приобретает процесс прогнозирования цен, периодов спада на рынке. Текущая ситуация с эпидемией коронавируса также повышает неопределенность и грозит резким падением как экономике Китая, так и ценам на сырьевые товары. Важная задача для компаний – обеспечение устойчивости и правильного баланса между темпами развития и снижением рисков.

Мировая экономика была фактически парализована пандемией коронавируса, и это крайне негативно может сказаться на металлургической отрасли даже в долгосрочной перспективе. Пандемия нанесла существенный удар и по американской, и китайской сталелитейной отрасли. Проблемы со сбытом китайской стали способствуют значительному снижению мировых цен на металл. Сложность кризиса в металлургии заключается не в самом падении спроса на металлопрокат, а в последующем за ним неизбежном сокращении производства.

Отсутствие в металлургической отрасли инструментов хеджирования негативно влияет на способность компаний противостоять кризисам. Актуальность этих инструментов растёт с повышением волатильности на рынке. Фьючерсный рынок пока что работает только в Китае (руда, арматура). По мнению World Steel Dynamics, кризис подтолкнет к развитию рынка деривативов на металлопродукцию и за пределами Китая, т.к. необходимость хеджировать ценовой риск как никогда велика.

Капиталоемкий бизнес в циклической отрасли в развивающихся странах несет в себе высокие риски. Для отечественных производителей ситуацию могли бы изменить:

- улучшение инвестиционного климата – для повышения возможностей рефинансирования, привлечения средств на более длительный срок;
- взвешенная регуляторная политика – для повышения предсказуемости и предотвращения негативного влияния на конкурентоспособность;
- развитие внутреннего рынка металлопродукции – для повышения устойчивости бизнеса в кризисные моменты.

Одной из наиболее значимых целей дальнейшего развития российской металлургии является ее становление в качестве высокотехнологичного, эффективного, конкурентоспособного производства, интегрированного в мировую металлургическую отрасль.

Библиография

- Макаренко Г. Как российской металлургии влиться в эпоху инноваций / РБК Тренды. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/trends/innovation/5d6533cd9a794754a5502e5c> (дата обращения: 08.04.2020).
- Новые оттенки черной металлургии / ПРАЙМ. Агентство экономической информации. 25 декабря 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20191225/830735817.html (дата обращения: 10.04.2020).
- Обзор сектора металлургии и добычи – 4 квартал 2019 года / ДОХОДЪ. Аналитика. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://dohod.ru/analytic/obzor-sektora-metallurgii-4-kvartal-2019-goda/> (дата обращения: 06.05.2020).
- Обзор рынка черной металлургии / Deloitte. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/research-center/articles/overview-of-steel-and-iron-market.html> (дата обращения: 10.04.2020).
- Преимущества и риски // Металлургия. Приложение к газете Коммерсантъ. № 227 от 10.12.2019. С. 20.
- Рыбалка А. Банкротства юридических лиц в России: основные тенденции. IV квартал 2019 / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. 07.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/PROM/2020/Bnkrpc-4-19.pdf (дата обращения: 01.06.2020).
- Спад металлургического производства в 2020 году может достичь 10% / РИА Рейтинг. 03.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://riarating.ru/industry_newsletters/20200403/630161335.html (дата обращения: 09.04.2020).
- Тарасенко А. Рисковая металлургия. Почему в отрасли так много банкротств? / GMK Center. 7 февраля 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://gmk.center/opinion/riskovaya-metallurgiya-pochemu-v-otrasli-tak-mnogo-bankrotstv/> (дата обращения: 12.04.2020).
- Тарнавский В.Н. Мировой и российский рынок стали / Инструменты повышения конкурентоспособности заводов металлоконструкций: конференция, 21-22 февраля 2018 [Электронный ресурс]. URL: [Вопросы территориально-отраслевого развития современной экономики /
Issues of Territorial and Sectoral Development of the Modern Economy](http://steel-</p></div><div data-bbox=)

development.ru/mediatsentr/Victor_Tarnavsky_18-02-21.pdf (дата обращения: 25.03.2020).

Усачева И.Ю., Демина В.В. К вопросу о роли металлургической отрасли в экономике России и направлениях совершенствования стратегического управления предприятиями // Экономика в промышленности. 2019. Том 12. № 3. С. 256-270.

Хазанов Л. Связаны одной целью: металлургия стала базой для трех индустриальных отраслей, дающих в сумме 58% ВВП // Коммерсантъ Металлургия. Приложение №74 от 25 апреля 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3947600> (дата обращения: 11.04.2020).

References

Makarenko G. Kak rossiyskoy metallurgii vlit'sya v epokhu innovatsiy [How Russian metallurgy can join in the era of innovation] / RBK Trends. 2020. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/trends/innovation/5d6533cd9a794754a5502e5c> (accessed 08.04.2020).

Novye ottenki chernoy metallurgii [New shades of ferrous metallurgy] / PRAYM. Economic Information Agency. December 25, 2019. (In Russ.). Available at: https://1prime.ru/state_regulation/20191225/830735817.html (accessed 10.04.2020).

Obzor sektora metallurgii i dobychi – 4 kvartal 2019 goda [Metallurgy and Mining Sector Overview – Q4 2019] / INCOME. Analyst. 2020. (In Russ.). Available at: <https://dohod.ru/analytic/obzor-sektora-metallurgii-4-kvartal-2019-goda/> (accessed 06.05.2020).

Overview of the steel and iron ore market / Deloitte. 2019. (In Russ.). Available at: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/research-center/articles/overview-of-steel-and-iron-market.html> (accessed 10.04.2020).

Preimushchestva i riski [Advantages and risks] // Metallurgy. Annex to the newspaper Kommersant. No. 227. December 10, 2019. P. 20. (In Russ.).

Rybalka A. Bankrotstva yuridicheskikh lits v Rossii: osnovnyye tendentsii. IV kvartal 2019 [Bankruptcy of legal entities in Russia: the main trends. Q4 2019] / Centre for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting. February 7, 2020. (In Russ.). Available at: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/PROM/2020/Bnkrpc-4-19.pdf (accessed 01.06.2020).

Spad metallurgicheskogo proizvodstva v 2020 godu mozhnet dostich' 10% [The decline in metallurgical production in 2020 could reach 10%] / RIA Rating. April 3, 2020. (In Russ.). Available at: https://riarating.ru/industry_newsletters/20200403/630161335.html (accessed 09.04.2020).

Tarassenko A. Why are there so many bankruptcies in the industry? / GMK Center. February 7, 2020. (In Russ.). Available at: <https://gmk.center/opinion/riskovaya-metallurgiya-pochemu-v-otrasli-tak-mnogo-bankrotstv/> (accessed 12.04.2020).

Tarnavskiy V.N. Mirovoy i rossiyskiy rynek stali [World and Russian Steel Market] / Instrumenty povysheniya konkurentosposobnosti zavodov metallokonstruktsiy [Tools for Increasing Competitiveness of Steel Mills]: Conference. February 21-22, 2018. (In Russ.). Available at: http://steel-development.ru/mediatsentr/Victor_Tarnavsky_18-02-21.pdf (accessed 25.03.2020).

Usacheva I.Yu. & Demina V.V. To a question about a role of the metallurgical industry in economy of Russia and about directions of improvement of the strategic manage-

ment of enterprises // Russian Journal of Industrial Economics. 2019. Vol. 12. No. 3. pp. 256-270. (In Russ.).

Khazanov L. Svyazany odnoy tsel'yu: metallurgiya stala bazoy dlya trekh industrial'nykh otrasley, dayushchikh v summe 58% VVP [Connected by one goal: metallurgy has become a base for three industrial industries, giving a total of 58% of GDP] // Kommersant Metallurgy. Annex No. 74. April 25, 2019. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3947600> (accessed 11.04.2020).

Об авторах / Authors

Юлия Вячеславовна Лазич – кандидат экономических наук, доцент; доцент, кафедра отраслевого менеджмента, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия / **Yuliya V. Lazich** – PhD in Economics, Docent; Associate Professor, Department of Industrial Management, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

E-mail: Yuliya.Kolmagorova@novsu.ru.

SPIN РИНЦ 8591-7475.

Ирина Николаевна Попова – кандидат социологических наук, доцент; доцент, кафедра экономики предприятий, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия / **Irina N. Popova** – PhD in Sociology, Docent; Associate Professor, Department of Enterprise Economics, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: ipopova@k66.ru.

SPIN РИНЦ 7235-4783.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Шмаков В.С.

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия

В статье показано, что сельские локальные сообщества находятся в процессе трансформации, ход и закономерности которой определяются функциональными особенностями развития. Функциональный подход предоставляет возможность дифференцировать основные тенденции, определяющие динамику развития сельских сообществ на этапах реформирования агропромышленного комплекса. Разграничение функций позволяет дать характеристику внутренних взаимосвязей между производственно-экономическими, социокультурными и институциональными процессами. Установление функциональных связей элементов системы способствует получению разветвленной типологии социально-экономических структур развития села. Функциональные особенности эволюции сельских сообществ определяют направление развития сельских сообществ и способствуют унификации моделей адаптации. Процесс поляризации социально-экономического пространства приводит к сегментации моногенного социально-экономического поля. Выделяются кластеры инновационных преобразований, создающих архипелаговую структуру, своеобразные латифундии. В хозяйственном отношении модель базируется на экономике агрохолдингов и фермерства. Сельские сообщества, не попадающие в систему структурных трансформаций, образуют деградирующие территории. В ходе социально-экономических реформ складывается инновационная модель адаптации, характеризующаяся активным типом социально-экономического поведения. Жители села все в большей степени становятся наемными работниками. Сельские локальные сообщества находятся в условиях кризиса развития

FUNCTIONAL FEATURES OF MODELS OF DEVELOPMENT OF RURAL LOCAL COMMUNITIES

Shmakov V.S.

Institute of Philosophy and Law
Siberian branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

The article shows that rural local communities are in the process of transformation, the course and patterns of which are determined by the functional features of development. The functional approach provides an opportunity to differentiate the main trends that determine the dynamics of the development of rural communities at the stages of the reformation of the agro-industrial complex. Differentiation of functions allows us to characterize the internal relationships between production, economic, sociocultural, and institutional processes. The establishment of functional relationships of the elements of the system contributes to the development of a branched typology of socio-economic structures of rural development. The functional features of the evolution of rural communities determine the direction of development of rural communities and contribute to the unification of adaptation models. The process of polarization of the socio-economic space leads to segmentation of a monogenic socio-economic field. Clusters of innovative transformations that create an archipelago structure, distinctive latifundia are distinguished. In economic terms, the model is based on the economics of agricultural holdings and farming. Rural communities that do not fall into the system of structural transformations form de-gradient territories. In the course of socio-economic reforms, an innovative adaptation model is emerging, characterized by an active type of socio-economic behavior. Villagers are increasingly becoming wage earners. Rural local communities are in a crisis of development or in a state of transformation. Its course and patterns are determined by factors of the national and global level. The situation of rural communities is rather unstable. Ongoing functional changes

или в состоянии трансформации. Ее ход и закономерности определяются факторами национального и глобального уровня. Положение сельских сообществ является достаточно неустойчивым. Продолжающиеся функциональные изменения оказывают формирующее воздействие на развитие сельских локальных сообществ. Выделенные модели эволюционирования обуславливают всю систему жизнедеятельности. Складываются две разнонаправленных модели адаптации: интеграция сообществ в систему крупных сельскохозяйственных предприятий и стремление к сохранению этоса крестьянства. Определение локальных функциональных особенностей развития села может быть использовано при разработке эффективных программ и прогнозных сценариев аграрного развития.

Ключевые слова: аграрная политика; агропромышленный комплекс; модели трансформации; сельские локальные сообщества.

have a formative effect on the development of rural local communities. The distinguished evolution models determine the entire system of life. Two multidirectional adaptation models are taking shape: community integration into the system of large agricultural enterprises and the desire to preserve the ethos of the peasantry. The determination of the local functional features of rural development can be used in the development of effective programs and forecast scenarios of agricultural development.

Keywords: agricultural policy; agro-industrial complex; transformation models; rural local communities.

Модернизационные процессы, определяющие развитие агропромышленного комплекса (АПК), являются важным фактором реконструкции сельских локальных сообществ, меняющим количественные и качественные производственно-экономические, институциональные и социокультурные характеристики. Сельские локальные сообщества эволюционируют в условиях многополярности, разновекторности, многоукладности экономики, оказывающей влияние на условия развития социально-экономического пространства. Тенденции модернизации АПК определяются рядом внешних и внутренних факторов. 1) Возрастающим влиянием процессов глобализации, информационной культуры на трансформацию традиционных обществ. 2) Становление многоукладной экономики способствует формированию новых связей и отношений, коренным образом отличающихся от предыдущего этапа развития. Меняются формы производственно-экономического взаимодействия. В совокупности процессы модернизации реформируют образ жизни населения сельских сообществ, модифицируют функции, определяющие сложную и многогранную динамику социально-экономического развития современного села.

Гипотеза исследования предполагает анализ влияния модернизационных процессов на развитие сельскохозяйственных регионов, изучение функциональных особенностей формирования моделей инновационного развития сельских территорий, отображающих современные процессы, происходящие в условиях производственно-экономических, институциональных и социокультурных модификаций, воздействующих на формирование и становление новых сельскохозяйственных укладов. Рассматриваемые в качестве объекта исследования сельские локальные сооб-

Образец цитирования:

Шмаков В.С. Функциональные особенности моделей развития сельских локальных сообществ // BENEFICIUM. 2020. № 2 (35). С. 25-34. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).25-34](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).25-34).

For citation:

Shmakov V.S. Functional Features of Models of Development of Rural Local Communities // BENEFICIUM. 2020. No. 2 (35). pp. 25-34. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).25-34](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).25-34).

щества, в самом общем виде можно представить как открытую, равновесную, целостную социально-экономическую и социокультурную систему взаимодействующих между собой членов сообщества, коллектив людей, объединенных общей территорией проживания, связанных производственно-экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровнородственными связями [Шмаков, 2017]. Сельские сообщества рассматриваются не только как часть экономической системы, но и как социальный организм, субъект деятельности, активно влияющий на формирование функциональных особенностей эволюции села. Это имеет первостепенное значение ввиду того, что локальные ресурсы, доступные сообществу, оказывают значительное воздействие на систему адаптации сельского населения, что подчеркивает необходимость определения функций и механизмов, регулирующих поведенческие стратегии, соответствующие новым социально-экономическим реалиям.

Целью представленного исследования является установление функциональных особенностей развития сельских локальных сообществ в условиях трансформации производственно-экономических, институциональных и социокультурных процессов, протекающих в сельскохозяйственных регионах, с использованием методологии системного анализа. Системный подход предполагает поиск и формализацию структурных связей между отдельными компонентами, определение внутренних и внешних взаимодействий и взаимозависимостей между производственно-экономическими, социокультурными и институциональными процессами.

В литературе при анализе развития постсоветской сельской России рассматриваются вопросы фрагментации и пространственной дифференциации аграрной экономики, вызванные неравными возможностями адаптации территорий к складывающимся рыночным условиям хозяйствования [Kuhn, 2015; Зекин, Светлаков, 2017; Воронин, Чупина, Воронина, 2019; Савченко, 2018]. Активно исследуются проблемы, связанные с типологизацией сельскохозяйственных регионов, определяются основные социально-экономические проблемы современного развития села, обусловленные региональными особенностями [Бондаренко, 2016; Meyfroidt, Schierhorn, Prishchepov, Muller & Kuemmerle, 2016; Тощенко, Великий, 2018; Киркорова, Ефремов, Липницкий, 2019; Семин, Бухтиярова, Немыкина, 2019]. Анализируются экономические механизмы функционирования сельскохозяйственного производства [Абалкина, Абалакин, 2014; Захаров, Назаров, 2016; Шарипов, Харисов, 2018]. Обсуждаются проблемы управления сельским хозяйством [Ломидзе, 2007; Полякова, Симарова, 2014; Костяев, Никонова, 2018; Холодов, 2019].

Сравнительный анализ производственно-экономического, институционального и социокультурного развития сельских локальных сообществ, исследование процессов социального взаимодействия дают возможность установить причинно-следственные связи, определить функциональные особенности, влияющие на формирование моделей развития сообществ. С нашей точки зрения, эти процессы определяются, во-первых, государственной аграрной политикой, во-вторых, – институциональными изменениями, продуцируемыми инновационными процессами, происходящими без прямого воздействия государственных структур. В-третьих, значительное влияние на динамику трансформаций жизнедеятельности сельских локальных сообществ оказывают социокультурные процессы, изменяя менталитет жителей села, формируя систему адаптации в условиях модернизации. Эти воздействия могут как поддерживать, так и тормозить инновационные преобразования, поскольку они осуществляются людьми, мысли, чувства, поступки которых зачастую не поддаются

простым числовым отображениям. Функциональный подход способствует выяснению системообразующих связей целого и его элементов, их соотношения с системой, порядком, способами жизнедеятельности объекта. Используемая методологическая схема позволяет получить многопрофильную типологию взаимосвязей, взаимозависимостей социально-экономической жизни в исследуемый период. Процессы, протекающие в российском селе, определяются дихотомией «вызов / ответ». В качестве «вызова» выступают внешние и внутренние факторы, включая политику, проводимую государством. Инновационные изменения служат своеобразным «ответом», оказывающим воздействие на формирование моделей развития, систему адаптации, отражая реакции жителей села на проводимые реформы. Такой сценарий очерчивает, воспроизводит диалектическую взаимосвязь, взаимоотношения «верхов» и «низов». Конструкция жизнедеятельности сельских сообществ оформляется, с одной стороны, «маятниковой» стратегией аграрной политики государства, ее ситуативностью, с другой, – уровнем развития адаптационного потенциала жителей села. В конечном итоге, получаем развернутую, статичную картину социальной жизни. В процессе анализа многочисленных разноплановых, гетерогенных величин, характеризующих структуру жизнедеятельности сельских сообществ, следует выявить основные функции, определяющие модели онтогенеза сельских сообществ в процессе эволюции.

Основной функцией сельских локальных сообществ как субъектов деятельности является функция адаптации, приспособления к изменяющимся под воздействием факторов внешней и внутренней среды условиям существования. На адаптационные процессы оказывают влияние уровень развития экономики, система регулирования и субъекты производственно-экономических отношений, устанавливающих, фиксирующих способы жизнедеятельности, что позволяет оперативно приспосабливаться к ситуации, уйти от неожиданностей. Функция целеполагания способствует определению целей и перспектив развития. Показывает, насколько сельские сообщества поддерживают формирование системы жизнедеятельности, удовлетворяющей их потребности, укрепляют, сохраняют устойчивое развитие сообщества, воздействуют на воспроизводство социального и человеческого капитала. Функция интеграции определяет уровень, формы и способы связи элементов системы, организует сохранение стабильности сообществ, внутреннего единства, солидарности. Интегрирование в ходе трансформации сообществ оказывает стимулирующее влияние на поддержание духовного единства, благоприятствует регламентированности и пресекает отклонения. Социальная интеграция создает ощущение, что сообщество формируется и развивается на основе единства, согласия большинства населения, разделяющего систему ценностей. Функция сохранения, удержания образца, сформированного на основе поставленных целей и задач, развивающегося в процессе деятельности сообщества, обеспечивает поддержание внутренней стабильности, равновесия, самостождественности сообщества, совокупности фундаментальных, закрепленных исторически, взаимосвязей и взаимоотношений. Прогностическая, предсказательная функция предоставляет возможность предвосхищать будущее состояние системы, определять ее свойства, качественные и количественные стороны, перспективы, выявлять имеющиеся альтернативы, предпочтительные варианты и последствия действий. Функция основана на свойстве предвидения изменения признаков, механизмов и параметров процессов и явлений под воздействием внешних и внутренних факторов. Ответ на вопрос «что будет, если?». Проективная функция предполагает разработку программы преобразования системы, исследование предварительно за-

данных свойств, определение возможности внедрения в практику инноваций с целью достижения прогнозируемых результатов.

Для исполнения функций необходимо наличие институтов социального контроля и управления, содействующих созданию и поддержанию норм, культурных ценностей, традиций, способствующих сохранению равновесия и самовоспроизводства человеческого капитала. Степень развития этих институтов определяет уровень формирования, движения, стабильности системы.

Исходя из предложенной схемы анализа выделим основные тенденции, сложившиеся в период реформ АПК, оказавшие воздействие на формирование функциональных особенностей эволюции сельских сообществ, определившие этапы развития.

1) Процессы трансформации периода 1990-х гг. привели к разрушению колхозно-совхозной структуры хозяйствования, к формированию многоукладной экономики, к становлению рынка сельскохозяйственной продукции. Сельские локальные сообщества, вся жизнедеятельность которых строилась на базе социалистического хозяйства, оказались неспособны быстро адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. Приватизация земель колхозов и совхозов разрушила сложившийся баланс сил. В сельских сообществах складывается совокупность обстоятельств, генерирующих новую систему применяемых сельским сообществом практик. А). Сохраняются хозяйственные традиции, установившиеся в советский период и обладающие определенной «системной жизнеспособностью». Прослеживается архаический субстрат ведения хозяйства, выступающий оппозицией разворачивающимся процессам модернизации. Б). Натурализация личных подсобных хозяйств (ЛПХ) обеспечивает минимально приемлемый жизненный уровень. При отсутствии рынков сбыта продукции, производимой в ЛПХ, возникает деструктивный тип адаптации, приводящий к распаду социальных связей и отношений. Разворачиваются процессы миграции, отходничества, умирания сельского поселения. В). Процесс модификации производственно-экономической деятельности приводит к возникновению новых структур ведения хозяйства («крупхозы», фермерство, агрохолдинги). Развитие ЛПХ, рост товарности «крупхозов» способствует формированию чернырыночных отношений в районах, имеющих благоприятные условия для занятий сельским хозяйством и рынки сбыта продукции. Трансформационные процессы приводят к резкому изменению социальной жизни сельских сообществ. Рост безработицы порождает значительное сокращение реальных денежных доходов, увеличивается роль социальных трансфертов. Трудовые ресурсы вытесняются в сферу ЛПХ, которые становятся главным средством выживания. Жители села с большим трудом адаптируются к новым условиям. Наблюдается тенденция деградации человеческого и социального капитала. Основной функцией сельских сообществ становится функция адаптации, определяющая, фиксирующая стремление к выживанию в условиях трансформации производственно-экономических отношений. Стержневыми основаниями процесса являются: продажа продукции ЛПХ, помощь со стороны преобразованных колхозов и совхозов в «крупхозы» (техника, семенной фонд, инфраструктура села), государственные трансферты.

2) Производственно-экономические, институциональные и социокультурные изменения (с начала до середины 2000-х гг.), определяемые аграрной политикой государства, оказывают системообразующее влияние на процессы преобразования сельскохозяйственной экономики. Эти изменения закреплены в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» [Федеральный закон, 2006]. Формирующиеся производственно-экономические отношения изменяют сложившийся порядок инсти-

туциональных и социокультурных связей и взаимодействий. Развертывание многоукладной экономики ведет к образованию соответствующей организационной структуры. Прослеживается тенденция к сокращению деятельности «крупхозов» и социально-экономического потенциала ЛПХ. Развивающиеся формы собственности меняют концепцию и способы развития сельского хозяйства. Складывающийся порядок производственно-экономических взаимодействий оказывает влияние на становление новой социально-стратификационной структуры. Сформировавшиеся в предыдущий период механизмы и модели адаптации деформируются, перестраиваются. У сельских жителей развивается психология наемного работника, порождающая процесс пауперизации трудоспособного населения. Идут процессы преобразования этоса крестьянства. Доходы от ЛПХ начинают играть все меньшую роль в структуре денежных средств домохозяйства. Основной функцией, определяющей развитие сельских локальных сообществ, сохраняется функция адаптации. Отмечается тенденция нарастания процесса интеграции жителей села вокруг развивающихся агрохолдингов и крупного фермерства, работа в которых становится практически основным источником получения заработной платы в денежном выражении. Активизация государственной аграрной политики позволяет говорить о возможности развития функций целеполагания и проектирования. Жители села начинают осознавать нереальность возвращения к предшествующим условиям развития, признавать необходимость приспособления к возникающим изменениям, определения собственных жизненных целей, планирования своего будущего и будущего своих детей.

3) С середины 2000-х гг. в государственных аграрных программах постулируется тезис о выводе сельского хозяйства на уровень развитых сельскохозяйственных стран [Постановление Правительства РФ, 2012]. В структуре АПК агрохолдинги определяют не только собственно производственно-экономические процессы, изменяя композицию сельскохозяйственного производства, но оказывают системообразующее воздействие на институциональную среду развития сельских сообществ. Государственная аграрная политика определяет процесс парадигмальной перестройки АПК, что должно способствовать устойчивому развитию производственно-экономической и институциональной сферы. Развитие крупных сельскохозяйственных предприятий увеличивает уровень концентрации собственности в агрохолдингах. Начинается процесс экономической дифференциации сельскохозяйственных регионов. Специализация отдельных районов и территорий ведет к упадку традиционных форм организации сельскохозяйственной экономики, представленной ЛПХ. Эти изменения ведут к модификации адаптационных практик сельских сообществ, основанных на развитии ЛПХ и «крупхозов». Секвестрование ресурсов и возможностей сельских сообществ приводит к истощению социального и человеческого капитала села (сокращение рождаемости, миграция, отходничество). В развитии сельских сообществ складываются разноплановые тенденции: интеграция сообществ в систему крупных сельскохозяйственных предприятий и, в то же время, стремление к сохранению этоса крестьянства, разрушающегося под влиянием новых производственно-экономических и институциональных отношений. Осуществляется процесс развития и закрепления функции целеполагания и прогноза.

Под влиянием процессов модернизации в сельских локальных сообществах меняется парадигма системы жизнедеятельности и складываются две основных модели развития.

1) Сформировавшийся в ходе реформ 1990-х гг. симбиоз экономики «крупхозов» и мелкотоварного производства, представленного ЛПХ, приходит в упадок, не

выдерживая конкуренции с крупными производственно-экономическими структурами. Денежные доходы от ЛПХ падают. Прогрессирующее влияние поляризации социально-экономического пространства приводит к сегментации моногенного социально-экономического поля. Выделяются кластеры инновационных преобразований, создающих как бы архипелаговую структуру, своеобразные латифундии. Не попадающие в систему структурных трансформаций образуют деградирующие территории (модель «экономического сжатия»).

2) Производственно-экономическая дифференциация, заключающаяся в специализации сельскохозяйственных регионов и территорий, приводит к упадку традиционных форм ведения сельскохозяйственной экономики. В ходе социально-экономических реформ складывается инновационная модель адаптации, характеризующаяся активным типом социально-экономического поведения. Жители села становятся наемными работниками. В хозяйственном отношении данная модель базируется на экономике агрохолдингов и фермерства.

Сельские локальные сообщества продолжают оставаться в кризисной ситуации. АПК находится в состоянии трансформации, ход и закономерности которой определяются факторами глобального, национального и регионального уровня. В связи с неустойчивым положением села, ключевых элементов его жизнедеятельности, результаты предсказать сложно. Воздействие глобальных тенденций – трансформация социальных институтов, рост социального расслоения, безработица, миграция, депопуляция – меняют роли и функции села в социально-экономической системе. Результаты анализа локальных функциональных особенностей развития сельских локальных сообществ могут способствовать разработке программ развития АПК, корректировке социально-экономической политики в сельскохозяйственных регионах.

Библиография

- Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 № 264-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (дата обращения: 03.04.2020).
- Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70210644/> (дата обращения: 05.04.2020).
- Абалакина Т.В., Абалакин А.А. Механизм обоснования стратегии развития регионального агропромышленного комплекса. М.: Дашков и К, 2014. 117 с.
- Бондаренко Л.В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. 2016. № 3 (383). С. 76-82.
- Воронин Б.А., Чупина И.П., Воронина Я.В. Российская деревня: проблемы заброшенности сельских населенных пунктов // Аграрный вестник Урала. 2019. № 7 (186). С. 88-91.
- Захаров В.П., Назаров Е.А. Механизмы интеграционных процессов в АПК в современных условиях хозяйствования / Устойчивое развитие сельского хозяйства в условиях глобальных рисков: материалы научно-практической конференции, Казань, 7 декабря 2016. Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2016. С. 391-394.
- Зекин В.Н., Светлаков А.Г. Единое социально-экономическое пространство инновационного развития сельских территорий // Аграрный вестник Урала. 2017. № 12-2 (167). С. 32-39.

- Киркорова Л.А., Ефремов С.А., Липницкий Т.В. Региональные особенности и актуальные проблемы развития отраслей сельского хозяйства // *АПК: экономика, управление*. 2019. № 12. С. 28-37.
- Костяев А.И., Никонова Г.Н. Современная реорганизация аграрно-экономической науки // *Никоновские чтения*. 2018. № 23. С. 7-12.
- Ломидзе Ю. Формирование государственной системы управления сельским хозяйством // *АПК: экономика, управление*. 2007. № 6. С. 18-21.
- Полякова А.Г., Симарова И.С. Концептуальная модель управления развитием региона с учетом уровня пространственной связанности // *Экономика региона*. 2014. № 2. С. 32-42.
- Савченко Е.С. Пространственное развитие сельских территорий: проблемы и решения // *АПК: экономика, управление*. 2018. № 11. С. 4-7.
- Семин А.Н., Бухтиярова Т.И., Немыкина Ю.С. Организационно-экономический потенциал сельских территорий: индикативный подход к управлению // *Аграрный вестник Урала*. 2019. № 9 (188). С. 91-98.
- Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // *Мир России. Социология. Этнология*. 2018. Т. 27. № 1. С. 7-33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33.
- Холодов О.А. Государственное регулирование производственно-экономических отношений в условиях цифровой экономики // *Аграрный вестник Урала*. 2019. № 5 (184). С. 90-95.
- Шарипов С.А., Харисов Г.А. Направление формирования институциональной среды инновационного развития сельского хозяйства // *АПК: экономика, управление*. 2018. № 1. С. 35-43.
- Шмаков В.С. Сельские локальные сообщества: к методологии исследования // *Сибирский философский журнал*. 2017. Т. 15. № 4. С. 135-145.
- Kuhn M. Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // *European Planning Studies*. 2015. Vol. 23. Issue 2. pp. 367-378. (на англ.). DOI: 10.1080/09654313.2013.862518.
- Meyfroidt P., Schierhorn F., Prishchepov A., Muller D. & Kuemmerle T. Drivers, Constraints and Trade-Offs Associated with Recultivating Abandoned Cropland in Russia, Ukraine and Kazakhstan // *Global Environmental Change*. 2016. Vol. 37. pp. 1-15. (на англ.).

References

- Federal Law 'O razvitii sel'skogo khozyaystva' ['On the Development of Agriculture'] of December 12, 2006. No. 264-FL (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (accessed 03.04.2020).
- Resolution of the Government of RF of July 14, 2012. No. 717 'O Gosudarstvennoy programme razvitiya sel'skogo khozyaystva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaystvennoy produktsii, syr'ya i prodovol'stviya [On the State Programme for the Development of Agriculture and Regulation of Markets of Agricultural Products, Raw Materials and Food] (In Russ.). Available at: <https://base.garant.ru/70210644/> (accessed 05.04.2020).
- Abalakina T.V. & Abalakin A.A. Mekhanizm obosnovaniya strategii razvitiya regional'nogo agropromyshlennogo kompleksa [The mechanism for substantiating the development strategy of the regional agro-industrial complex]. Moscow: Dashkov & K, 2014. 117 p. (In Russ.).

- Bondarenko L.V. Development of rural territories of Russia: estimates, opinions, expectations // Sociological Studies. 2016. No. 3 (383). pp. 76-82. (In Russ.).
- Voronin B.A., Chupina I.P. & Voronina Ya.V. Russian Village: Problems of Abandonment of Rural Settlements // Agrarian Bulletin of the Urals. 2019. No. 7 (186), pp. 88-91. (In Russ.).
- Zakharov V.P. & Nazarov E.A. Mechanisms of integration processes in agro-industrial complex in modern conditions of managing / Ustoichivoe razvitie sel'skogo hozyaistva v usloviyah global'nyh riskov [Sustainable development of the rural economy under conditions of global risks]: materials of scientific and practical conference, Kazan, December 7, 2016. Kazan: Kazan State Agrarian University, 2016. pp. 391-394. (In Russ.).
- Zekin V.N. & Svetlakov A.G. Unified socio-economic space for innovative development of rural territories // Agrarian Bulletin of the Urals. 2017. No. 12-2 (167). pp. 32-39. (In Russ.).
- Kirkorova L.A., Efremov S.A. & Lipnicky T.V. Regional peculiarities and actual problems of agricultural industries development // APK: ekonomika i upravlenie [AIC: Economics and Management]. 2019. No. 12. pp. 28-37. (In Russ.).
- Kostyaev A.I. & Nikonova G.N. Sovremennaya reorganizatsiya agrarno-ekonomicheskoi nauki [Modern reorganization of agrarian and economic sciences] // Nikonovskie chteniya. 2018. No. 23. pp. 7-12. (In Russ.).
- Lomidze Yu. Shaping the state system of management in agriculture // APK: ekonomika i upravlenie [AIC: Economics and Management]. 2007. No. 6. pp. 18-21. (In Russ.).
- Polyakova A.G. & Simarova I.S. The conceptual model for a region development administration considering the level of spatial relatedness // Economy of region. 2014. No. 2. pp. 32-42. (In Russ.).
- Savchenko E.S. Spatial development of rural territories: problems and decisions // APK: ekonomika i upravlenie [AIC: Economics and Management]. 2018. No. 11. pp. 4-7. (In Russ.).
- Semin A.N., Buhtiyarova T.I. & Nemykina Yu.S. Organizational and economic potential of rural areas: indicative approach to management // Agrarian Bulletin of the Urals. 2019. No. 9 (188). pp. 91-98. (In Russ.).
- Toshchenko Zh.T. & Velikii P.P. The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia // Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 2018. Vol. 27. No. 1. pp. 7-33. (In Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33.
- Kholodov O.A. State regulation production and economic relations in a digital economy // Agrarian Bulletin of the Urals. 2019. No. 5. pp. 90-95. (In Russ.).
- Sharipov S.A. & Harisov G.A. Directions of formation of the institutional environment of innovative development of agriculture // APK: ekonomika i upravlenie [AIC: Economics and Management]. 2018. No. 1. pp. 35-43. (In Russ.).
- Shmakov V.S. Rural local community: on the study methodology // Siberian Journal of Philosophy. 2017. Vol. 15. No. 4. pp. 135-145. (In Russ.).
- Kuhn M. Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // European Planning Studies. 2015. Vol. 23. Issue 2. pp. 367-378. DOI: 10.1080/09654313.2013.862518.
- Meyfroidt P., Schierhorn F., Prishchepov A., Muller D. & Kuemmerle T. Drivers, Constraints and Trade-Offs Associated with Recultivating Abandoned Cropland in Russia, Ukraine and Kazakhstan // Global Environmental Change. 2016. Vol. 37. pp. 1-15.

Об авторе / Author

Владимир Сергеевич Шмаков – доктор философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия / **Vladimir S. Shmakov** – Doctor of Philosophy, Docent; Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

E-mail: vsshmakov@gmail.com.

SPIN РИНЦ 7201-4753.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ЕАМ-СИСТЕМ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ

Измайлов М.К.

Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

В статье представлены результаты сравнительного анализа основных характеристик современных систем управления активами предприятия (Enterprise Asset Management System, ЕАМ-система) как российского, так и зарубежного производства. Исследование показало, что функционал современных ЕАМ-систем существенно расширился, выйдя за пределы операций по обслуживанию и ремонту основных фондов. Современная стратегия ЕАМ подразумевает систематическую и скоординированную деятельность предприятия, нацеленную на оптимальное управление физическими активами и режимами их работы, на управление рисками и расходами на протяжении всего жизненного цикла для достижения и выполнения стратегических планов. В статье обозначены основные технико-экономические выгоды от внедрения ЕАМ-систем на предприятиях: повышение безопасности, рост производительности, сокращение сроков проведения ремонта, снижение капитальных затрат, снижение расходов на эксплуатацию оборудования и др. Представлена сводная сравнительная таблица, отражающая основные характеристики исследуемых ЕАМ-систем: Seascope, Галактика ЕАМ, NERPA ЕАМ, TRIM, SAP Asset Intelligence Network, Oracle ЕАМ, Ellipse ЕАМ, Maximo. Определено, что функционал отечественных и зарубежных ЕАМ-систем, в целом, является схожим. Обоснован вывод о том, что, несмотря на все достоинства зарубежных, использование ЕАМ-систем российского производства имеет ряд преимуществ для отечественного бизнеса, позволяя учитывать его специфику; интегрируясь с другими информационными системами, ориентированными на российский

COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN EAM-SYSTEMS USED IN RUSSIAN AND FOREIGN PRACTICE

Izmaylov M.K.

Peter the Great
St. Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russia

The article presents the results of the comparative analysis of the main characteristics of modern EAM systems (Enterprise Asset Management System) of both Russian and foreign production. The study has shown that the functionality of modern EAM systems has expanded significantly, beyond the scope of maintenance and repair of fixed assets. The modern EAM strategy implies a systematic and coordinated activity of the enterprise, aimed at optimum management of physical assets and their operating modes, to manage risks and expenses throughout the entire life cycle to achieve and implement strategic plans. The article identifies the main technical and economic benefits from the introduction of EAM systems at enterprises: improving safety, increasing productivity, reducing repair time, reducing capital costs, reducing equipment maintenance costs, etc. A summary comparative table is presented that reflects the main characteristics of the EAM-systems: Seascope, Galaxy EAM, NERPA EAM, TRIM, SAP Asset Intelligence Network, Oracle EAM, Ellipse EAM, Maximo. It was determined that the functionality of domestic and foreign EAM systems as a whole is generally similar. The conclusion is based on the fact that, despite all the advantages of foreign companies, the use of Russian-made EAM systems has a number of advantages for domestic business, making it possible to take into account its specificity; integrating with other information systems, having the capabilities to ensure the system's operability in the context of underdeveloped information systems, including means to support users in geographically distributed networks with poor quality communication channels; etc.

рынок; имея возможности, обеспечивающие работоспособность системы в условиях неразвитости информационных систем, в том числе средства поддержки работы пользователей в территориально распределенных сетях с низким качеством каналов связи; др.

Ключевые слова: автоматизация; информационные системы; техническое обслуживание и ремонт основных средств; управление активами; EAM-системы.

Keywords: automation; information systems; maintenance and repair of fixed assets; asset management; EAM-systems.

Интенсификация использования производственной мощности и повышение на этой основе эффективности деятельности предприятия в целом является одним из условий развития современной экономики. В этой связи особенно важными становятся вопросы рационального формирования и использования основных фондов, эффективного управления ими. Повышение качества управления связывают, прежде всего, с применением современных методов оценки основных фондов, анализа уровня их использования, а также планирования их развития; с формированием комплексного подхода к определению взаимовлияния показателей использования внеоборотных активов и показателей финансово-хозяйственной деятельности предприятий.

В целях совершенствования механизма управления основными фондами предприятия следует привлекать новейшие управленческие технологии. Таким образом, особую актуальность приобретают вопросы практического использования современных EAM-систем (англ., Enterprise Asset Management System – система управления активами предприятия), направленных на сокращение затрат, связанных с обслуживанием объектов основных фондов без снижения уровня их надежности, либо на повышение их производительности без увеличения затрат.

На сегодняшний день совокупность представленных на российском рынке EAM-систем достаточно широка, и предприятиям все сложнее делать объективный выбор в пользу приобретения той или иной системы. Вместе с тем, правильность такого выбора и эффективное управление процессом внедрения системы является одним из главных факторов, который влияет на качество конечного ИТ-решения [Ilyin, Grigoreva & Zapivakhin, 2017].

Прежде всего, необходимо отметить, что системы класса EAM представляют собой прикладное программное обеспечение управления основными производственными фондами и прочими активами предприятия, реализуемое в рамках стратегии EAM, которая подразумевает осуществление скоординированной и систематической деятельности по оптимальному управлению физическими активами, расходами и рисками на протяжении их жизненного цикла для достижения стратегических целей деятельности предприятия. Практическое применение указанной стратегии, в основном, вызвано необходимостью сокращения расходов на техническое обслуживание и ремонт (ТОиР), материально-техническое обеспечение при одновременном росте показателей эффективности использования основных средств.

Образец цитирования:

Измайлов М.К. Сравнительный анализ современных EAM-систем, используемых в российской и зарубежной практике // BENEFICIUM. 2020. № 2 (35). С. 35-42. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).35-42](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).35-42).

For citation:

Izmaylov M.K. Comparative Analysis of Modern EAM-Systems Used in Russian and Foreign Practice // BENEFICIUM. 2020. No. 2 (35). pp. 35-42. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).35-42](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).35-42).

Современные ЕАМ-системы позволяют осуществлять управление по следующим направлениям деятельности предприятия [LM Soft. Система класса ЕАМ – управление активами предприятия, 2020]:

- по учету активов (основных фондов);
- по диагностике и контролю уровня технического состояния основных фондов;
- по ТОиР основных фондов;
- по материально-техническому обеспечению процесса ТОиР основных фондов (управление закупками и запасами);
- по управлению персоналом;
- по управлению договорами;
- по управлению финансовыми ресурсами, обеспечивающими ТОиР.

Внедрение ЕАМ-систем в практику деятельности предприятия дает возможность определиться с оптимальной стратегией технического обслуживания объектов основных средств и перейти от регламентного технического обслуживания к ремонтам по «техническому состоянию», т.е. позволяет при проведении работ учитывать текущее техническое состояние узлов и агрегатов и соответствие их контролируемых параметров регламентированным значениям, тем самым осуществляя формирование задания на работу (ТОиР, модернизация и т.п.) только в случае такой необходимости [Габзетдинов, 2018].

Внедрение ЕАМ-систем, согласно исследованию сообщества SMRP (Society for Maintenance & Reliability Professionals), позволяет увеличить до 30% срок полезного использования оборудования, до 20% сократить его простои, до 80% повысить долю плановых ремонтов, на треть сократить сверхурочные и аварийные работы, случаи нехватки запасов для осуществления ремонтных работ, существенно увеличить производительность персонала (таблица 1) [Тульбович, Смирнов, 2020].

Таблица 1. Эффекты от внедрения ЕАМ-систем

Выгоды	Уровень улучшения
Повышение безопасности	20-50%
Повышение производительности работ по ТОиР	40-55%
Сокращение сроков проведения ремонта	20-50%
Снижение капитальных затрат (замен)	50-90%
Сокращение страховых запасов товарно-материальных ценностей	50-90%
Снижение расходов на эксплуатацию оборудования	10-40%
Снижение unplanned простоев оборудования	30-40%

Следует отметить, что на сегодняшний день на отечественном рынке представлено значительное количество ЕАМ-систем как российского, так и зарубежного производства. Рассмотрим характеристики некоторых из них [Компания Soware. Системы, 2020].

Российская система Seascope (от компании Sea Project) предназначена для управления эксплуатацией сложной техники, автоматизируя планирование технического обслуживания и оптимизацию управления материально-техническим обеспечением предприятия. Программный продукт сочетает в себе управление оборудованием (ЕАМ) с управлением ТОиР. Система позволяет контролировать и управлять полным жизненным циклом активов предприятия, включая здания, сооружения, инфраструктуру, транспорт, производственные средства и др. Функциональность системы обеспечивает пользователям видимость и контроль состояния активов и про-

цессов при одновременном повышении производительности и снижении времени простоя. Также в программном продукте реализована возможность предоставления информации о номенклатуре запасных частей, необходимых для проведения регламентных и сервисных работ, информации об их стоимости, поставщиках и производителях. Использование системы Seascope позволяет оценивать текущую техническую готовность объекта и прогнозировать ее изменение, а также управлять затратами на поддержание технической готовности.

Российская система Галактика EAM (от Корпорации Галактика) представляет собой тиражную систему, которая предназначена для обеспечения безопасного и надежного управления производственными активами предприятия. Программное решение позволяет снижать стоимость владения активами, своевременно обновлять информацию о техническом состоянии оборудования и сокращать затраты на аварийное восстановление активов. С помощью системы у предприятия появляется возможность осуществлять контроль приоритетности ремонтов, направляя средства на ремонт и обслуживание оборудования, отказ которого может привести к наибольшим потерям. При помощи системы Галактика EAM возможно организовать ТОиР оборудования в соответствии с различными стратегиями: планово-предупредительное техническое обслуживание и ремонт; обслуживание, ориентированное на надежность; обслуживание, ориентированное на предотвращение рисков; ремонт по состоянию. К основным преимуществам системы Галактика EAM следует отнести: процессно-ориентированное управление; возможность мониторинга ключевых показателей эффективности; кроссплатформенность; мобильную версию; возможность осуществления интеграции с другими программными продуктами (к примеру, с ERP (англ., Enterprise Resource Planning – планирование ресурсов предприятия), АСУ ТП (автоматизированная система управления технологическим процессом), сметными системами и системами диагностики); возможность настройки алгоритмов планирования под потребности предприятия.

Российская система NERPA EAM (от компании Новософт) представляет собой систему управления основными фондами, ТОиР на предприятиях и в сервисных компаниях. Система NERPA EAM, также как и система Галактика EAM, позволяет осуществлять планирование ремонта оборудования с применением разнообразных стратегий: планово-предупредительный ремонт, текущий ремонт, капитальный ремонт, ремонт по состоянию; но, в отличие от системы Галактика EAM, подходит малым и средним предприятиям. Программа ТОиР позволяет контролировать ход работ в соответствии с установленным графиком, а также в соответствии с регламентом технического обслуживания оборудования. Основная цель внедрения системы (также как и других EAM-систем) состоит в сокращении затрат на ТОиР и материально-техническое обеспечение без снижения уровня надежности объектов основных фондов, либо в повышении их производительности без сокращения затрат.

Российский программный комплекс TRIM (от производителя ООО «СпецТек») интегрирует в виде единой системы необходимые компоненты управления физическими активами предприятия и обеспечения ТОиР. Система TRIM позволяет управлять обслуживанием как оборудования, так и сооружений, и инфраструктуры предприятия. Функции управления активами охватывают все этапы их жизненного цикла: разработка, строительство и производство, поставка, эксплуатация, ТОиР, реконструкция и модернизация, замена и списание. Программный продукт TRIM является «клиент-серверной» системой и обладает модульной архитектурой. Система состоит из базовых и дополнительных модулей, компонуемых в целевое решение в зависимости от потребностей предприятия. Система является масштабируемой, т.е. количе-

ство пользователей и состав используемых модулей можно изменять без изменения структуры системы и структуры данных.

Программное решение SAP Asset Intelligence Network (Германия) обеспечивает сбор и отслеживание информации об оборудовании с использованием центрального хранилища, облегчая совместное управление активами и позволяя использовать преимущества концепции Интернета вещей (Internet of Things, IoT).

Система Oracle EAM (США) позволяет обеспечить всеобъемлющее управление активами, а также комплексное планирование, отслеживание и выполнение работ по ТОиР для поддержки оптимального использования активов. Программное обеспечение нацелено преимущественно на крупные предприятия. Система основана на стратегиях технического обслуживания заводов и общественной инфраструктуры. Система Oracle EAM устраняет избыточные и устаревшие запасы товарно-материальных ценностей, продвигает политику охраны окружающей среды, здоровья и безопасности, а также обеспечивает координацию графиков производства и технического обслуживания.

Ellipse EAM (Швейцария) – это корпоративное программное обеспечение для управления активами предприятия и планирования ресурсов в ресурсоемких отраслях экономики. Программный комплекс позволяет управлять всем жизненным циклом активов от проектирования до эксплуатации и утилизации. Решение содержит развитые функции планирования, сопровождения и контроля работ по техническому обслуживанию. В сервис Ellipse EAM интегрированы инструменты для балансировки использования и повышения доступности оборудования и с уменьшением затрат на поддержку активов. Также в системе поддерживаются функции управления цепочкой снабжения, благодаря которым обеспечивается планирование спроса на материалы, запасные части, инструменты и приспособления, ориентированное на обеспечение доступности деталей. Система обладает настраиваемой функциональностью. Допускается использование как на ресурсах предприятия, так и в виде облачного сервиса.

Ключевыми отличиями EAM-системы Maximo (США) от аналогов является полнота охвата всех подразделений и бизнес-процессов, имеющих отношение к планированию, реализации и контролю работ по ТОиР, а также удобная реализация системы сбора, структурирования, хранения и представления пользователям детализированной информации по всем видам активов, затратам на их содержание, а также планируемым, текущим и выполненным работам и т.д.

Сравнительная характеристика основных возможностей представленных выше EAM-систем составлена автором и приведена в таблице 2.

Таким образом, функционал отечественных и зарубежных EAM-систем, в целом, является схожим, однако некоторые из них больше подходят крупным предприятиям (Ellipse EAM, Oracle Corporation, SAP Asset Intelligence Network), другие, наоборот, – предприятиям малого и среднего бизнеса (NERPA EAM, TRIM). При этом, основным преимуществом EAM-систем зарубежного производства является то, что они разработаны и апробированы на тысячах предприятий в различных отраслях экономики разных стран, а также то, что в них изначально заложены лучшие мировые практики ТОиР [Мельник, 2007].

EAM-системы от российских производителей также имеют ряд преимуществ при использовании их на отечественных предприятиях, в частности:

- учитывают специфику функционирования отечественного бизнеса, чаще всего интегрированы с другими информационными системами, ориентированными

Таблица 2. Сравнение возможностей EAM-систем

Название EAM-системы	Критерии сравнения							
	Компания-разработчик	Страна компании-разработчика	Категории компаний, для которых подходит система	Развертывание	Графический интерфейс	Поддержка языков	Реестр российского программного обеспечения	Демоверсия
Seascope	Sea Project	Россия	малый бизнес, средний бизнес, НКО, корпорация	ПК, мобильное устройство, сервер предприятия	Windows, Linux, Android	русский, английский	да	да
Галактика EAM	Корпорация Галактика	Россия	средний бизнес, НКО, корпорация	ПК, мобильное устройство, сервер предприятия	Веб-браузер, iOS, Windows, Android	русский	да	да
NERPA EAM	Новософт	Россия	малый бизнес, средний бизнес	сервер предприятия	Веб-браузер	русский	нет	да
TRIM	СпецТек	Россия	малый бизнес, средний бизнес, НКО, корпорация	ПК, мобильное устройство, сервер предприятия	Веб-браузер, Windows	русский	да	да
SAP Asset Intelligence Network	SAP SE	Германия	НКО, корпорация	сервер предприятия	Windows, Linux	английский, немецкий	нет	нет
Oracle EAM	Oracle Corporation	США	НКО, корпорация	сервер предприятия	Windows, Linux	английский	нет	нет
Ellipse EAM	ABB	Швейцария	корпорация	мобильное устройство, ПК, сервер предприятия, облако (SaaS)	Веб-браузер	русский, английский	нет	нет
Maximo	IBM	США	средний бизнес, НКО, корпорация	сервер предприятия, облако (SaaS)	macOS, Веб-браузер, Windows, Linux	японский, английский, португальский, испанский, русский, китайский	нет	да

на российский рынок (к примеру, 1С, SIP-телефония, конструкторы лендинг-страниц и т.п.);

- имеют стабильную стоимость, поскольку ее расчет осуществляется в рублях (вне зависимости от колебаний курсов иностранных валют);
- представляют всю документацию системы на русском языке;
- оказывают поддержку пользователей на русском языке;
- обеспечивают упрощенный поиск специалиста поддержки.

Следует отметить, что на сегодняшний день отечественные ЕАМ-системы оказывают весьма серьезную конкуренцию зарубежным. На уровне функций отечественные и зарубежные ЕАМ-системы отличаются незначительно. При этом решающим преимуществом отечественных систем является то, что они, как правило, учитывают неразвитость информационных сетей и имеют средства, обеспечивающие работоспособность системы в таких условиях. Вместе с этим во многих зарубежных ЕАМ-системах нет средств поддержки работы пользователей в территориально распределенных сетях с низким качеством каналов связи, когда, например, удаленного пользователя или удаленный филиал связывает с центральным офисом лишь телефонная линия; изначально зарубежные ЕАМ-системы рассчитаны на работу в условиях безупречной информационной инфраструктуры.

При выборе системы для каждого конкретного предприятия необходимо оценить его основные требования к ЕАМ стратегии и посмотреть, в какой из систем необходимые функции лучше всего реализованы. Приведенная в обзоре сравнительная таблица и предложенная система сравнения могут быть использованы в практике деятельности предприятий при выборе ЕАМ-системы.

Библиография

- Габзетдинов Р.И. ЕАМ-система как эффективный инструмент для работы / Математика и математическое моделирование: Сборник материалов XII Всероссийской молодежной научно-инновационной школы, Саров, 17-19 апреля 2018. Издательство: Саровский физико-технический институт НИЯУ МИФИ, 2018. С. 92-93.
- Компания Soware. Системы (2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://soware.ru/categories/maintenance-management-systems> (дата обращения: 12.04.2020).
- Мельник И. «Тайм-аут» на ремонт // Континент Сибирь. Online. 23 марта 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://ksonline.ru/nomer/ks/-/id/3047/> (дата обращения: 11.04.2020).
- Тульбович Е., Смирнов А. Что может дать предприятию эффективное использование ИТ / Заметки об информационных технологиях в бизнесе. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sites.google.com/site/it4businessnotes/articles/menedzment-it/cto-mozet-dat-predpriatiu-effektivnoe-ispolzovanie-it> (дата обращения: 12.04.2020).
- Ilyin I.V., Grigoreva A.A., Zapivakhin I.M. Architectural Solution as a tool for planning and approval of changes in projects for information systems implementation and customization // Business Informatics. 2017. No. 2 (40). pp. 68-78. (на англ.).
- LM Soft. Система класса ЕАМ – управление активами предприятия (2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://lmsoft.ru/products/eam/> (дата обращения: 11.04.2020).

References

- Gabzhetdinov R.I. EAM-sistema kak effektivnyi instrument dlya raboty [EAM-system as an effective tool for work] / Matematika i matematicheskoe modelirovanie [Mathe-

- atics and Mathematical Modeling]: Collection of materials of XII All-Russian Youth Science and Innovation School, Sarov, April 17-19, 2018. Publishing house: Sarov Physical-Technical Institute of NRNU MEPI, 2018. S. 92-93. (In Russ.).
- Company Saware. Systems (2020). (In Russ.). Available at: <https://saware.ru/categories/maintenance-management-systems> (accessed 12.04.2020).
- Melnik I. Taimaut na remont ['Timeout' for repair] // Continent of Siberia. Online. March 23, 2007. (In Russ.). Available at: <https://ksonline.ru/nomer/ks/-/id/3047/> (accessed: 11.04.2020).
- Tulbovich E., Smirnov A. Chto mozhet dat' predpriyatiyu effektivnoe ispol'zovanie IT [What can the effective use of IT give a company] / Zametki ob informatsionnyh tehnologiyah v biznese [Notes on information technologies in business] 2020. (In Russ.). Available at: <https://www.sites.google.com/site/it4businessnotes/articles/menedzment-it/cto-mozet-dat-predpriatiu-effektivnoe-ispolzovanie-it> (accessed 12.04.2020).
- Ilyin I.V., Grigoreva A.A., Zapivakhin I.M. Architectural Solution as a tool for planning and approval of changes in projects for information systems implementation and customization // Business Informatics. 2017. No. 2 (40). pp. 68-78.
- LM Soft. EAM class system – Enterprise Asset Management (2020). (In Russ.). Available at: <https://lmsoft.ru/products/eam/> (accessed 11.04.2020).

Об авторе / Author

Максим Кириллович Измайлов – ассистент, Высшая школа управления и бизнеса, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия / **Maxim K. Izmaylov** – Assistant Lecturer, Graduate School of Business and Management, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: Max78rus@ya.ru.

SPIN РИНЦ 7654-8818.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАНИПУЛЯЦИИ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ

Паршуков А.Е.

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия

Исследование теоретических аспектов и реализация прикладных задач организации эффективного делового общения – построения действенных внутрифирменных коммуникаций и установления плодотворного взаимодействия с партнерами и клиентами – становятся все более актуальными для менеджмента современных предприятий. При этом в управленческой практике конструктивно используется такой метод психологического воздействия на человека или группу людей как манипуляция. В статье рассматриваются общие подходы и особенности авторских взглядов (А.Ю. Панасюк, А.Я. Кибанова, Д.К. Захарова, В.Г. Коноваловой, Р. Чалдини, Э. Берна, М.Е. Литвак) на манипуляцию как категорию социально-психологических воздействий, представленные в научных и научно-практических работах по психологии, маркетингу, менеджменту. Уточняется природа термина «манипуляция», приводятся примеры манипулятивного делового воздействия. Отмечается, что, несмотря на негативную окраску термина, использование манипуляций в деловом общении признается нормальным явлением, с которым каждый сотрудник сталкивается практически ежедневно, в том числе в качестве инициатора. Приводятся различные авторские дефиниции «манипуляции» и ее синонимов («профессиональная уступчивость», «психологическое влияние», «психологическое айкидо»), классификации типов, методов и технологий манипулятивного воздействия. Развивая тему исследования, автор обращается к сути и техникам нейролингвистического программирования. В целом, несмотря на разнообразие авторских подходов к теоретическим аспектам манипуляции в деловом общении, выявлена общность их смысла с точки зрения технологии и направленности и, как

THEORETICAL ASPECTS OF MANIPULATION IN BUSINESS COMMUNICATION

Parshukov A.E.

Peter the Great
St. Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russia

The study of theoretical aspects and the implementation of the applied tasks of organizing effective business communication – building effective intra-company communications and establishing fruitful interaction with partners and clients – are becoming increasingly relevant for the management of modern enterprises. Moreover, in management practice, such a method of psychological impact on a person or group of people as manipulation is constructively used. The article discusses general approaches and features of the author's views (A.Yu. Panasyuk, A.Ya. Kibanova, D.K. Zakharova, V.G. Konovalova, R. Chaldini, E. Berne, M.E. Litvak) on manipulation as a category of socio-psychological impacts presented in scientific and scientific-practical works in psychology, marketing, and management. The nature of the term 'manipulation' is clarified, examples of manipulative business influence are given. It is noted that, despite the negative coloration of the term, the use of manipulation in business communication is recognized as a normal phenomenon that every employee encounters almost daily, including as an initiator. Various author's definitions of 'manipulation' and its synonyms ('professional compliance', 'psychological influence', 'psychological aikido'), classification of types, methods and technologies of manipulative influence are given. Developing the research topic, the author turns to the essence and techniques of neurolinguistic programming. In general, despite the variety of author's approaches to the theoretical aspects of manipulation in business communication, a common sense is revealed from the point of view of technology and orientation, and, as a result, the expediency of forming a unified approach, in particular, to the classification of manipulation methods and methods, has been deter-

следствие, определена целесообразность формирования единого подхода, в частности, к классификации методов манипулирования и методов противодействия манипуляциям.

Ключевые слова: деловые коммуникации; манипулятивное воздействие; манипуляция; нейролингвистическое программирование; методы управления; психологическое воздействие.

mined counter actions to manipulations.

Keywords: business communications; manipulative impact; manipulation; neurolinguistic programming; management methods; psychological impact.

Ключевой задачей менеджмента является управление имеющимися в распоряжении предприятия ресурсами, и в частности, человеческим капиталом как важнейшим из них, с целью получения оптимального результата финансово-хозяйственной деятельности.

Способы психологического воздействия являются важнейшими составляющими психологических методов управления. Они обобщают необходимые и разрешенные законодательно приемы психологического воздействия на персонал для координации действий сотрудников в процессе совместной производственной деятельности. К числу разрешенных способов психологического воздействия относятся: внушение, убеждение, подражание, вовлечение, побуждение, принуждение, осуждение, требование, запрещение, порицание, командование, обман ожиданий, намек, комплимент, похвала, просьба, совет и т.д.

В управленческой практике на уровне межличностных контактов конструктивно используется такой метод психологического воздействия на человека или группу людей как манипуляция.

Манипуляции имеют скрытый характер воздействия, которое адресатом не осознается, и он считает появившиеся мысли, чувства, решения, действия своими собственными, а не «наведенными» извне. Манипуляция предполагает игру на человеческих потребностях и чувствах, финансовом достатке, власти, славе, служебном продвижении, общении, профессиональной квалификации, известности и пр.

К примерам манипулятивного воздействия можно отнести:

– в отношении руководителя к персоналу: давление на жалость («Конечно, Вы сейчас в отпуске, но у нас намечается очень важный проект, и без Вас тяжело будет выполнить всё качественно; получится вечером выйти в скайп?»), игру на чувстве вины («Вы и так в отпуске, а у нас горячий сезон, у Вас получится хотя бы в скайп выйти?»), сравнение («Ваши показатели хуже всех в отделе, Вам следует больше стараться»), лесть («Я не могу доверить это важное задание никому, кроме Вас») и многое др.;

– в отношении между коллегами: «загруженность» (сотрудник набирает на себя множество задач и поручений, но когда дело подходит к проверке результата – ссылается на перегруженность), «сирота» (работник всегда держится в стороне от руководителей и коллег, а потом ссылается на то, что им не руководят, не ставят задачи и никто с ним вообще не разговаривает); «ребенок» (коллега начинает прикидывать-

Образец цитирования:

Паршуков А.Е. Теоретические аспекты манипуляции в деловом общении // BENEFICIUM. 2020. № 2 (35). С. 43-49. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).43-49](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).43-49).

For citation:

Parshukov A.E. Theoretical Aspects of Manipulation in Business Communication // BENEFICIUM. 2020. No. 2 (35). pp. 43-49. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).43-49](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).43-49).

ся глупым и не опытным для того, чтобы другие сотрудники начали выполнять его задачи) и др.

С этической точки зрения, манипулирование, несомненно, негативный инструмент психологического воздействия, однако, это не отменяет факта его существования, важности понимания данного явления и, более того, его широкого повседневного распространения в деловой среде.

Следует отметить, что сама терминология и классификация методов этого специфического инструмента социально-психологического воздействия, а также методов противодействия ему различаются. В этой связи видится научный интерес в систематизации знаний по основным теоретическим аспектам теории манипуляции, представленным в научных и научно-прикладных работах отечественных и зарубежных авторов.

Термин «манипуляция» происходит от лат. «manipulus» – пригоршня, горсть («manus» – рука, «plere» – наполнять) и первоначально обозначал «ручное управление», «ручное действие». В дальнейшем он приобрел переносное значение и стал обозначать акт влияния на людей, суть которого состоит в скрытом управлении их поведением. Под объектами действий стали пониматься уже не предметы, а люди, при этом сами действия выполняются уже не руками, а с помощью иных средств.

А.Ю. Панасюк [Панасюк, 2007] дает следующую дескрипцию термина: манипуляции – это такая форма психического воздействия на собеседника по общению, которая позволяет достичь цели – изменить позицию собеседника, вынудить его отступить, прервать диалог или направить его в нужное русло; все это делается помимо воли собеседника. Ученый обращается приводит значительный перечень манипулятивных приемов, а также рекомендаций для противостояния этим воздействиям:

- приемы игнорирования (блокировки) аргументации;
- приемы опровержения (девальвации) аргументов;
- приемы «аргументирования» (ложного);
- приемы провоцирования конфликта.

В значительной степени названные приемы относятся к искусству ораторства и рассматриваются как составляющие коммуникативной компетенции.

А.Я. Кибанов, Д.К. Захаров и В.Г. Коновалова [Кибанов, Захаров, Коновалова, 2014] предлагают схожее определение манипуляции: манипуляция – побуждение другого человека к переживанию определенных состояний, изменению отношения к чему-либо, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей. Авторы предлагают свою классификацию методов манипулятивного воздействия:

- критические высказывания с элементами манипуляций;
- организационно-процедурные манипуляции;
- психологические манипуляции;
- логические манипуляции.

Манипуляции рассматриваются как скрытый процесс внушения и побуждения к действиям, когда адресат воздействия не осознает происходящего и истинной цели инициатора. Однако, манипуляции могут реализовываться и через прямое оказание психического давления, что выводит адресата воздействия из равновесия.

В работе Р. Чалдини «Психология влияния» [Чалдини, 2017] термин «манипуляция» не встречается ни разу, вместо него автор использует понятие «профессиональная уступчивость». Р. Чалдини полностью посвящает свою работу вопросам влияния на людей, раскрывая технологии психологического воздействия и делаясь многочисленными примерами такого воздействия, а также акцентируется на способах

противодействия подобному влиянию. По мнению автора, вся система воздействия строится на шести основных принципах:

- принцип последовательности;
- принцип взаимного обмена;
- принцип социального доказательства;
- принцип авторитета;
- принцип благорасположения;
- принцип дефицита.

Большинство указываемых автором принципов реализуется в процессе маркетингового воздействия на людей с точки зрения принятия ими решений о приобретении товара, т.е. в рамках исследования и проектирования потребительского поведения. Р. Чалдини негативно высказывается по отношению к подобным мерам психологического воздействия на потенциального потребителя и уделяет много внимания противодействию им.

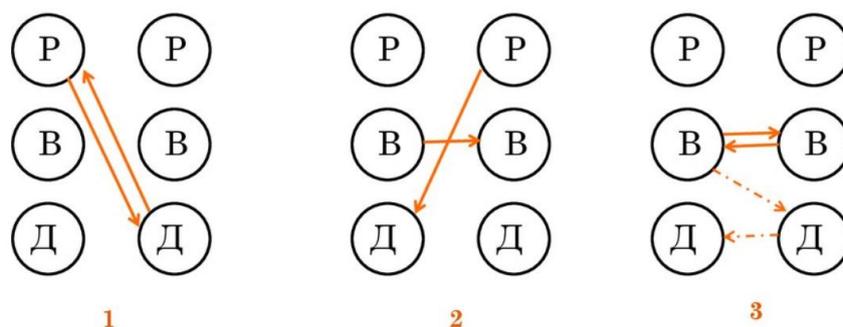
Известная теория, связанная с манипуляциями, – транзакционный (транзактивный) анализ американского психотерапевта Э. Берна, представленный в его работе «Люди, которые играют в игры» (1964 г.) [Берн, 2020]. Автор утверждает, что искусство человека убедительно говорить, адекватно мыслить, чувствовать и реагировать на происходящее определяются одним из трех эго-состояний – «Я-Родитель» (Р) (делает и говорит, как принято и считается делать правильным), «Я-Взрослый» (В) (делает и говорит, как будет лучше и разумнее) или «Я-Ребенок» (Д) (делает и говорит, как хочется). Общение двух людей – это всегда контакт определенных состояний их «Я»: когда один из участников диалога посылает стимул другому, а тот другой реагирует на этот стимул по крайней мере одним из своих «Я-состояний» – общение можно считать состоявшимся. Учитывая то, какие состояния «Я» вовлечены в общение и как они взаимодействуют, транзакцию можно отнести к одному из трех типов (рисунок 1):

1) дополняющая (комплиментарная, простая): например, «Ребенок» (Д) обращается к «Родителю» (Р) и получает ответную реакцию от типа поведения «Родитель» (Р);

2) пересекающаяся: например, «Взрослый» (В) обращается к «Взрослому» (В), но ответная реакция является типом взаимодействия «Ребенок» (Д) и «Родитель» (Р);

3) скрытая: внешние признаки общения демонстрируют определенные роли, но подтекст и смысловое значение является иным.

Второй и третий тип взаимодействия иллюстрируют примеры манипуляций.

1 – дополняющие (комплиментарные, простые) транзакции; 2 – пересекающиеся транзакции; 3 – скрытые транзакции

Рисунок 1. Фрагмент модели транзакций Э. Берна

Теория Э. Берна поясняет ролевое распределение участников коммуникации и может использоваться одинаково полезно и в психологии, и в педагогике, и в практике делового общения. Так, в рамках делового общения взаимодействие и воздействие носят зачастую подсознательный характер и связаны с силой позиций: к примеру, подчиненный, подходя с просьбой к своему руководителю, который использует авторитарный стиль управления, может занять позицию «Я-ребенок» (проситель), тогда руководитель автоматически войдет в роль большого начальника или «Я-родитель». В данном случае сила позиций – возможность субъектов в процессе общения применять не только логические доводы и аргументы, но и пользоваться служебным положением (так, незаменимый и редкий специалист может с большей легкостью добиваться своих желаний касательно организации рабочего процесса, чем рядовой сотрудник).

Схожие технологии эффективного общения приводит М.Е. Литвак [Литвак, 2020]. Однако, в терминологии автора дефиниция «манипуляция» отсутствует, ее заменяет термин «психологическое айкидо». М.Е. Литвак предлагает ряд кейсов и техник воздействия на собеседника с позиции «Я-ребенок», в том числе используя скрытые трансакции.

Развивая тему исследования теоретических аспектов манипулирования, обратимся к нейролингвистическому программированию (НЛП) – подходу к межличностному общению, развитию личности и психотерапии [Нейролингвистическое программирование, 2020; Боденхамер, Холл, 2016]. Создатели НЛП (американцы Дж. Гриндер и Р. Бендлер) утверждают о существовании связи между неврологическими процессами (нейро-), языком (лингвистическое) и паттернами поведения (программирование), а также о возможности влиять на них специальными техниками для достижения желаемых целей. Техники НЛП направлены на копирование или моделирование поведения людей, добившихся успеха в некоей области, для приобретения их навыков.

В настоящее время концепция НЛП не признается научно обоснованной, при этом она имеет множество апологетов во всем мире по двум причинам:

- 1) НЛП предлагает ряд действенных принципов, методов и технологий для самокоррекции поведения через психическое внушение;
- 2) НЛП предлагает ряд методов и технологий воздействия на окружающих с целью внушения им определенных идей или коррекции поведения, используя закономерности мышления, такие как психологическую инерцию (многократное соглашение для снижения защитной позиции собеседника и принятия им ряда идей собеседника) и пр.

В научных работах, посвященных НЛП, нет однозначной системности, вместо этого предлагается набор результативных технологий и инструментов воздействия на людей, например, «стратегия ограниченного выбора», «скрытые команды» и прочие технологии формирования наилучшей речевой стратегии обращения к объекту воздействия с целью достижения цели субъекта [Ром, 2008]. Стоит отметить, что в большинстве случаев авторы опираются на категории психологии и психоанализа: сознание, подсознание (и в некоторых случаях – бессознательное). В общих случаях логические доводы и убеждения апеллируют, в первую очередь, к сознательному компоненту, а методы манипулирования стараются воздействовать на подсознание.

В заключение, следует подчеркнуть высокую степень проникновения манипуляции как обычного явления во взаимодействие между людьми в современной деловой среде: наилучшим образом эту мысль выражает цитата Cr.A. López и O.I. Lombardi «no communication without manipulation» («нет коммуникации без манипуляции»)

[López & Lombardi, 2019]. В целом, в аспекте роли манипуляций как элемента делового общения можно с уверенностью говорить, что данный метод социально-психологического воздействия является одним из ключевых способов осуществления управленческих воздействий. При этом возможно обозначение множества аспектов теории манипуляции, которые требуют единообразной систематизации: виды, методы и технологии манипулирования и противодействия ему.

Библиография

- Берн Э. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. Москва: Эксмо, 2020. 576 с.
- Боденхаммер Б., Холл М. НЛП. Полный курс освоения базовых приемов. Москва: Издательство АСТ, 2016. 448 с.
- Кибанов А.Я., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. Управление персоналом: теория и практика. Этика деловых отношений: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2014. 87 с.
- Литвак М.Е. Психологическое айкидо: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2020. 219 с.
- Нейро-лингвистическое программирование (НЛП) (2020). Самосовершенствование, развитие личности, успех [Электронный ресурс]. URL: <https://metodorf.ru/nlp.php> (дата обращения: 27.04.2020).
- Панасюк А.Ю. Психология риторики: теория и практика убеждающего воздействия. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 208 с.
- Ром Н. Скрытое управление человеком. НЛП в действии. М.: Издательство АРДИС, 2008. 31 с.
- Чалдини Р. Психология влияния. Как научиться убеждать и добиваться успеха. М.: Эксмо, 2017. 416 с.
- López Cr.A. & Lombardi O.I. No communication without manipulation: A causal-deflationary view of information // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*. 2019. Vol. 73. pp. 34-43 (на англ.). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2018.06.003>.

References

- Berne E. What Do You Say After You Say Hello? The Psychology of Human Destiny. Bantam Books, 1964. 456 p.
- Bodenhamer B. & Hall M. NLP. Polnyy kurs osvoeniya bazovykh priemov [NLP. Full course of mastering basic techniques]. Moscow: AST, 2016. 448 p. (In Russ.).
- Kibanov A.Y., Zakharov D.K. & Konovalova V.G. Upravlenie personalom: teoriya i praktika. Etika delovykh otnosheniy [Personnel management: theory and practice. Business Ethics]: training and practical manual. M.: Prospekt, 2014. 87 p. (In Russ.).
- Litvak M.E. Psikhologicheskoe aikido [Psychological aikido]: training manual. Rostov-on-Don: Phoenix, 2020. 219 p. (In Russ.).
- Neuro-linguistic programming (NLP) (2020). Samosovershenstvovanie, razvitie lichnosti, uspekhi [Self-improvement, personality development, success] (In Russ.). Available at: <https://metodorf.ru/nlp.php> (accessed 27.04.2020).
- Panasuk A.Y. Psikhologiya ritoriki: teoriya i praktika ubezhdayushchego vozdeystviya [Psychology of Rhetoric: Theory and Practice of Persuasive Behavior]. Rostov-on-Don: Phoenix, 2007. 208 p. (In Russ.).
- Rom N. Skrytoe upravlenie chelovekom. NLP v deystvii [Hidden Human Control. NLP in action]. M.: ARDIS Publishing, 2008. 31 p. (In Russ.).

- Cialdini R. Influence: The Psychology of Persuasion. Harper Business, 2006. 320 p.
- López Cr.A. & Lombardi O.I. No communication without manipulation: A causal-deflationary view of information // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. 2019. Vol. 73. pp. 34-43. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2018.06.003>.

Об авторе / Author

Алексей Евгеньевич Паршуков – кандидат экономических наук; ассистент, Высшая школа сервиса и торговли, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия / **Aleksey E. Parshukov** – PhD in Economics; Assistant Lecturer, Graduate School of Service and Trade, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: flowprof@gmail.com.

ORCID 0000-0002-2010-1269.

SPIN РИНЦ 5671-1694.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИК ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Сергеева Т.Л.

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия

Калинихина Е.В.

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия

Одной из наиболее важных характеристик финансово-хозяйственной деятельности предприятия во внешней среде является его финансовое состояние. Факторами оценки финансового состояния считаются платежеспособность и финансовая устойчивость. Важность и приоритетность проведения анализа платежеспособности и финансовой устойчивости предприятия не вызывают сомнения, поскольку именно он помогает определить вероятность расчета по обязательствам за счет результатов собственной финансово-хозяйственной деятельности, спрогнозировать уровень доходности совокупного капитала, а также оценить степень зависимости предприятия от внешних источников финансирования и вероятность его банкротства. Существует множество методик оценки финансового состояния экономического субъекта, которые отличаются друг от друга как системой показателей, используемых для объективной оценки финансового положения, так и этапами его проведения. Статья содержит сравнительный анализ методик оценки финансового состояния предприятия таких авторов, как О.А. Толпегина, Г.В. Савицкая, Т.И. Григорьева, В.И. Бариленко, А.Д. Шеремет. На основе анализа был сделан вывод, что произвести более глубокую и комплексную диагностику финансового состояния предприятия позволяют методики ученых-экономистов О.А. Толпегинной и Г.В. Савицкой. Авторы считают необходимым производить расчет показателей ликвидности, платежеспособности, чистых активов и финансовой устойчивости. В отличие от дру-

COMPARATIVE ANALYSIS OF METHODS FOR EVALUATING THE FINANCIAL CONDITION OF AN ENTERPRISE

Sergeeva T.L.

Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

Kalinikhina E.V.

Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

One of the most important characteristics of the financial and economic activities of the enterprise in the external environment is its financial condition. Factors in assessing financial condition are considered solvency and financial stability. The importance and priority of conducting an analysis of the solvency and financial stability of an enterprise is not in doubt, since it helps to determine the probability of calculating obligations based on the results of its own financial and economic activities, to predict the level of return on total capital, and also to assess the degree of dependence of the enterprise on external sources of financing and probability his bankruptcy. There are many methods for assessing the financial condition of an economic entity, which differ from each other as a system of indicators used for an objective assessment of the financial situation, and the stages of its implementation. The article contains a comparative analysis of methods for assessing the financial condition of an enterprise of such authors as O.A. Tolpegina, G.V. Savitskaya, T.I. Grigorieva, V.I. Barilenko and A.D. Shermet. Based on the analyses, it was concluded that the methods of scientists and economists O.A. Tolpegina and G.V. Savitskaya allow a deeper and more comprehensive diagnosis of the financial condition of the enterprise. The authors consider it necessary to calculate liquidity, solvency, net assets and financial stability. Unlike other economists, they write about the importance of comparing the financial condition of an enterprise with the effect obtained from inflation. To this end,

гих экономистов они пишут о важности измерения финансового состояния предприятия с полученным от инфляции эффектом. С этой целью О.А. Толпегина и Г.В. Савицкая предлагают группировать статьи баланса с учетом темпов инфляции, разделяя их на монетарные и немонетарные. Анализ их соотношения в последующем поможет сформировать гибкую политику управления финансовыми потоками и уменьшить инфляционные потери. Преимуществами методик также является и то, что авторы значительное внимание уделяют вопросам разработки путей финансового оздоровления предприятия и прогнозирования будущих результатов его деятельности.

Ключевые слова: платежеспособность; прогнозирование; финансовая устойчивость; финансовое состояние; финансовые коэффициенты.

O.A. Tolpegin and G.V. Savitskaya proposes to group balance sheet items taking into account inflation rates, dividing them into monetary and non-monetary. An analysis of their correlation in the future will help to formulate a flexible policy for managing financial flows and reduce inflationary losses. The advantages of the methods are also the fact that the authors pay considerable attention to the development of ways of financial recovery of the enterprise and forecasting future results of its activities.

Keywords: solvency; forecasting; financial stability; financial condition; financial ratios.

В современных условиях хозяйствования для большинства отечественных предприятий наиболее остро стоит проблема выбора источников финансирования деятельности и обеспечения эффективности использования как собственного, так и заемного капитала. Ввиду экономической нестабильности и глобальной конкуренции возрастает ответственность руководителей предприятия за его финансовые результаты и темпы экономического развития. В соответствии с этими причинами, по мнению многих экономистов, усиливается приоритетность и важность проведения анализа финансового состояния, который направлен как на изучение платежеспособности и финансовой устойчивости компаний, так и на определение вероятности банкротства и уровня доходности их совокупного капитала.

Деятельность каждого предприятия неразрывно связана с решением определенных задач и проведением различных хозяйственных операций. Руководитель предприятия должен обладать полным объемом достоверной информации о результатах и особенностях его деятельности, что способствует в дальнейшем принятию эффективных управленческих решений. Для оценки сильных и слабых сторон деятельности предприятия, поддержания его стабильного развития и прогнозирования будущих результатов финансово-хозяйственной деятельности используется анализ финансового состояния.

Экономическое значение понятия «финансовое состояние» экономисты трактуют по-разному.

По мнению О.А. Толпегиной, финансовое состояние – это способность предприятия развиваться во внутренней и внешней среде, а также его конкурентоспособность, потенциал в деловом сотрудничестве [Толпегина, 2019]. Г.В. Савицкая, в свою очередь, считает, что это категория, которая показывает состояние капитала в процес-

Образец цитирования:

Сергеева Т.Л., Калинихина Е.В. Сравнительный анализ методик оценки финансового состояния предприятия // BENEFICIUM. 2020. № 2 (35). С. 50-57. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).50-57](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).50-57).

For citation:

Sergeeva T.L., Kalinikhina E.V. Comparative Analysis of Methods for Evaluating the Financial Condition of an Enterprise // BENEFICIUM. 2020. No. 2 (35). pp. 50-57. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).50-57](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).50-57).

се его кругооборота и способность субъекта хозяйствования к саморазвитию [Савицкая, 2018]. Как возможность противостоять негативным воздействиям внешней среды без потери прежнего уровня платежеспособности финансовое состояние предприятия понимает Т.И. Григорьева. Она также отмечает, что устойчивое финансовое состояние – это способность предприятия осуществлять финансирование деятельности и отвечать по платежным обязательствам за счет и собственных, и заемных средств [Григорьева, 2019]. По мнению В.И. Бариленко, финансовое состояние – это комплексное понятие, с помощью которого учредители компании имеют возможность контролировать соотношение собственных и привлеченных источников, вовремя принимать верные управленческие решения, что дает экономическому субъекту возможность успешно развиваться в динамичных условиях [Бариленко, 2018]. А.Д. Шеремет в своих работах говорит о том, что финансовое состояние предприятия – это экономическая категория, которая определяется составом и размещением средств, структурой их источников, скоростью оборота капитала, наличием у предприятия достаточного объема денежных средств для погашения обязательств в установленный срок и в полном объеме [Шеремет, 2017].

Трактовка термина «финансовое состояние», предложенная В.И. Бариленко, является более целостной, поскольку она определяет это состояние не только как «способность», но и в качестве «комплексного понятия», которое показывает эффективность использования капитала предприятия [Бариленко, 2018]. Таким образом, можно сказать о том, что финансовое состояние – это одна из наиболее важных характеристик хозяйствующего субъекта, которая отражает его способность финансировать свою деятельность за счет различных ресурсов, а также обуславливает его конкурентоспособность, деловую репутацию и инвестиционную привлекательность.

Информационной базой для анализа финансового состояния предприятия, по мнению О.А. Толпегинной, Г.В. Савицкой, А.Д. Шеремета, выступает его бухгалтерская (финансовая) отчетность [Толпегина, 2019; Савицкая, 2018; Шеремет, 2017]. Т.И. Григорьева говорит о том, что при оценке результатов финансово-хозяйственной деятельности предприятия помимо данных бухгалтерского баланса необходимо также использовать публикации органов государственной статистики [Григорьева, 2019]. В.И. Бариленко пишет о необходимости использования в процессе анализа сведений, характеризующих состояние отрасли исследуемого предприятия [Бариленко, 2018].

Подходы авторов относительно количества и содержания этапов анализа финансового состояния имеют отличия. Кроме того, используемый в процессе анализа перечень финансовых коэффициентов, характеризующих результаты деятельности экономического субъекта за определенный период времени, также различен.

О.А. Толпегина указывает на необходимость экспресс-оценки основных статей бухгалтерского баланса (в текущих ценах, а также с учетом темпов инфляции) и оценки стоимости чистых активов. По мнению автора, анализ платежеспособности и ликвидности позволяет провести оценку финансового состояния предприятия с позиции краткосрочной перспективы, а анализ финансовой устойчивости – с позиции долгосрочной перспективы [Толпегина, 2019].

Согласно О.А. Толпегинной, необходимо провести расчет таких финансовых показателей, как:

- монетарные (денежные) и немонетарные активы и пассивы;
- чистые активы;
- платежеспособность и ликвидность;
- финансовая устойчивость.

При этом, в рамках анализа платежеспособности и ликвидности автор предлагает рассчитывать коэффициенты текущей, абсолютной, критической ликвидности, комплексный показатель ликвидности, коэффициент денежно-поточной ликвидности, коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженности, коэффициент платежеспособности, коэффициент покрытия процентов, период инкассирования дебиторской задолженности. Для оценки финансовой устойчивости необходимо проанализировать коэффициенты автономии, концентрации заемного капитала, финансовой устойчивости, финансового рычага, постоянного актива, текущей задолженности, а также чистый оборотный капитал и чистые активы [Толпегина, 2019].

В соответствии с разработками В.И. Бариленко, анализ финансового состояния предприятия предусматривает проведение следующих мероприятий. Во-первых, необходимо оценить надежность информации, представленной в бухгалтерской отчетности. Во-вторых, – произвести расчет финансовых показателей и дать экономическое обоснование полученным результатам. На третьем этапе осуществляется углубленный анализ, который подразумевает детальное исследование внутренней и внешней информации. Заключительным мероприятием является сравнение фактических результатов с плановыми и составление прогнозов дальнейшего развития предприятия [Бариленко, 2018].

Для характеристики финансового состояния В.И. Бариленко кроме показателей ликвидности, платежеспособности и деловой активности также предлагает использовать показатели [Бариленко, 2018]:

- финансовой структуры и долгосрочной платежеспособности (коэффициенты независимости, финансовой устойчивости, финансового рычага);
- оценки эффективности бизнеса (коэффициенты рентабельности собственного капитала, активов, продаж);
- активности на рынке ценных бумаг (показатель прибыли на одну акцию, коэффициенты полной и текущей доходности акций).

В свою очередь, Т.И. Григорьева выделяет два этапа проведения анализа финансового состояния: экспресс-анализ и детализированный анализ. Экспресс-анализ дает возможность оценить слабые и сильные стороны деятельности предприятия, детализированный – предполагает более глубокое изучение выявленных проблем и разработку мероприятий по их предотвращению [Григорьева, 2019].

В рамках анализа финансового состояния автор предлагает производить расчет показателей имущественного потенциала (сумма активов в распоряжении предприятия, доля оборотных и внеоборотных активов в валюте баланса, коэффициент износа основных средств), ликвидности (рабочий капитал, длительность оборота дебиторской и кредиторской задолженности) и финансовой устойчивости (коэффициенты автономии, финансовой устойчивости, финансового левериджа, постоянного актива) [Григорьева, 2019].

А.Д. Шерemet выделяет следующие этапы финансового анализа [Шерemet, 2017]:

- 1) анализ состава, структуры и динамики имущества предприятия;
  - 2) анализ состава, структуры и динамики источников имущества предприятия;
  - 3) анализ финансового состояния предприятия по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности;
  - 4) расчет показателей, характеризующих финансовое состояние предприятия.
- Автор считает необходимым производить расчет [Шерemet, 2017]:
- показателей рыночной устойчивости (коэффициент автономии, соотноше-

ния собственных и заемных средств, маневренности, обеспеченности оборотных активов собственными источниками формирования);

– показателей ликвидности (коэффициенты текущей ликвидности, абсолютной, критической ликвидности);

– показателей платежеспособности (коэффициент общей платежеспособности, платежеспособности по текущим обязательствам).

Г.В. Савицкая предлагает осуществлять анализ финансового состояния предприятия по следующим этапам [Савицкая, 2018]:

- 1) анализ финансовой устойчивости;
- 2) анализ ликвидности и платежеспособности;
- 3) общая оценка и прогнозирование финансового состояния.

В процессе анализа финансового состояния следует обращать внимание на значение показателей [Савицкая, 2018]:

– платежеспособности и ликвидности (коэффициенты текущей, абсолютной, критической ликвидности, комплексный показатель ликвидности);

– финансовой устойчивости (коэффициенты автономии, концентрации заемного капитала, финансовой устойчивости, финансового рычага, постоянного актива, чистый оборотный капитал, чистые активы).

Таблица 1 содержит обобщенные сведения о показателях, используемых авторами для анализа финансового состояния предприятия.

Таблица 1 – Группы показателей анализа финансового состояния предприятия

Показатель / Автор	Ликвидность	Платежеспособность	Чистые активы	Динамика активов и пассивов	Финансовая устойчивость	Активность на рынке ценных бумаг
О.А. Толпегина	+	+	+	+	+	-
В.И. Бариленко	+	+	-	-	+	+
Т.И. Григорьева	+	+	-	+	+	-
Г.В. Савицкая	+	+	+	+	+	-
А.Д. Шеремет	+	+	-	+	+	-

Таким образом, можно сделать вывод, что все авторы в своих работах говорят о необходимости осуществления расчета показателей ликвидности, платежеспособности и финансовой устойчивости.

Главными характеристиками и маркерами анализа финансового состояния предприятия на данный момент времени являются платежеспособность и ликвидность. В долгосрочном периоде финансовое состояние обусловлено финансовой устойчивостью, которая, в свою очередь, зависит от степени сбалансированности доходов и расходов, соотношения активов и источников их формирования.

Под платежеспособностью авторы понимают способность экономических субъектов в установленный срок и в необходимом объеме осуществлять расчет по платежным обязательствам кредиторов, а также производить расчеты по оплате труда. Таким образом, это способность наличными денежными средствами без нарушений условий договора совершать платежные операции. Экономисты могут оценивать как текущую, так и долгосрочную платежеспособность. Текущая платежеспособность отражает наличие достаточного объема финансовых ресурсов предприятия, необходимых для осуществления расчетов, которые требуют немедленного погашения. Перспективная платежеспособность, в свою очередь, обуславливает способность

предприятия осуществлять расчет по обязательствам в долгосрочной перспективе и создавать условия сбалансированности доходов и обязательств для обеспечения будущей платежеспособности [Клишевич, 2016].

Экономисты в своих работах также утверждают, что фундаментом платежеспособности предприятия считается его ликвидность. Под ликвидностью предприятия понимают способность погашать свои обязательства из различных источников, благодаря своей деловой репутации и высокому уровню инвестиционной привлекательности. Признав предприятие ликвидным, можно говорить о том, что оно также является и платежеспособным.

По мнению О.А. Толпегиной, Г.В. Савицкой, А.Д. Шеремета платежеспособность и финансовая устойчивость не только взаимосвязанные, но и взаимодополняющие категории. Финансовая устойчивость создает условия для поддержания необходимого уровня платежеспособности и обеспечения оптимальной структуры капитала и сбалансированности доходов и расходов. Устойчивое финансовое положение предприятия оказывает положительное воздействие на объемы основной деятельности и снабжает производство необходимыми ресурсами [Толпегина, 2019; Савицкая, 2018; Шеремет, 2017]. Т.И. Григорьева считает, что оценка финансовой устойчивости уже включает в себя анализ платежеспособности, ликвидности и обеспеченности предприятия собственными оборотными средствами [Григорьева, 2019]. В.И. Бариленко, в свою очередь, определяет понятие «финансовая устойчивость» как комплексную характеристику возможности предприятия функционировать за счет собственного капитала с условием сохранения уровня платежеспособности [Бариленко, 2018]. Таким образом, можно говорить о том, что в экономической литературе на данный момент времени не сформирован единый подход к определению сущности понятий платежеспособности и финансовой устойчивости предприятия.

В целях адекватной и качественной оценки финансовой устойчивости необходимо: определить ее тип и оценить степень платежеспособности предприятия; при оценке результатов расчета финансовых коэффициентов руководствоваться отраслевыми нормативами; регулярно оценивать риски вероятности наступления банкротства [Зуккель, Заярная, 2019].

Сравнительная оценка позволяет сделать вывод о схожести методик анализа финансового состояния предприятия О.А. Толпегиной и Г.В. Савицкой. Преимуществами методик данных ученых-экономистов является то, что они дают возможность провести более глубокий анализ финансового состояния экономического субъекта, который позволяет выявить слабые места в его деятельности и разработать комплекс мероприятий по обеспечению устойчивости предприятия в отрасли. Авторы пишут о необходимости комплексного анализа финансового состояния, предлагают осуществлять расчет как текущей, так и долгосрочной платежеспособности, ликвидности баланса, финансовой устойчивости. В отличие от других экономистов они также утверждают о важности расчета чистых активов предприятия и оценке имущества и источников имущества с учетом темпов инфляции. Анализ изменений абсолютных значений показателей активов и пассивов подвержен инфляционному воздействию, поскольку осуществляется в ценах базисного периода. Для получения точных и объективных результатов О.А. Толпегина считает необходимым производить корректировку статей бухгалтерского баланса с учетом темпов инфляций путем их группировки на денежные (монетарные) и немонетарные. Не менее важным является то, что авторы значительную роль уделяют прогнозированию будущих результатов деятельности предприятия и диагностики вероятности банкротства [Толпегина, 2019; Савицкая, 2018].

Библиография

- Бариленко В.И. Анализ финансовой отчетности: учебное пособие. 4-е изд., перераб. М.: КНОРУС, 2018. 234 с.
- Григорьева Т.И. Финансовый анализ для менеджеров: оценка, прогноз: учебник бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 486 с.
- Зуккель И.В., Заярная И.А. Современные российские методики оценки финансовой устойчивости компании // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 6. С. 63-67.
- Клишевич Н.Б. Финансы организаций: менеджмент и анализ: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2016. 304 с.
- Савицкая Г.В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия. М.: ИНФРА-М, 2018. 608 с.
- Толпегина О.А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности предприятия. В 2 ч. Часть 1: учебник и практикум для академического бакалавриата / О.А. Толпегина, Н.А. Толпегина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 364 с.
- Шеремет А.Д. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учебник. М.: ИНФРА-М, 2017. 374 с.

References

- Barilenko V.I. Analiz finansovoy otchetnosti [Financial statement analysis]: manual. 4th ed., revised. Moscow: KNORUS, 2018. 234 p. (In Russ.).
- Grigorieva T.I. Finansovyy analiz dlya menedzherov: otsenka, prognoz [Financial analysis for managers: evaluation, forecast]: bachelor's and master's manual. 3rd ed., revised and add. Moscow: Publishing house Yurayt, 2019. 486 p. (In Russ.).
- Zukkel I.V. & Zayarnaya I.A. Modern Russian methods for assessing the financial sustainability of a company // Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. 2019. No. 6. pp. 63-67. (In Russ.).
- Klishevich N.B. Finansy organizatsiy: menedzhment i analiz [Finance of organizations: management and analysis]: manual. Moscow: KNORUS, 2016. 304 p. (In Russ.).
- Savitskaya G.V. Kompleksnyy analiz khozyaystvennoy deyatel'nosti predpriyatiya [Comprehensive analysis of the business activity of an enterprise]. Moscow: INFRA-M, 2018. 608 p. (In Russ.).
- Tolpegina O.A. Kompleksnyy ekonomicheskiy analiz khozyaystvennoy deyatel'nosti predpriyatiya [Comprehensive economic analysis of the business activity of the enterprise]. In 2 parts. Part 1: Textbook and workshop for the Academic Baccalaureate / O.A. Tolpegina, N.A. Tolpegina. 3rd ed., revised and add. Moscow: Publishing house Yurayt, 2019. 364 p. (In Russ.).
- Sheremet A.D. Analiz i diagnostika finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti predpriyatiya [Analysis and Diagnosis of Financial and Economic Activity of Enterprise]: textbook. Moscow: INFRA-M, 2017. 374 p. (In Russ.).

Об авторах / Authors

Татьяна Леонидовна Сергеева – кандидат экономических наук, доцент; доцент, кафедра отраслевого менеджмента, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия / **Tatyana L. Sergeeva** – PhD in Economics, Docent; Associate

Professor, Department of Industrial Management, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

E-mail: Tatyana.Sergeeva@novsu.ru.

SPIN РИНЦ 5569-0460.

Екатерина Витальевна Калинихина – магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия / **Ekaterina V. Kalinikhina** – Student in the Master's programme, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

E-mail: katya.kalinihina@mail.ru.

УДК 341.3

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).58-65

This article was prepared as part of an international project «Rise and Rise Strong Female» [2018-1-UK01-KA204-047959] in the project Erasmus+, KeyAction2 (2018-20) and «CHILD-DISABILITY-PARENT-EDUCATION» [2018-1-UK01-KA204-048114] in the project Erasmus+, KeyAction2 (2018-20)

GENDER ANALYSIS OF CONFLICTS AND CONFLICT RESOLUTION

Alexeiciuc S.-D.

Center for Development on Education and Health,
Chisinau, the Republic of Moldova

This article explores a not well-known dimension of conflict study and reconciliation, with an emphasis on critical revision. We examine the complex realm of women as victims, combatants and peace-makers; focusing on UN Security Council Resolution 1325 (2000) On Women, Peace and Security. We tend to view women as subjects rather than or objects and observe some informal practices of mediation, advocacy, conflict management and reconciliation. In conclusion we draw attention to the positive benefits of an inclusionary politics which incorporates principled justice and practices of care. The study of women involvement and gender and the study of armed conflict (and the resolution thereof) intersect on a number of dimensions. Gender perspectives have been used to advance our understanding of the occurrence of war, patterns of violence, the efficacy of peace processes, and the legacies of violence in post-conflict periods. We not only cover works directly related to women and peacemaking and peacekeeping but we also contextualize this literature within the broader literature on gender and war, sexual violence in conflict, women and peacemaking, women and peace building, masculinities in peacekeeping operations, gender representation in national-security sectors, sexual exploitation and abuse in peacekeeping operations, and gender mainstreaming. In doing so, we provide a more thorough understanding of the role women play in post-conflict settings. Moreover, by considering the role gender plays in peacemaking and peacebuilding, the literature is better able to speak beyond a negative definition of peace and to incorporate more-positive conceptions of peace that prioritize gender

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТОВ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ

Алексейчук С.-Д.

Центр развития образования и здравоохранения,
Кишинев, Республика Молдова

В статье исследуется малоизвестный аспект изучения конфликтов и примирения, а также делается акцент на необходимость его критического пересмотра. Женщины рассмотрены в контексте жертв, комбатантов и миротворцев; уделено особое внимание Резолюции 1325 (2000) Совета Безопасности ООН о женщинах, мире, безопасности. Женщины рассмотрены, скорее, как субъекты, чем объекты. Приведены некоторые неформальные практики посредничества, пропаганды, урегулирования конфликтов и примирения. Обращено внимание на преимущества инклюзивной политики, которая включает в себя справедливое правосудие и практику помощи потерпевшим. Вопросы гендерной проблематики и проблем вооруженных конфликтов, их разрешение во многом пересекаются. Анализ гендерных аспектов важен для более глубокого понимания причин возникновения войн, моделей насилия, эффективности мирных процессов и последствий в постконфликтный период. В статье не только представлены работы, посвященные женщинам, миротворчеству и поддержанию мира, они контекстуализированы в рамках более глубоких тем гендера и войны, сексуального насилия в конфликтах, женщин и миростроительства, мужественности в миротворческих операциях, гендерного представительства в секторах национальной безопасности, сексуальной эксплуатации и надругательства в миротворческих операциях. Кроме того, обращается внимание на необходимость более глубокого понимания той роли, которую женщины играют в постконфликтных ситуациях. При исследовании роли гендера в миротворчестве и миростроительстве необходимо выходить за рамки негативного опре-

equality, consideration of the victims of violence, social justice, and other issues fundamental to a high quality of peace.

Keywords: gender issues; international relations; UN; women as victims of war; women's contribution to peacekeeping.

деления мира, обращая внимание также на позитивные концепции, которые ставят во главу угла гендерное равенство, учет интересов жертв насилия, социальную справедливость и другие вопросы, имеющие основополагающее значение для обеспечения реального мира.

Ключевые слова: гендерные проблемы; международные отношения; ООН; женщины как жертвы войны; вклад женщин в миротворчество.

Any conflict within international relations exists when incompatible goals develop between countries or political blocks. It is important to pay attention to the origins, development, and life cycle of conflict as well as the factors that lead to conflict escalation and de-escalation, and the attitudes, behaviors, situations, goals, and values that influence individuals' interaction and intervention styles. The parties choose contending, yielding, withdrawing, inaction, or problem solving strategies to cope with incompatible goals, emotions, and images of the other that escalate the conflict. Bargaining, threats, and pressures are used to influence the other party's decisions and behaviors, and either escalate or through third party intervention de-escalate the conflict.

Destructive conflicts tend to expand and escalate as competition, poor communication; hostile attitudes, misjudgment, and misperception take hold so that the parties get stuck in a situation that makes no logical sense. When there is a power asymmetry in international relationships, conflict may escalate as the disempowered countries seeks to redress grievances against the more powerful states. Thus, as a function of international conflict, power plays an important role in terms of relations and modes of resolution. Recent events in certain Middle East countries prove that power transitions create perilous moments in modern history. Some of the future risks include: potential great powers rivalry (*e.g.* US – EU 'Cold Friendship', China *v.* India arms race); proliferation of weapons and its components (Af-Pak and post-Iraq regions); 'low-cost' wars (*e.g.* PKK separatist uprisings in Turkey and urban guerrilla across Arabic states); failure of international governance to adapt to new powers (UN, OSCE and EDA misfortunes in peace-keeping); ageing populations and youth bulges (dilemma of growing Muslim diasporas in Western Europe); and resource competition/market volatility (water scarcity in Central Asia and Africa, forthcoming 'pipeline conflicts' in Caspian area / Southern Caucasus region; possible tensions over Arctic resources and transit routes) [Collier & Hoeffler, 2002]. Although there are many drivers of conflict, the three most prominent over the coming decades are likely to be changes in demographics, climate and economy.

Conflicts shape societies at all levels, changing their demographic composition, decimating the population and condemning them to poverty. The financial crisis caused by all situations of armed violence and the loss of men during a war (through injury or death) is spelling out the role of women in the labour market. Both in Yemen and in Iraq, women are forced to look for ways for increasing their meagre family income. This poses

Образец цитирования:

Alexeiciuc S.-D. Gender Analysis of Conflicts and Conflict Resolution // BENEFICIUM. 2020. № 2 (35). С. 58-65. (на англ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).58-65](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).58-65)

For citation:

Alexeiciuc S.-D. Gender Analysis of Conflicts and Conflict Resolution // BENEFICIUM. 2020. No. 2 (35). pp. 58-65. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).58-65](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).58-65)

a huge challenge for them, since they had previously been kept away from the formal market. They do not have the necessary education and are subjected to all types of discrimination in a society still based on patriarchal patterns. This situation is particularly difficult for displaced women who find themselves in a new environment which is as yet unfamiliar to them. They nevertheless have to leave their homes to work, and this adds extra risk to both themselves and their daughters. Moreover, this new responsibility confers an additional burden on them, added on as it is to their traditional household chores, which already took up most of their day. This new family structure also has consequences for the rest of the family. The men accept women's contribution to the family income out of need but feel that their role is put into question. Resorting to domestic violence (whether emotional or physical) is a way of channelling their frustration and retaining control [Oxfam, 2019].

Conflict prevention is definitely not a vote winner, and it is difficult to incentivize politicians to engage in both conflict analysis and proper long-term conflict resolution. Moreover conflict prevention and resolution efforts seem to be decreasing, yet the drivers of conflict appear to be rising. In such a situation third parties, including international NGOs, multinational corporations or religious authorities with an appropriate intervention process can balance the power and even transform the very playing field.

We think it is important to underline that while men, women, children and elderly people are affected by the traumas of war, violent conflict and radical political insecurity, the specific experiences of conflict, loss and pain differ for women. The difference extends to the types of experiences, the depths of exclusion from political decision-making and participation in peace-negotiations and in many women's interpretations of what is necessary to build peace and practice reconciliation.

Women's contributions to peace-making usually are mostly informal, *ad hoc* and rarely part of formal peace processes, so their stories often drift and unacknowledged.

Despite considerable efforts by the UN, in particular, the UN Development Fund for Women, various researchers, academicians, non-governmental organizations, grass roots level movements, peace activists and supportive church groups to encourage women's participation in conflict prevention, management and resolution, women remain seriously under-represented in the institutional, formal mechanisms of peace negotiations and security enhancement.

Talking about UN it is impossible not to mention the UN Security Council Resolution 1325 *On Women, Peace and Security*, adopted on 31st of October 2000 [United Nations, 2020]. It is historical in being the first Security Council resolution to address the special needs of women in relation to peace and security. It calls for increased numbers of women to become Special Representatives of the Secretary-General and realizes the need to expand the contribution of women in UN field based operations.

This *Resolution* of course is not a perfect document and it has been criticized many times for its conceptual gaps, for the lack of guidelines in practical application and for the failure in implementation. However, its efficacy as a global advocacy tool is without doubt. Stories of women from Balkans and Middle East who testified to the Security Council in 2001, honouring the first year of the Resolution, provide some evidence of its significance.

More than 15 years after the adoption of UN Security Council Resolution 1325, which called for strengthening women and girls' protection from conflict-related sexual violence and women's equal participation in all stages of the prevention and resolution of conflict, women's participation in peace negotiations with voice and influence re-

mains exceptional rather than the norm. The international community increasingly acknowledges this participation gap and the lack of systematic and in-depth research.

However, few women have received direct access to peace negotiations: between 1989 and 2011, female delegates signed only 13 peace agreements in 6 peace processes. The numbers of female signatories have even decreased since the adoption of UN Security Council Resolution 1325. Despite the small number of peace agreements signed by women to date, our results clearly demonstrate that peace processes are more likely to lead to durable peace if women have been able to shape them. We have argued that linkages between female signatories and women civil society groups explain the positive impact of women's participation on peace durability. Linkages between diverse women groups are crucial for informing the negotiation process and inclusion of provisions that address social inequalities – and in particular gender inequality. The women networks that arise from such collaboration during negotiations, and the knowledge and expertise gained from participating in negotiations, are vital for effective advocacy of women networks for the implementation of peace agreement provisions. Strong linkages and collaboration between women signatories deeply familiar with the negotiation process and its political constellation, and women civil society groups with local expertise, improve the quality and the durability of peace after civil war [Krause, Krause & Bränfors, 2018].

It would be a mistake however to assume that all women are natural born peace-makers; some women are aggressive combatants, particularly in Africa and Central America. Over the last decade, female soldiers have been part of fighting forces in more than 50 countries and involved in armed conflict in 38 of these countries, all of them internal conflicts [Fox, 2004]. Women have fought as 'freedom fighters' in Nicaragua, Sri Lanka, Sudan and Vietnam. Indeed, in Eritrea, South Africa and across Latin America, women make up a third of the forces in guerrilla armies. In some conflicts, women are abducted to join irregular armies and young girls are forced into 'jungle marriages' or 'bush marriages' [Gardner & El-Bushra, 2004]. Some women act as spies, couriers or providers of refuge for combatants in hiding. Many women in Chechnya in 18th century were strong supporters of separatist paramilitary organizations and foster sectarian attitudes and during the violent conflict, hid weapons or fugitives. Some women incited violence and encouraged revenge for the dead [Kim, 2005]. Wherever there are deep ethnic, religious or tribal divisions, many women, like many men, instill in the young notions of the enemy as hated 'other' [Alison, 2006].

Despite these sad facts women universally are the prime nurturers in relationships, families and communities, they play crucial roles in peace-making, often in very informal, unofficial ways. These roles often emerge out of the experience of oppression, knowing what it is like to be excluded and seeking a society that is truly inclusive. Some women become peace activists, advocating strongly for non-violent ways of relating. Other women are mediators, trauma healing counselors and policymakers working to address the root causes of violence and ways to transform relationships. Many women are educators and group facilitators, contributing to building the capacity of individuals, communities and nations to resolve conflict and prevent further surges of violence. Some women are humanitarian aid workers or peacekeepers [Fuglerud, 1999]. Many women facilitate dialogue between warring factions, tribes, clans or ethnic groupings by convincing husbands, brothers, uncles and sons to lay their spears, machetes or guns aside. Women often are willing to bridge divides across traditional ethnic, religious and cultural divisions, coming together on matters of commonality that generally

revolve around their familial responsibilities in order to take care of the practicalities of life, such as food, shelter, health care, education and safety for their children [Hunt & Posa, 2001].

The Machel Study emphasizes that girls, like boys, are recruited as child soldiers, although they are fewer in number and their responsibilities are usually gender specific. Girls may be 'volunteers', often because of family poverty and their families' inability to sustain them, or they may be involuntarily seized by the military. Like boys, girls may join opposition groups for protection, for example, when their own parents have been killed [El-Bushra, 2005]. Unaccompanied children are also picked up by soldiers for 'humanitarian' reasons. Regardless of how they are enlisted, girls often are required to serve as camp cooks, to wash clothes, and care for the wounded. In contemporary wars, girls and young women may be compelled to seek economic livelihood by providing sexual services. They may be forced into prostitution or other forms of sexual exploitation because they need food, shelter, safe conduct through war zones, or require papers or privileges for themselves and their families. The Machel Study reports that girls as young as 12 years have sexually submitted themselves to paramilitary forces as a means of protecting their families from other groups. The Machel Study reports that reunification with families may be especially troublesome because a formerly cheerful 12-year-old may return home as a sullen 16-year-old who feels newly assertive and independent. Girl soldiers who have been raped or sexually abused, in part because of cultural beliefs and attitudes, can find it very difficult to stay with their families or to have any prospects of marriage. With few alternatives for economic survival available to them, girls and young women may eventually turn to prostitution. The arrival of peace-keeping forces often perpetuates prostitution. For example, in Mozambique after the peace treaty was signed in 1992, girls from ages 12 to 18 years were recruited into prostitution by soldiers of the UN Operation [Haywood & French, 2009].

Throughout the course of the Syrian conflict, women have been disproportionately affected by violence and have generally been excluded from peace negotiations. The inclusion of Syrian women in peace negotiations is a necessity for a stable post-conflict Syria. Their inclusion at all levels of peacebuilding processes is crucial to create long-lasting peace and has the potential to promote sustainable development in the country. With Assad's military victory looking likely, Syrian women will face many challenges having their voices heard in reconstruction processes.

In 2008, sexual violence was recognized as a weapon of war. France played an active role in the adoption of Security Council resolution 1820, highlighting a real awareness on the part of the international community about the necessity of significantly strengthening the fight against sexual violence in armed conflicts and the fight against impunity. Regarding sexual abuse and violence, France supports the 'zero tolerance' strategy of the UN Secretary-General, to prevent and respond to sexual exploitation and abuses [Miftah, 2018].

At 12 years old, Evelyn Amony was abducted by the Ugandan rebel group known as the Lord's Resistance Army (LRA), which for three decades has committed a range of atrocities including the abduction of children, rape, killing, maiming and sexual slavery [Kaldor, 2003]. Today, Evelyn is Chair of the Women's Advocacy Network, comprised of over 400 formerly abducted and war-affected Ugandan women [Coomeraswamy, 2004]. With funding from UN Women, the Network encouraged the Ugandan Parliament to adopt a landmark resolution addressing war-affected women on 9 April 2014 [Cilliers & Dietrich, 2000].

After the war situations it's women who start to put the fabric of life together. There is little choice – they are left with children, the aged and ill, amid devastation and have to find ways to survive. During war, women often are victims of rape and the loss of loved ones and grief, poverty and intense trauma sets in. Yet, an overemphasis on victimhood obscures women's agency and power to overcome massive obstacles. Further, in the very breakdown of morals, traditions, customs, and community, war also opens up and creates new beginnings. There are numerous examples of women who grasp this window of opportunity that transitional democracies allow to further gender justice, equality and rights. The impact of women's contributions to peace-making is significant in global terms.

However, funding for dedicated programmes that target gender equality and women's empowerment as a principal (main) objective still remains low at 4% and 62% of aid remains gender blind [Bouret, Hedman, Hos & Sangaré, 2019].

But while women are active peacebuilders, their contribution often is informal, behind-the-scenes, unpaid, collaborative and unrecognized as actual peace-making, and thus they consistently are excluded from formal peace negotiation processes and public, political decision-making [Sweetman, 2005]. While women will often have been at the forefront of peace initiatives throughout the conflict, peace agreements are usually negotiated predominately, if not exclusively, by men. There is an acute need for greater recognition of women's activity as peace-builders which translates into the inclusion of women more fully in all stages of peace-making.

These examples directly challenge gendered dualisms, such as the idea that men are suited to the public world of transitional justice and political negotiations and women are suited to the private world of personalized care and picking up the emotional pieces after war. Moreover provided examples draw attention to women as subjects rather than as victims or objects.

They also challenge typical UN and orthodox peace scholars' understandings of peace-making as being located solely in formal peace processes or primarily as part of post-conflict reconstruction. So, we argue instead that these views of peace-making miss the informal practices of mediation, advocacy, conflict management and reconciliation in which many women are involved informally.

Where people have been subject to the trauma of violence, providing forums for truths and confessions are crucial, but women often are silenced in these events, fearing the shame of talking about their traumas, particularly of sexual assault. Each culture is dealing with the past in different ways. What is appropriate in Myanmar may not be suitable in Bosnia, Yemen, Nicaragua or Syria. Each reconciliation process is unique [Snyder, 2000].

Successful conflict analysis and resolution should lead us to reconciliation and this way involves processes that address conflict, fractured and antagonistic relationships in order to heal past wounds and foster cooperative relationships in a spirit of open, fair and tolerant engagement. In order for these processes to begin, there must be a willingness to change personal and cultural attitudes and practices of prejudice, fear, suspicion and mistrust toward the 'other'. Once there are workable relationships, there can be the development of a shared vision for an interdependent future that permits reconciled relationships to work cooperatively. As the world becomes increasingly multi-polar, the ability to wield power and influence will potentially be more than mere hard military power, broadening into values, becoming *hubs in networks*, and develop-

ing the ability to manage relationships more effectively with non-state actors including nonterritorial sovereign organizations.

We have tried to demonstrate the positive benefits of an inclusionary politics which incorporates principled justice and practices of care. I wanted to emphasize also the importance of defying black and white dualism: that given the appropriate conditions, it is possible to recognize specific identities and include differences as integral to building peace; combine justice with compassion; respect memory truthfully; and apologize and forgive where appropriate in order to embrace difference in a spirit of not just resolution, but *reconciliation*.

And for reconciliation to be more than a trendy catchphrase, practical peace-building must be truly inclusive of women and men from all branches of life as well as working with various 'spoiler' groups. And only through embracing the rich diversity of humanity we can practice a politics of compassion that creates unimaginable reconciliatory spaces of mutual respect for equal dignity.

References

- Alison M.H. Women and Political Violence. Female Combatants in Ethno-national Conflict, London and New York: Routledge, 2006.
- Bouret O., Hedman J., Hos T. & Sangaré C. Handbook OECD-DAC Gender Equality Policy Marker OECD DAC Network on Gender Equality, December 2019, pp. 2-3.
- Cilliers J. & Dietrich Chr. (eds). Angola's War Economy – the Role of Oil and Diamonds. Pretoria, Institute for Security Studies, 2000.
- Collier P. & Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War, Working Paper 2002–01. Oxford: Centre for the Study of African Economies.
- Coomeraswamy R. (ed.) Women, Peace-making and Constitutions, New Delhi: Women Unlimited, 2004.
- El-Bushra J. & et al. Women Building Peace: Sharing Know-How. Assessing Impact: Planning for Miracles, London: International Alert and Women Waging Peace, 2005.
- Fox M. J. Girl Soldiers: Human Security and Gendered Insecurity // Security Dialogue. 2004. No. 35 (4). pp. 465-479.
- Fuglerud O. Life on the Outside: The Tamil Diaspora and Long Distance Nationalism. London: Pluto Press, 1999.
- Gardner J. & El-Bushra J. (eds). Somalia – the Untold Story. The War Through the Eyes of Somali Women, London: Pluto Press, 2004.
- Haywood R. & French J. Potential Roles for Nonstate Actors and Nonterritorial Sovereign Organizations in Reducing Armed Violence, One Earth Future Foundation, 2009.
- Hunt S. & Posa Chr. Women Waging Peace: Inclusive Security // Foreign Policy Magazine. 2001. May / June. pp. 38-47.
- Kaldor M. Global Civil Society: An Answer to War, Cambridge: Polity Press, 2003.
- Kim S.H. The Role of Vengeance in Conflict Escalation / In I. William Zartman and Guy Olivier Faure (eds) Escalation and Negotiation in International Conflicts, Cambridge: Cambridge University Press, 2005. pp. 141-162.
- Krause J., Krause W. & Bränfors P. Women's Participation in Peace Negotiations and the Durability of Peace, International Interactions. Routledge Taylor and Francis Group. 2018. 44:6. 985-1016. p. 23.
- Miftah. Fact Sheet on Violations Against the Palestinian Women and Girls in East Jerusalem by the Israeli Occupation 2018. pp. 7-8.

- Oxfam. Women in conflict zones and National Action Plan 2017-2023. Originally published 29 Mar 2019. pp. 13-14.
- Snyder J. From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. New York: Norton, 2000.
- Sweetman C. (ed.) Gender, Peacebuilding and Reconstruction. Oxford: Oxfam, 2005.
- United Nations (2020). (In Eng.) Available at: [http://www.un.org/womenwatch/ods/SRES-1325\(2000\)-E.pdf](http://www.un.org/womenwatch/ods/SRES-1325(2000)-E.pdf) (accessed 13.05.2020).

Author / Об авторе

Sandra-Daniela Alexeiciuc – Director, Center for Development on Education and Health (CEDES), Chisinau, the Republic of Moldova; Erasmus+ Educational International Trainer, MA in Human Rights and Democratisation, Project Assistant SC PSIHOFORWORLD, Romania / **Санда-Даниэла Алексейчук** – директор, Центр развития образования и здравоохранения, Кишинев, Республика Молдова; международный тренер по образованию европейской программы Erasmus+, магистр в области прав человека и демократизации, ассистент проекта SC PSIHOFORWORLD, Румыния.
E-mail: danielaalexeciuc@gmail.com.

**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ
В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Митина С.И.

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия

Статья посвящена анализу проблем реформирования государственного управления в Российской империи. Потребность в реформировании системы управления последовательно возникала на каждом этапе перехода общества и государства на новый уровень политического, экономического развития. Целевая направленность реформ сводилась к оптимизации процесса управления огромной империей при сохранении незыблемости абсолютной монархии. Опору абсолютизма в сфере управления составлял разветвленный бюрократический аппарат. Важнейшей задачей реформ в сфере управления было обеспечение эффективного, грамотного, добросовестного функционирования государственных служащих. В данной статье на основе анализа практики реализации законодательства XVIII – XIX веков административными и полицейскими учреждениями российских губерний на примере Новгородской губернии выявляются общие закономерности и особенности процессов реформирования и их результативность. Представлен результат анализа архивных материалов из фондов судебных органов Новгородской губернии. Особое внимание автор уделяет судебной практике по делам о должностных преступлениях. Документы позволяют сделать заключение о непоследовательности в политике центральной власти и губернской администрации в борьбе с должностными преступлениями чиновников и служащих полиции. Отсутствие системности в формировании кадрового состава и реформировании государственного аппарата приводило к то-

**PUBLIC AUTHORITY
IN THE CONTEXT OF REFORMS
OF STATE GOVERNANCE
OF THE RUSSIAN EMPIRE
(ON THE MATERIALS OF
THE NOVGOROD PROVINCE)**

Mitina S.I.

Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

The article is devoted to the analysis of issues of reforming public administration in the Russian Empire. The need for reforming the management system consistently arose at each stage of the transition of society and the state to a new level of political and economic development. The reform was focused on optimizing the process of managing a vast empire while maintaining the inviolability of an absolute monarchy. The support of absolutism in the sphere of management was an extensive bureaucratic apparatus. The most important task of the reforms in the sphere of management was to ensure the effective, competent, conscientious functioning of public servants. Based on an analysis of the practice of implementing the legislation of the 18th-19th centuries, the administrative and police institutions of the Russian provinces, using the example of the Novgorod province, identify general patterns and characteristics of the reform processes and their effectiveness. The result of the analysis of archival materials from the funds of the judicial authorities of the Novgorod province is presented. The author pays special attention to judicial practice in cases of official crimes. The documents allow us to draw a conclusion about the inconsistency in the policies of the central government and the provincial administration in the fight against official crimes of officials and police officers. The lack of consistency in the formation of personnel and the reform of the state apparatus led to the fact that the ideas of the legislator remained at the declarative level and were not fully implemented in the practice of

му, что идеи законодателя оставались на декларативном уровне и не воплощались полноценно в практике функционирования государственных органов на уровне провинции. Автор также приходит к выводу, что сама центральная власть не обеспечивала материальную базу реформ и механизм формирования необходимого профессионального уровня государственных служащих. Перед административными органами и полицейскими учреждениями неизменно на протяжении всей истории Российской империи ставились главные задачи обеспечения контроля над населением и реализации фискальной политики. Ограниченность реальных целей реформ приводила, в конечном итоге, к их декларативности и повышала уровень социальной напряженности.

Ключевые слова: государственное управление; дореволюционная Россия; Новгородская губерния; публичная власть; реформы.

functioning of state bodies at the provincial level. The author also concludes that the central government itself did not provide the material basis for reforms and the mechanism for the formation of the necessary professional level of public servants. Throughout the history of the Russian Empire, administrative bodies and police institutions have always been given the main tasks of ensuring control over the population and implementing fiscal policy. The limited real goals of the reforms led, ultimately, to their declarative nature and increased the level of social tension.

Keywords: public authority; pre-revolutionary Russia; Novgorod province; public administration; reforms.

Государственное управление в любой стране в любую эпоху представляет собой процесс, отличающийся той или иной степенью динамики, вектором развития, определяемым целями, поставленными перед государственными органами центральной властью. Государственный механизм Российской империи за историю своего существования неоднократно переживал реформирование, целью которого была оптимизация функционирования публичной власти при условии сохранения политических и социальных основ абсолютизма. Ни одна из реформ XVIII – XIX веков не была ориентирована на ограничения правомочий публичной власти. Несмотря на то, что попытки «переустройства» России, начиная с преобразований Петра I и заканчивая «Великими реформами» Александра II, затрагивали буквально все слои российского общества, сословия и государственно-правовые институты, сама монархия оставалась незыблемой.

«С высоты минувших эпох» современные исследователи уверенно характеризуют динамику реформирования Российской империи признаками прерывистости, скачкообразности, несовпадения замыслов и результатов их реализации [Андреева, 2014; 203]. Действительно, тенденция смены реформ контрреформами, половинчатость принимаемых мер, недоверие к населению, стремление обеспечить жесткий административный контроль за процессом обновления на всех уровнях системы управления, – все это являлось неотъемлемыми признаками реформ императорской России. Основная причина непоследовательности реформаторской политики центральной власти – стремление избежать кардинальных изменений общественного

Образец цитирования:

Митина С.И. Публичная власть в контексте реформ государственного управления Российской империи (по материалам Новгородской губернии) // BENEFICIUM. 2020. № 2 (35). С. 66-76 DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).66-76](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).66-76).

For citation:

Mitina S.I. Public Authority in the Context of Reforms of State Governance of the Russian Empire (on the Materials of the Novgorod Province) // BENEFICIUM. 2020. No. 2 (35). pp. 66-76. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).66-76](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).66-76).

стройка, способных пошатнуть устои абсолютизма, служившего опорой правящей элите.

Опасения правящей элиты, безусловно, имели реальные основания. Во-первых, основные тяготы реформ в их материальном, финансовом выражении ложились на плечи эксплуатируемых сословий, как правило, не ощущавших на себе прогрессивного содержания новаций. Во-вторых, обоснованным было недоверие центральной власти к аппарату управления на местах.

Поскольку именно в природе правоприменительной практики проявляется выраженная в законодательстве сущность намерений власти, то закономерно встает вопрос о том, кому доверено ее осуществление, как государство решает вопрос обеспечения принципа законности реализации права. На уровне российских губерний реализацией идей законодателя занималась целая армия чиновников, от губернаторов до рядовых служащих полицейских управлений. Судить о количественном составе губернских служащих можно по статистическим данным, приводимым в памятных книжках. Так, по данным за 1860 г. в Новгородской губернии «... служащие чиновники ведомств были распределены по сословиям», а их численность составляла 1116 человек, чиновников Министерства внутренних дел насчитывалось 375 [ПКНГ, 1860; 29].

Провинциальная бюрократия, служившая для местного населения олицетворением публичной власти, сама по себе не составляла единого монолитного слоя общества. Как указывает Г.В. Гарбуз, в целом уровень провинциальной бюрократии явно отставал от требований жизни [Гарбуз, 2015; 6]. Данное замечание автор высказывает применительно к периоду начала XX века. Т.е. к концу эпохи абсолютизма публичная власть в Российской империи так и не достигла необходимого для эффективного управления государством уровня развития государственного механизма. Между тем, как утверждает С.Б. Лугвин, еще при Петре I в основном завершилось становление российской бюрократии и началось ее развитие на собственной основе [Лугвин, 2015; 177]. Отметим, что «собственная основа» у российской бюрократии была весьма «размыта». Особенно это очевидно в отношении провинциального чиновничества. Так, неоднородность чиновничьего аппарата, по мнению К.К. Фидаровой, выражалась в делении на две неравнозначных группы: высшее и мелкое чиновничество. К первой группе относились губернаторы, советники, судьи, председатели казенных и судебных палат. Вторую группу составляли чиновники «разночинного звания»: выходцы из духовенства, дети отставных офицеров и др. [Фидарова, 2009; 230].

При этом представители обеих групп не гнушались рассматривать государственную службу в качестве вотчины, предоставленной им для «кормления». Жалование государственным служащим было невысоким, что провоцировало использование служебного положения в корыстных целях. Злоупотребления по службе дополнялись низким уровнем грамотности и отсутствием признаков общей и правовой культуры большей части служащих. Проблемы в организации государственного управления на местах сказывались на общем состоянии государственного механизма. Н.И. Красняков указывает на двусторонний вектор влияния не только империи на периферию, но и периферии на имперский центр, причем при общей тенденции возрастания роли именно регионального фактора [Красняков, 2015; 118].

Центральная власть пыталась выстроить систему единой правовой практики, от воплощения идей законодателя в нормативных актах до их реализации на местах. Однако на пути претворения в жизнь благих намерений стояли многочисленные

препятствия, порожденные самой центральной властью и ответной реакцией населения, обеспокоенного многочисленными проблемами повседневной жизни. В провинции обыватели судили о намерениях власти не по содержанию того или иного закона или указа, а по конкретной правоприменительной практике в лице местного городского головы, ратмана, городского, урядника или пристава. Именно это звено губернского административного и полицейского аппарата, а также местного самоуправления находилось в непосредственном контакте с населением.

Место и роль органов самоуправления в общей системе государственного управления Российской империи можно охарактеризовать как придаток публичной власти, представленной чиновничьим аппаратом. О реальном представительстве, пусть даже ограниченном сословным принципом, говорить не приходится. Даже для начала XX века, по замечанию В.П. Реутова, было характерно отсутствие зависимости депутатов от избравших их представителей народа [Реутов, 2016; 374]. Именно поэтому местное население не проявляло особого доверия к «избранным» функционерам. Поводов для этого было достаточно в любом городе и уезде. Городские магистраты, думы и управы, как правило, заботились лишь о выполнении указов и распоряжений, присылаемых свыше. При этом возникавшие управленческие вопросы и проблемы зачастую решались способами, противоречившими самой природе местного самоуправления. Явно проявлялась тенденция превышения должностных полномочий в целях выполнения во что бы то ни было распоряжений губернского и столичного начальства. Примером может служить «служебная деятельность» новгородского городского головы Дмитрия Щеколдина, ставшая предметом судебного разбирательства Новгородской палатой уголовного суда в 1790 г. [Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 892].

Стремясь во что бы то ни было выполнить поручение вышестоящего начальства, Щеколдин принуждал некоторых горожан к подписанию договоров о взятии на откуп городских питейных сборов. Система откупов была введена в 1767 г. Ш. Мухамедина отмечает, что вплоть до второй половины XIX века откуп и казенная продажа вина как источники государственных доходов не оправдали себя, а пьянство и мздоимство получили широкое распространение [Мухамедина, 2009; 82]. Из материалов уголовного дела Щеколдина очевидно, что среди новгородских купцов не было достаточного числа желающих становиться откупщиками. На местном примере видно, что практика откупов провоцировала в качестве должностных преступлений не только мздоимство, но и превышение должностных полномочий. По приказу Щеколдина не желавших подписывать договоры горожан держали под караулом. Однако, несмотря на коллективные жалобы и судебный иск, Щеколдин избежал наказания, благодаря заступничеству Новгородского и Тверского генерал-губернатора, отправившего в Палату уголовного суда особое предложение с разъяснением, что городской голова не совершил ничего «в противность своей должности», а лишь старался выполнить насланные от начальства повеления [Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 892. Л. 64]. Таким образом проявлялась «бюрократическая сущность» органов местного самоуправления, цели функционирования которых сводились к обеспечению фискальной и контрольно-надзорной функции государства в отношении местного населения.

Работа губернской администрации, в свою очередь, давала также немало примеров и поводов для оценки эффективности управления на местах. Так, за десять лет до введения в действие «Учреждений для управления губерний» Екатерина II издала указ «Об удержании судей и чиновников от лихоимства» (от 18 июля 1762 г.), в

тексте которого упоминался «... некто Новгородской Губернской Канцелярии Регистратор Яков Ренбер», бравший деньги с людей за приведение к присяге в верности императрице. Ренбер был сослан на вечное поселение в Сибирь [Кутафин, Лебедев, Семигин, 2003; 302-303]. Однако такая демонстративная, но сравнительно мягкая мера вряд ли могла удержать губернских чиновников от злоупотреблений должностными полномочиями. Следует также учитывать, что реформы государственного управления не затрагивали устоев крепостничества. Наоборот, как известно, именно при Екатерине II дворяне, получив «Жалованную грамоту», окончательно закрепили за собой статус «титulyного» сословия. Публичная власть стала воплощением воли дворянства. Все остальное население находилось «под прессом» публичной власти. Разумеется, самое тяжелое положение было у крестьянства.

В отношении крестьян должностные лица чаще всего демонстрировали свои властные полномочия посредством применения насилия. В большинстве случаев чиновникам даже «в голову не приходило» применять в отношении крестьян какие-либо процессуальные нормы, соблюдать правила и процедуры. Справедливости ради следует отметить, что в отдельных случаях дела о применении насилия должностными лицами в отношении крестьян доходили до суда. Однако, как правило, четкого приговора в сохранившихся архивных делах не обнаружить. Все сводилось к затягиванию рассмотрения дела и его прекращению по той или иной причине, например, в связи со смертью свидетелей. Таким, например, было дело, поступившее в 1790 г. на ревизию в Палату уголовного суда из Тихвинского нижнего земского суда в отношении дворянского заседателя Сидора Апрелева, обвинявшегося в истязании крестьян Луки Астафьева и Герасима Лукина. Апрельев, лично заинтересованный в поимке преступников, обворовавших дом его родственницы, не имея никаких полномочий, подверг подозревавшихся в краже крестьян дознанию «с пристрастием», в результате чего те погибли. Как говорилось выше, в материалах дела отсутствуют сведения о вынесении приговора или хотя бы конкретное определение [Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 907].

Не дало результатов и рассмотрение в 1795 г. Каргопольским нижним земским судом дела по жалобе крестьянина Каргопольского уезда Верхотурьевской волости Егорьевского прихода Федора Никулина на незаконное наказание его исправником Поповым, сельским заседателем Колпаковым и секретарем Михайловским. Нижние чины порой особенно рьяно старались продемонстрировать свои властные полномочия. Никулин был подвергнут наказанию плетьюми «нещадно», несмотря на то что предъявил должностным лицам Каргопольского уезда документ – именной указ «Государыни императрицы Екатерины Алексеевны», которым отменялось ранее вынесенное судом решение о наказании. Несмотря на указ императрицы, наказание было произведено. Видимо, местные власти сочли, что в отношении простого народа лучше лишний раз наказать, чем разбираться в подлинности императорских указов. Дело о самоуправстве каргопольских должностных лиц в связи с изменениями границ и состава губерний северо-запада Российской империи длительное время «курсировало» между Олонецкой и Новгородской палатами уголовного суда. За это время исправник Попов умер. Колпаков и Михайловский, судя по всему, избежали наказания, т.к. окончательное определение гласило: «... оставить без всякого суждения, дело сложить в архив» [Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 1. Д. 36. Л. 3, 53а].

Многочисленные реформы государственного управления не смогли преодолеть также проблему казнокрадства и взяточничества чиновников. Архивные фонды Па-

латы уголовного суда и Палаты суда и расправы Новгородской губернии изобилуют делами о подобных преступлениях чиновников. Практически целый год (1797 г.) находилось в рассмотрении дело городничего (г. Белозерск) коллежского асессора К. Рейтера, обвиненного прапорщиком штатной воинской команды Г. Шестаковым в том, что из уездного казначейства не отпускаются положенные на починку ружей «по одному рублю». Конкретного решения в материалах дела не сохранилось [Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 3. Д. 52. Л. 4, 131].

Достаточно показательным для судебной практики по должностным преступлениям является дело олонецкого коронного поверенного Ивана Каширинова. Сослуживец обвиняемого коронный поверенный Фрол Расторгуев подал прошение о расследовании пропажи во время пожара в казенной конторе денежной казны (6700 рублей, не внесенных в канцелярскую опись), а также сундуков и чемоданов с казенным имуществом. Однако следствию не удалось доказать причастность Каширина к поджогу, краже денег и имущества [Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 270. Л. 10-19, 78-80, 518].

Одной из самых распространенных форм казнокрадства в масштабах губернии было «утаивание» казенных сборов. Например, в 1790 г. в Палате уголовного суда на ревизии находилось дело дворянского заседателя Устюжского нижнего земского суда Саванчеева и подканцеляриста Протопопова, которые путем служебного подлога скрыли от уездного казначейства денежные средства, «взысканные с вотчины госпожи генерал-майорши Веригиной» [Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 932].

Для XVIII века характерной была тенденция расширения круга коррупционных правонарушений за счет приравнивания к взяткам незаконных поборов с населения при сборе налогов, оформлении документов и т.д. Как правило, такие дела подолгу «лежали под спудом». С марта 1795 г. по октябрь 1801 г. в рассмотрении находилось дело «По жалобе крестьян Каргопольского уезда Печниковской и Верхнотурьевской волостей Ивана Миронова с товарищами на исправника и других членов земской полиции за незаконные с крестьян поборы (по 2-3 рубля с души)» [Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 1. Д. 95]. Замедление следствия объяснялось болезнью обвиняемого Елина, проходившего обвиняемым еще по одному аналогичному делу «... по жалобе крестьян Егорьевского прихода». Судя по тому, что не сохранилось окончательного судебного определения, оба дела целенаправленно «свели на нет» [Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 1. Д. 94. Л. 382].

Такая ситуация весьма характерна для практики губернских судов в отношении чиновного люда.

«Чиновный люд» императорской России был практически неприкасаем. Можно сказать, что реформы государственного управления XVIII века укрепили устои государственной власти, базировавшейся исключительно на публично-правовых институтах, включая мощный чиновничий аппарат. Эти же тенденции продолжились и в первой половине XIX века. Ни у дореволюционных, ни у современных исследователей не вызывает сомнения противоречивый характер реформ Александра I [Черных, 2014; 47]. Но и при нем бюрократия лишь наращивала свой потенциал.

Чиновничий произвол по мере укрепления имперского государственного механизма лишь нарастал. Т.Р. Вакилев характеризует период правления Николая I как время, когда шел процесс усложнения управления государством, при котором фигура чиновника выдвинулась на одну из первых ролей [Вакилев, 2014; 258-259]. В первой половине XIX века вырос престиж государственной службы, в четыре раза уве-

личилось число чиновников [Курочкина, 2011; 277]. Одновременно центральная власть повышала требования к чиновникам, вводя формулярные (послужные) списки, требуя предоставления отчетности, в том числе о недвижимости.

Г.А. Борщеский обращает внимание на характерную для выстраивания кадровой политики в системе государственного управления императорской России тенденцию: чередование периодов централизации и децентрализации. Так, после образования министерств в 1802 г. кадровые функции были переданы на ведомственный уровень, а подбор чиновников на местах поручен губернским правлениям [Борщеский, 2020; 69, 81]. От губернской администрации, в свою очередь, требовались оформленные по стандарту ежегодные отчеты в Инспекторский департамент о кадровом движении чиновников. Между тем, уже на тот момент были очевидны задачи, стоявшие перед государственной службой, решение которых требовало централизованного руководства.

Имперское правительство осознавало необходимость повышения правовой культуры служащих, однако эта масштабная цель на тот период оказалась непосильной. Вместо нее на повестку дня ставились задачи локального характера, например, повышение профессионального уровня штатного состава столичной полиции. Например, со второй половины XIX века власти стали уделять особое внимание профессиональной подготовке чинов полиции низового звена. В г. Санкт-Петербурге были открыты школы для обучения городских, околоточных, надзирателей [Невский, 2004; 86]. Процесс подготовки кадров Министерства внутренних дел (МВД) инициировался преимущественно губернаторами и градоначальниками и был направлен на формирование в городах «полицейского резерва» [Терехов, Небрятенко, 2018; 68-69].

Однако столичные нововведения далеко не сразу доходили даже до ближайшей провинции. Например, в Новгородской губернии ситуация с полицейскими кадрами выглядела более прозаично. В соответствии с «Временными правилами об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» от 25 декабря 1862 г. основными структурными элементами МВД в губерниях на тот момент являлись уездные и городские полицейские управления [ПСЗРИ, 1865]. Несмотря на то, что на них лежала основная ответственность за реализацию властных полномочий и применение законодательства, повышением профессионального уровня служащих губернской полиции МВД системно не занималось, также как и решением задачи обеспечения достойного материального содержания полицейских. В таких условиях получение чина и формы воспринималось служащими как наделение правом употреблять власть, данную государством, по своему усмотрению. Как следствие, «блюстители порядка» часто сами становились фигурантами уголовных дел.

Новгородское губернское правление, выполнявшее роль надзорной инстанции по отношению к полицейским управлениям, неоднократно рассматривало жалобы населения на неправомерные действия полицейских чинов. Так, в октябре 1913 г. поступила жалоба от управляющего 18-м Индоманским удельным имением Попова. Управляющий сообщал о незаконных действиях урядника Печенгской волости Кирилловского уезда Селичева, незаконно арестовавшего лесного смотрителя Дмитрия Жестоканова [Государственный архив Новгородской области. Ф. 139. Оп. 3. Д. 453. Л. 1-2]. Арестованного, которому в ходе ареста были нанесены «тяжкие побои», держали ночь в холодном арестном помещении без верхней одежды. Причиной ареста стало публичное обвинение Жестокановым приказчика Якова Вшивых в незаконной охоте в пределах удельного имения на рябчиков и тетеревов. Факт причинения

вреда здоровью, наличия поверхностных повреждений на теле Жестоканова был зафиксирован медицинским заключением. Внимание управляющего Попова к данному инциденту объяснялось его заботой не столько об арестованном, сколько о неприкосновенности вверенного ему удельного имения, «радея» за которое, пострадал лесной смотритель. Урядники не имели права вмешиваться в хозяйственные дела поместий [Кручинин, 2014; 21]. Факт направления жалобы или иска не в полицейское управление и не в судебные органы, а к губернской администрации свидетельствует о недоверии к правоохранительным органам. Из присутствующего в деле рапорта исправника Кирилловского уезда в Новгородское губернское правление ясно, что обращаться по инстанции в полицейские органы местное население не видело ни малейшего смысла. Исправник сообщал о проведенном им расследовании по жалобе управляющего Попова на действия Селичева и о том, что не нашел признаков какого-либо преступления или проступка в деянии урядника при задержании лесного смотрителя. Исправник также объяснял, что «... до настоящего времени никогда не требовалось доносить Губернскому Правлению о дознаниях, производимых на основании жалоб на действия чинов полиции при исполнении последними обязанностей по службе» [Государственный архив Новгородской области. Ф. 139. Оп. 3. Д. 453. Л. 19-19 об.]. Губернское правление, не желая вмешиваться в дела службы уездной полиции, вынесло постановление: «... дело ... дальнейшим производством прекратить, так как ... неправильные действия урядника Селичева при проверке их оказались правильными» [Государственный архив Новгородской области. Ф. 139. Оп. 3. Д. 453. Л. 47].

Очевидно, что даже реформы второй половины XIX века и Манифест 5 октября 1905 г. не смогли изменить содержания публичной власти, выражавшегося в сохранении принципов и методов государственного управления, характерного для абсолютизма и крепостного строя. Механизм государства, являвшийся материальным выражением публичной власти, не претерпел таких изменений, которые позволили бы населению с полной уверенностью ощутить новое качественное состояние жизни. Целевая направленность всех реформ, контрреформ и разного рода преобразований сводилась к усовершенствованию государственного порядка при условии сохранения господствующего положения правящего слоя и его прав на материальные и духовные богатства страны. Нежелание центральной власти менять подход к организации государственной службы и ее финансированию, самоустранение государства в отдельные периоды из сферы регулирования правового статуса чиновников отнюдь не способствовало формированию четкой моральной и правовой позиции российского общества в отношении публичной власти. Как следствие, сохранялась проблема разобщенности интересов основной массы населения и публичной власти.

Библиография

- Государственный архив Новгородской области. Ф. 139. Оп. 3. Д. 453. Л. 1-2.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 139. Оп. 3. Д. 453. Л. 19-19 об.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 139. Оп. 3. Д. 453. Л. 47.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 1. Д. 36. Л. 3, 53а.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 1. Д. 94. Л. 382.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 1. Д. 95.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 3. Д. 52. Л. 4, 131.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 270. Л. 10-19, 78-80, 518.

- Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 892.
- Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 892. Л. 64.
- Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 907.
- Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 932.
- Андреева Т.В. Власть и реформы в России в первой половине XIX в.: историография конца XIX – начала XX в. // Петербургский исторический журнал: исследования российской и всеобщей истории. 2014. № 2. С. 202-238.
- Борщевский Г.А. Система управления бюрократией в дореволюционной, советской и современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. № 1. С. 61-84.
- Вакилев Т.Р. Формулярные списки чиновников в эпоху Николая I и их значение в механизме государственного управления // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 258-261.
- Гарбуз Г.В. Провинциальная бюрократия накануне февральской революции // Наука. Общество. Государство. 2015. Том 3. № 1 (9). С. 2-9. [Электронный ресурс]. URL: esj.pnzgu.ru (дата обращения: 16.02.2020).
- Красняков Н.И. Механизм легитимации государственной власти в политико-правовом пространстве Российской империи // Развитие территорий. 2015. № 1 (1). С. 116-121.
- Кручинин В.Н. Правовое обеспечение реформирования полиции России во второй половине XIX века // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 6 (10). С. 17-25.
- Курочкина Е.Н. Российское чиновничество XIX века. Эволюция историографических подходов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 2 (49). С. 276-280.
- Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: История. Документы: В 6 т. М.: Мысль, 2003. 848 с.
- Лугвин С.Б. Российская бюрократия на ранних этапах ее институционализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 19 (216). С. 171-177.
- Мухамедина Ш. Акцизы и винная монополия в Российской империи // Финансы и кредит. 2009. № 37 (373) С. 81-88.
- Невский С.А. Полиция в пореформенной России (60-е гг. XIX в. – начало XX в.) // Общество и право. 2004. № 4(6). С. 84-91.
- ПКНГ. Памятная книжка Новгородской губернии на 1860 г. Новгород, 1860.
- ПСЗРИ. Полное собрание законов Российской империи (Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых). Собр. II. Т. XXXVII. № 39087. СПб., 1865.
- Реутов В.П. Население и его представители во власти: эволюция отношений (историко-правовой аспект) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 34. С. 366-378.
- Терехов А.Ю., Небрatenко Г.Г. Подготовка полицейских кадров в Российской империи // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 66-71.
- Фидарова К.К. Провинциальное чиновничество России в конце XIX – начале XX в. (на примере Терской области) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-3 (64). С. 230-232.

Черных Р.М. Особенности реформирования в дореволюционной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 1 (3). С. 43-51.

References

- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 139. Оп. 3. Д. 453. Л. 1-2. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 139. Оп. 3. Д. 453. Л. 19-19 об. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 139. Оп. 3. Д. 453. Л. 47. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 529. Оп. 1. Д. 36. Л. 3, 53а. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 529. Оп. 1. Д. 94. Л. 382. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 529. Оп. 1. Д. 95. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 529. Оп. 3. Д. 52. Л. 4, 131. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 537. Оп. 2. Д. 270. Л. 10-19, 78-80, 518. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 537. Оп. 2. Д. 892. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 537. Оп. 2. Д. 892. Л. 64. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 537. Оп. 2. Д. 907. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 537. Оп. 2. Д. 932. (In Russ.).
- Andreeva T.V. The power and reforms in Russia in the first half of the 19th century: historiography of the end of the 20th and the beginning of the 21st century // Petersburg historical journal. 2014. № 2. pp. 202-238. (In Russ.).
- Borshchevskiy G.A. The Management System of Bureaucracy in Tsarist, Soviet and Modern Russia // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2020. Vol. 65. No. 1. pp. 61-84. (In Russ.).
- Vakilev T.R. Officials' Service Records during the Epoch of Nicholas I in the Context of Strengthening Control over the Russian Society // Theory and Practice of Social Development. 2014. No. 2. pp. 258-261. (In Russ.).
- Garbus G.V. Provincial Bureaucracy Eve of the February Revolution // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo [Science. Community. State]. 2015. Vol. 3. No. 1 (9). pp. 2-9. (In Russ.). Available at: esj.pnzgu.ru (accessed 16.02.2020).
- Krasnyakov N.I. The Mechanism of Government Legitimacy in the Political and Legal Area of the Russian Empire // Razvitie territoriy [Territorial Development]. 2015. No. 1 (1). pp. 116-121. (In Russ.).
- Kruchinin V.N. Legal Security of the Police Reform in Russia in the Second Half of the XIX Century // Nauchno-issledovatel'skie publikatsii [Research publication]. 2014. No. 6 (10). pp. 17-25. (In Russ.).
- Kurochkina E.N. Russian Officialdom of XIX Century. Evolution of Historiographic Approaches // Proceedings of Irkutsk State Technical University. 2011. No. 2 (49). pp. 276-280. (In Russ.).
- Kutafin O.E., Lebedev V.M. & Semigin G.Y. Sudebnaya vlast' v Rossii: Istoriya. Dokumenty v 6 tomah [Judicial power in Russia: History. Documents in 6 volumes]. M.: Mysl', 2003. 848 p. (In Russ.).
- Lugvin S.B. The Russian Bureaucracy on Early Stages of its Institutionalization // Belgorod State University Scientific Bulletin History Political science. 2015. No. 19 (216). pp. 171-177. (In Russ.).
- Mukhamedina Sh. Aktsizy i vinnaya monopoliya v Rossijskoj imperii [Excise and wine monopoly in the Russian Empire] // Finance and Credit. 2009. No. 37 (373). pp. 81-88. (In Russ.).

- Nevskiy S.A. Politsiya v poreformennoy Rossii (60-e gody XIX veka – nachalo XX veka) [Police in the Reform Russia (1960s – Early 20th Century)] // Society and Law. 2004. No. 4 (6). pp. 84-91. (In Russ.).
- PKNG. Pamyatnaya knizhka Novgorodskoy gubernii na 1860 god [Commemorative Book of Novgorod Province in 1860]. Novgorod, 1860. (In Russ.).
- PSZRI. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (Vremennye pravila ob ustroystve politicii v gorodah i uezdah guberniy, po obshchemu uchrezhdeniyu upravlyaemyh) [CCLRE. Complete collection of laws of the Russian Empire (Temporary rules on the structure of politics in the cities and counties of the provinces, according to the general institution managed)]. Collection II. Vol. XXXVII. No. 39087. SPb., 1865. (In Russ.).
- Reutov V.P. Population and its Representatives in the Government: Evolution of Relations (Historical and Legal Aspects) // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. No. 34. pp. 366-378. (In Russ.).
- Terekhov A.Yu. & Nebratenko G.G. Preparation of Policemen Staff in the Russian Empire // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii [Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2018. No. 2 (42). pp. 66-71. (In Russ.).
- Fidarova K.K. Russian Provincial Officialdom at the End of the XIXth – the Beginning of XXth Centuries (on an Example of Terskaya Region) // Izvestiya of Altai State University. 2009. No. 4-3 (64). pp. 230-232. (In Russ.).
- Chernyh R.M. Features Reform in Pre-Revolutionary Russia // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2014. No. 1 (3). pp. 43-51. (In Russ.).

Об авторе / Author

Светлана Игоревна Митина – доктор юридических наук, доцент; заведующий кафедрой теории государства и права, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия / **Svetlana I. Mitina** – Doctor of Law, Docent; Head, Department of Theory of State and Law, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

E-mail: april5298@rambler.ru.

SPIN РИНЦ 5305-8802.

**О РОЛИ ПРОКУРОРОВ И СТЯПЧИХ
В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
КОНЦА XVIII ВЕКА**

Жуков Г.К.

Прокуратура Новгородской области,
Великий Новгород, Россия
Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской
Федерации, Санкт-Петербург, Россия

До настоящего времени в юридической литературе в недостаточной мере изучено правовое положение прокурора в уголовном процессе по отечественному законодательству конца XVIII столетия. Устоявшееся мнение о том, что до судебной реформы 1864 г. российский прокурор представлял собой только лишь «формального надзирателя» за соблюдением законности во всех сферах, в том числе уголовно-правовой, нуждается в переосмыслении. Судебно-правовые реформы императрицы Екатерины II привели не только к выстраиванию прокурорской вертикали и развитию местной, губернской прокуратуры, но и ознаменовали собой кардинальное изменение роли прокурора и его новых помощников – стряпчих в сфере уголовного преследования лиц, совершивших преступления. Впервые функция уголовного преследования выкристаллизуется в качестве самостоятельной из функции прокуратуры по надзору за исполнением законов, и в правовой системе Российской империи возникает институт должностного обвинения, в котором чинам прокуратуры отводится роль уже не только блюстителей законности, но и «уголовных преследователей» преступлений. Как результат, действующие в губерниях под процессуальным руководством прокуроров стряпчие уголовных и казенных дел становятся прообразами государственных обвинителей, осуществляющих уголовное преследование «ex officio». Углубленное изучение опыта екатерининских преобразований позволяет

**ON THE ROLE OF
PROSECUTORS AND SOLICITORS
IN THE FIELD
OF CRIMINAL PROSECUTION
BY THE RUSSIAN LEGISLATION
OF THE END OF THE 18th CENTURY**

Zhukov G.K.

Public Prosecutor of Novgorod Region,
Veliky Novgorod, Russia
Saint Petersburg Law Institute (branch) of the
Procuracy University of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia

To date, the legal status of the prosecutor in criminal proceedings under domestic law at the end of the 18th century has not been sufficiently studied in the legal literature. The prevailing opinion that before the judicial reform of 1864 the Russian prosecutor was only a 'formal supervisor' for observing the rule of law in all areas, including criminal law, needs to be rethought. The judicial and legal reforms of Empress Catherine II not only led to the building of a prosecutor's office and the development of a local provincial prosecutor's office, but also marked a radical change in the role of the prosecutor and his newly-appointed assistants – solicitors in the field of criminal prosecution of persons having committed a crime. For the first time, the function of criminal prosecution is crystallized as an independent function of the prosecutor's office for supervision of the enforcement of laws, and an institute of official accusation appears in the legal system of the Russian Empire, in which the prosecutor's office is given the role of not only law enforcers, but also 'criminal prosecutors' steps. As a result, criminal and state lawyers acting in provinces under the procedural leadership of prosecutors become prototypes of state prosecutors conducting ex officio prosecutions. An in-depth study of the experience of Catherine's transformations makes it possible to more objectively assess the evolutionary process of the formation of the role of the prosecutor in criminal proceedings and to reveal the laws that caused it. The article makes an attempt

более объективно оценить эволюционный процесс становления роли прокурора в уголовном судопроизводстве и выявить закономерности, его обусловившие. В статье предпринимается попытка не только очертить круг полномочий должностных лиц прокуратуры, связанных с возбуждением и осуществлением публичного уголовного преследования как на общероссийском, так и региональном уровнях, но и с привлечением архивных источников оценить эффективность их практической реализации.

Ключевые слова: полномочия прокурора; полномочия стряпчего; прокуратура Российской империи; роль прокурора в уголовном процессе; российское законодательство XVIII века; уголовное преследование.

not only to outline the terms of reference of officials of the prosecutor's office related to the initiation and conduct of public criminal prosecution at both the Russian and regional levels, but also with the help of archival sources to assess the effectiveness of their practical implementation.

Keywords: public prosecutor's authorities; solicitor's authorities; public prosecution of the Russian Empire; the role of the prosecutor in criminal proceedings; Russian legislation of the 18th century; criminal prosecution.

До настоящего времени деятельность екатерининской прокуратуры в юридической литературе исследована в недостаточной мере, с явным акцентом на общенадзорные полномочия прокуроров, при этом преобладает мнение о том, что функция поддержания обвинения перед судом на должностных лицах прокуратуры того времени не лежала [Казанцев, 1993; Мигунова, 2008; Горячковская, 2001; Павлов, 2015; Галузо, 2008].

Правление Екатерины II связано с проведением судебной, административной, губернской и других реформ, итогом которых становится разукрупнение административно-территориальных образований империи, выстраивание и усиление вертикали государственной власти. Вместе с тем происходит и развитие роли генерал-прокурора в различных сферах правоприменения. Более того, именно в конце XVIII столетия у прокуроров в системном виде появляются полномочия по осуществлению уголовного преследования.

Так, широкие полномочия в сфере уголовного преследования по делам о государственных преступлениях были предоставлены генерал-прокурору. Тайная экспедиция при Сенате формально учреждается определением от 25 февраля 1762 г. [Серов, 2015]. Сенату передаются полномочия по расследованию государственной измены и посягательств «противу императорского здравия, персоны и чести». Процессуальное руководство этим вновь созданным органом политического сыска глава государства возложила на генерал-прокурора, который должен был определять подследственность уголовного дела экспедиции, иницируя, тем самым, преследование «по делам важным, кои касаются до первых двух пунктов», в то время как дела «маловажные» генерал-прокурору следовало «жечь, не делая на все то сенатских определений», т.е. фактически принимать решение об их прекращении. В данном случае генерал-прокурор обладал практически всей полнотой обвинительной и судебной власти, имея право и возбудить, и прекратить, и разрешить уголовное дело [Звягинцев,

Образец цитирования:

Жуков Г.К. О роли прокуроров и стряпчих в сфере уголовного преследования по российскому законодательству конца XVIII века // BENEFICIUM. 2020. № 2 (35). С. 77-86. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).77-86](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).77-86).

For citation:

Zhukov G.K. On the Role of Prosecutors and Solicitors in the Field of Criminal Prosecution by the Russian Legislation of the End of the 18th Century // BENEFICIUM. 2020. No. 2 (35). pp. 77-86. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).77-86](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).77-86).

Орлов, 1994]. Во второй половине XVIII века практикуется учреждение чрезвычайных следственных органов для расследования наиболее объемных и сложных дел о преступлениях против государственной власти. Генерал-прокурор играет значительную роль в организации следствия и суда по таким делам. В этой связи показателен пример дела о восстании Емельяна Пугачева. После его ареста генерал-прокурор осуществлял надзор за ходом следствия и руководил уголовным преследованием путем направления письменных указаний следственной комиссии. Например, на основании письма генерал-прокурора Вяземского Пугачев был допрошен о причастности к восстанию крестьянина села Котловки Карася [Звягинцев, Орлов, 1994]. На руководителя сенатской прокуратуры также были возложены обязанности по подготовке уголовного дела к судебному разбирательству, в том числе он согласовывал с императрицей состав суда и круг обвиняемых, предаваемых суду. Из числа подсудимых исключались сотрудничавшие со следствием казацкие старшины, которые, собственно, и выдали Пугачева властям. Именно прокурор представил императрице экстракт – фактически итоговый обвинительный документ, – содержащий описание инкриминируемых Пугачеву и другим соучастникам деяний, а также содержание данных допрошенными лицами показаний.

Роль прокуроров в сфере уголовного преследования предопределялась принятым императрицей в 1767 г. «Наказом Комиссии о составлении проекта нового уложения» (далее – Наказом), который предусматривал разделение уголовного преследования на частное и публичное и содержал ее суждения о необходимости расширения полномочий прокуроров. Приводя в сравнение положительный опыт зарубежных стран, в которых король «сажает чиновного человека ради гонения преступлений именем самого короля», что сводит на нет профессию доносчиков, Екатерина II указывала на необходимость развития созданного Петром I института уголовного преследования путем наделения прокуроров полномочиями «изыскивать и производить все безгласные дела» [Полное собрание законов Российской империи. Том XVIII. №12949]. Реформирование должно было проходить за счет изменения полномочий прокурора и учреждения подчиненных ему должностных лиц, обязанных осуществлять преследование (ст. 139 Наказа). В итоге в сфере уголовной юстиции прокуратура Российской империи получила функции, схожие с французской прокуратурой; различие заключалось лишь в том, что во Франции прокурор обладал монополией на возбуждение уголовных дел, а в России – лишь по делам публичного обвинения [Dopovan, 2017].

Ключевым актом нормотворчества Екатерины II, определившим правовое положение прокуроров и стряпчих на уровне губерний, являлся законодательный акт, принятый 7 ноября 1775 г., – «Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи» (далее – Учреж. упр. губ.) [Полное собрание законов Российской империи. Том XX. №14392].

Согласно ст. 42-45 Учреж. упр. губ. должности губернских прокуроров и стряпчих казенных дел и уголовных дел вводились при наместническом или губернском правлении, также прокуроры и стряпчие дел должны были состоять при губернских судебных органах – губернском магистрате, верхнем земском суде и верхней расправе. Учреждались, кроме того, должности уездных стряпчих. Таким образом, прокурорский корпус каждой губернии состоял из 12 лиц, включая 4 прокуроров и 8 стряпчих, не считая стряпчих, действовавших в каждом уезде. По предложению генерал-прокурора Сенат назначал соответствующих прокуроров на должности (ст. 77). Стряпчие, за исключением уездных, назначавшихся губернским (наместничьим)

правлением, тоже вступали в должности по указу Сената, но по представлениям соответствующих палат.

Стряпчие позиционируются как помощники прокурора, объединенные с ним единством целей и задач их деятельности и находящиеся в его подчинении. «Губернские прокуроры и стряпчие составляли одну коллегию и связывались такой солидарностью, что дело одного почиталось делом всех троих», – писал Н. Гартунг, выделяя признаки иерархичности и единоначалия в созданной на местах прокурорской организации [Гартунг, 2016]. Фактически, стряпчие становятся олицетворением уголовно-процессуальной составляющей деятельности прокуратуры – неким аналогом генерал-адвокатов, действовавших во французской судебной системе [Hodgson & Soubise, 2017]. Они могли выступать с заключениями вместо прокурора и от его имени. При производстве по уголовным делам стряпчие должны были подчиняться процессуальной позиции, изложенной в заключениях прокурора (п. 7 ст. 406 Учреж. упр. губ.).

В главе XXVII Учреж. упр. губ. регламентировались полномочия прокуроров и стряпчих. Хотя основной функцией прокуратуры на данном этапе остается осуществление надзора за исполнением законов, в том числе в уголовно-правовой сфере, вместе с тем эволюционирует ее дополнительная функция – уголовное преследование лиц, совершивших преступления.

Губернский прокурор, согласно ст. 405 Учреж. упр. губ., должен был реагировать на нарушения закона судами и иные правонарушения, в том числе причинившие ущерб казне или общественным интересам, информируя об этом губернское правление. Сохраняют юридическую силу ранее принятые нормативные правовые акты, наделявшие прокуроров правом приносить протесты на незаконные решения присутственных мест. Вместе с тем, уточнялся порядок их направления: если до 1775 г. прокуроры вносили данные акты реагирования в вышестоящую инстанцию через генерал-прокурора, то теперь на региональном уровне нижестоящие прокуроры направляли свои протесты губернскому прокурору, а тот в свою очередь представлял их генерал-губернатору или наместнику, от которых зависело окончательное решение поставленных в них вопросов. В случае же бездействия начальника губернии лица прокурорского надзора могли обратиться к генерал-прокурору, а он в свою очередь – в Сенат.

Развивается поставленная еще в период петровских преобразований задача прокурора бороться с волокитой при рассмотрении уголовных дел. Прокуроры обязывались регулярно проверять ход рассмотрения дел судами и принимать меры к ускорению производства. На практике в случае выявления факта длящегося бездействия суда по рассмотрению уголовного дела прокурор обращался с предложением принять меры к его скорейшему разрешению. Так, в производстве Новгородской палаты суда и расправы с января 1793 г. по март 1799 г. находилось дело № 1448 по обвинению исправника Старорусского нижнего земского суда Е. Дирина, дворянского заседателя С. Черкасова и регистратора М. Фураева в преступлении по службе. Данное дело длительное время находилось без движения. Выявив этот факт, губернский прокурор М. Воейков 20 октября 1797 г. обратился с письменным предложением в 1-й Департамент Палаты суда и расправы, в котором подчеркнул, что под видом «дополнений справок» дело остается нерешенным с начала 1793 г. В этой связи прокурор предложил суду обратить внимание на данное дело и принять меры к окончанию его рассмотрения. По приговору суда секунд-майор Е. Дирин был осужден за «зловредные взятки», полученные при рассмотрении спора между помещиками о

беглых крестьянах. Суд приговорил Е. Дирина к лишению свободы и постановил уволить его из суда [Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 3. Д. 6].

Состоявшие при прокурорах стряпчие казенных и уголовных дел, во-первых, давали заключения по рассматриваемым губернским правлением делам, во-вторых, инициировали уголовное преследование лиц, совершивших отдельные виды преступлений, либо при наличии определенных процессуальных условий.

Как верно писал А.П. Полежаев, в отличие от прокурора, вобравшего в себя в большей степени надзорные полномочия, стряпчий выступал именно как истец и ходатай [Полежаев, 1859]. Это проявлялось в том, что стряпчие казенных дел возбуждали уголовное преследование по фактам совершения служебных преступлений, хищений казенных средств, государственных преступлений: «по казенным делам и по делам, нарушающим общий порядок, или противным власти и присяжной должности» (п. 3 ст. 406 Учреж. упр. губ.). В свою очередь, стряпчие уголовных дел инициировали преследование преступлений, по которым отсутствовал потерпевший, но имелись доказательства причастности к их совершению конкретных лиц. Стряпчим предоставлялись полномочия возбуждать преследование «не смотря на лица, яко истцу», т.е. в порядке публичного обвинения.

Изучение архивных материалов позволяет, с одной стороны, сделать вывод о сравнительно редком использовании прокурорскими должностными лицами своего права инициировать уголовное преследование¹, с другой стороны – достаточно высоко оценить практическую реализацию имевшихся у должностных лиц прокуратуры полномочий в сфере уголовного преследования в тех случаях, когда они пользовались ими.

Так, с согласия Новгородского губернского прокурора М.И. Завалишина стряпчий инициировал уголовное дело по обвинению в преступлениях по службе судей г. Старая Русса И. Лжанина и М. Прудиновского, которое было рассмотрено Новгородской палатой суда и расправы в 1793-1800 гг. Показания купца С. Коковкина были положены в основу уголовного дела. Купца вызвали в словесный суд, где судья, будучи сам «чрезвычайно пьяным», грубо требовал от него признания «в торговле испорченным вином и в обмере при продаже». Схожие ложные обвинения были также предъявлены старорусскому купцу Крутиковскому. Данное дело было возбуждено по сговору с офицерами Московского гренадерского полка, расквартированного в г. Старой Руссе. В результате стряпчему удалось разоблачить ложные обвинения, выдвинутые против купцов, и словесные судьи И. Лжанин и М. Прудиновский сами подверглись уголовному преследованию за незаконное содержание обвиняемых под стражей и заведомо ложное обвинение [Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 3. Д. 7. Л. 1-23]. По инициативе стряпчего Олонецкой верхней расправы И. Саблина в 1780 г., обратившегося с донесением об обнаруженных им преступлениях к прокурору верхней расправы, было инициировано уголовное преследование в отношении другого стряпчего – Чепелева, уличенного в оскорблении судьи, уничтожении судебных документов и других «многих недостойных делах» [Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 313А].

Вместе с тем трудно согласиться с утверждением, даже таких авторитетных исследователей как Н.В. Муравьев, о том, что губернская прокуратура действовала сво-

¹ Так, изучением фондов ГАНУ № 537 «Новгородская палата уголовного суда» и № 529 «Новгородская палата суда и расправы» выявлены лишь единичные уголовные дела, следствие по которым было начато по доношениям прокуроров и стряпчих / Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 1. Д. 4; Оп. 2. Д. 26, 265, 303, 313А, 349, 624; Ф. 529. Оп. 3. Д. 6, 7, 13, 70.

бодно и независимо от других властей [Муравьев, 1889]. Так, при реализации указанных выше полномочий стряпчие не обладали должной процессуальной самостоятельностью, поскольку в качестве «уголовных истцов» могли выступить лишь с согласия губернского правления, которому предварительно должны были представлять имеющиеся у них доказательства. Прокуроры и стряпчие, состоявшие при верхнем земском суде, губернском магистрате и верхней расправе, возбуждали дело не с санкции местной администрации, а по согласованию с губернским прокурором. Но и эта самостоятельность весьма условна, с учетом того, что глава надзорного ведомства губернии все равно находился в зависимом положении от ее административных органов.

Вместе с тем имелась и объективная причина для ограничения самостоятельности стряпчих, заключающаяся в том, что абсолютное большинство из них не имели юридического образования ввиду отсутствия такого требования к лицам, замещающим соответствующие должности в прокуратуре. Как писал Э.Н. Берендтс, «контингент образованных юристов, который давал в XVIII столетии Московский Университет, а в XIX столетии вновь открытые Университеты и Училище Правоведения (с 1837 г.), был настолько не велик, что встретить юриста в должности, в законах сведущего, охранителя законности, было редкостью» [Берендтс, 1913].

Не позволяет считать стряпчих полноправными государственными обвинителями и продолжавшая существовать в России розыскная модель процесса и формальная система оценки доказательств. Узаконения Екатерины II внесли лишь незначительные изменения в порядок уголовного судопроизводства. Отделение исполнительной власти от судебной привело, с одной стороны, к некоторому разделению процессуальных функций – следствие осуществлялось полицией, а разрешение дела – судом, но в то же время произошла значительная бюрократизация судебных процедур. Каждое судебное действие должно было облекаться в форму процессуального документа, составлявшего основу приговору, поэтому получает развитие сложный, медленный, письменный процесс, который позволял многочисленным судебным инстанциям ревизировать действия нижестоящих судов [Гартунг, 2016]. Продолжается также применение пытки как средства доказывания и сохраняются абсолютные процессуальные полномочия судьи, который самостоятельно производит судебные следственные действия, не позволяя сторонам – в том числе и должностному обвинителю в лице стряпчего – принимать в них деятельное участие. Более того, процессуальная деятельность прокуроров и стряпчих во многом являлась негласной. Указом Сената от 19 декабря 1782 г. разъяснялось, что заключения прокуроров и стряпчих носили закрытый для участников процесса характер и не могли быть разглашены судьями до завершения процесса [Полное собрание законов Российской империи. Том XXI. №15617].

В случае возбуждения дела по инициативе стряпчего он наделялся определенным набором процессуальных полномочий: требовать у суда вызова в суд ответчика (подсудимого), в отношении которого выдвинуто обвинение, заключения его под стражу, если закон предусматривал применение этой меры пресечения по рассматриваемой категории дела, обращаться к суду с ходатайствами о производстве судебно-следственных действий передаче дела из нижестоящих инстанций в вышестоящие, обжаловать решения суда (п. 5 ст. 406, п. 5 ст. 409 Учреж. упр. губ.). В указе от 24 февраля 1784 г. подтверждалось право стряпчих непосредственно участвовать в судебных заседаниях по возбужденным по их искам делам [Полное собрание законов Российской империи. Том XXII. №15939]. Эти правомочия стряпчих следует от-

нести непосредственно к сфере уголовного преследования, поскольку их реализация напрямую способствовала достижению его главной цели – привлечению виновного к уголовной ответственности.

Эволюционирует заложенный Петром I еще во время функционирования службы фискалов и становления прокуратуры принцип профессиональной ответственности должностных лиц. В Учреж. упр. губ. законодатель предусмотрел, что в случае оправдания подсудимого стряпчий уголовных дел обязан был сообщить оправданному по его требованию, по чьему доносу в отношении него инициировано уголовное преследование, «дабы ясно и явно было, что Губернский стряпчий уголовных дел не есть поклепатель невинности». За заведомо ложное обвинение прокуроры и стряпчие несли юридическую ответственность, вплоть до применения к ним такого наказания, которое грозило невинно обвиненному. В этой связи следует отметить наличие практики привлечения стряпчих к ответственности за злоупотребления по службе. К примеру, в 1780 г. Кирилловский уездный стряпчий поручик Д. Казанцов был обвинен в получении не причитающихся ему по должности «апелляционных денег» в сумме 25 рублей (п. 112 Учреж. упр. губ.) [Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 303]. В то же время истории известны и примеры, когда сами должностные лица прокуратуры подвергались преступным посягательствам в связи с исполнением своих служебных обязанностей. Привлечение к уголовной ответственности виновных в совершении таких деяний лиц являлось необходимой гарантией нормальной служебной деятельности прокуроров и стряпчих. Например, Новгородским городовым магистратом в 1793-1798 гг. было рассмотрено дело по обвинению новгородского мещанина Е. Фуфаева в нанесении оскорблений стряпчему Крестецкого уездного суда И. Ширяеву [Государственный архив Новгородской области. Ф. 87. Оп. 1. Д. 640].

Анализ правового регулирования роли прокуроров и стряпчих в сфере уголовного преследования в конце XVIII века позволяют нам констатировать эволюционный характер законодательных новелл, реализованных Екатериной II. Стряпчие как должностные лица прокуратуры на законодательном уровне наделялись полномочиями по возбуждению и – отчасти – по осуществлению публичного уголовного преследования по делам о преступлениях, затрагивающих интересы государства. С учетом специфики розыскного судопроизводства, стряпчие становятся «истцами и обвинителями, почти стороною по делам, интересующим государство, правительство или казну» [Муравьев, 1889]. Тем самым, происходит эволюция роли прокуратуры в сфере уголовного преследования от осуществления надзора за его законностью и непосредственного его осуществления в экстраординарном порядке по указу монарха до полностью легитимированного исполнения функции уголовного преследования на системной основе, но по очерченному законом кругу дел и ограниченными процессуальными средствами. Функция уголовного преследования, продолжая носить субсидиарный по отношению к надзорной функции характер, в то же время начинает приобретать самостоятельное значение в свете расширения полномочий прокурора в уголовном процессе.

Наблюдается также развитие характерного для российского уголовного процесса дуализма статуса прокурора, заключающегося в совмещении им ролей обвинителя и гаранта законности. Несмотря на то, что Сенат в своих определениях сравнивал процессуальное положение стряпчего с челобитчиком, он одновременно признавал его блюстителем законности, даже по делам казны, таким образом ставя во главе угла его роль публичного обвинителя, а не адвоката казны. Тем самым, начала

реализовываться идея Екатерины II о создании должности государственных обвинителей, выраженная ею в Наказе. Значимость этой идеи для современного уголовного процесса трудно переоценить, поскольку она является краеугольным камнем принятой российским законодателем публично-состязательной модели процесса. Критически важным достижением отечественного законодательства, на современном этапе утраченным в силу лишения должностных лиц прокуратуры права возбуждать уголовные дела, являлось наделение прокурора (в широком смысле, включая и его «процессуального помощника» – стряпчего) полномочием возбуждать уголовное преследование по «безгласным» делам. Данное полномочие стало определенным защитным механизмом от укрывательства преступлений и позволяло инициировать привлечение к уголовной ответственности должностных лиц, совершивших преступления по службе.

Вместе с тем на рассматриваемом историческом этапе роль прокуроров и стряпчих в процессе судебного разбирательства заключается в основном в предъявлении суду письменных заключений и заявлении ходатайств о порядке производства дела, т.е. характеризуется достаточно пассивными формами, не предполагающими реализацию указанными участниками судопроизводства всей полноты правомочий стороны в процессе. Процессуальная деятельность стряпчих по сбору, закреплению, проверке, оценке доказательств и участию в их исследовании как основных элементах доказывания и осуществления уголовного преследования, законодательно не регламентируется. У стряпчих, как и их процессуальных руководителей – прокуроров, отсутствуют распорядительные полномочия по отношению к выдвинутому ими обвинению, они не вправе отказаться от предъявленного ими «уголовного иска», их заключения носят для суда характер рекомендации.

Библиография

- Государственный архив Новгородской области. Ф. 87. Оп. 1. Д. 640.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 3. Д. 6.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 3. Д. 7. Л. 1-23.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 303.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 313А.
Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. 280 с.
Галузо В.Н. Власть прокурора в России (историко-правовое исследование): монография. Часть I (1649-1825). М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2008. 560 с.
Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судопроизводства Франции, Англии, Германии и России. Академия фундаментальных исследований: История права. № 70. М.: URSS, 2016. 206 с.
Горячкова Ю.М. Прокуратура и прокурорский надзор России в XVIII – начале XX вв. Историко-правовое исследование: Диссертация ... кандидата юридических наук. Белгород, 2001. 195 с.
Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1994. 311 с.
Казанцев С.М. История царской прокуратуры. СПб.: изд. СПбГУ, 1993. 216 с.
Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект): Автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Владимир, 2008. – 49 с.

- Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Том первый. Прокуратура на Западе и в России. М., 1889. 568 с.
- Павлов В.С. Общенадзорная функция российской прокуратуры в период самодержавия (1722-1917) // Международный научный журнал «СИМВОЛ НАУКИ». 2015. № 3. С. 160-163.
- Полежаев П.В. О губернском надзоре // Журнал Министерства юстиции. С.-Петербург: Типография Правительствующего Сената. 1859. Том II. С. 37-106.
- Полное собрание законов Российской империи. Том XVIII. №12949.
- Полное собрание законов Российской империи. Том XX. №14392.
- Полное собрание законов Российской империи. Том XXI. №15617.
- Полное собрание законов Российской империи. Том XXII. №15939.
- Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Екатерине II и Павле I: Тайная экспедиция как следственный орган по делам о государственных преступлениях // Российский следователь. 2015. №9. С. 52-56.
- Donovan J. M. Culture and the Courts in France: the Plaidoirie Sentimentale in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Law and History Review. 2017. Vol. 35. Issue 3. pp. 789-828. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0738248017000281>. (На англ.).
- Hodgson J. & Soubise L. Prosecution in France // Oxford Handbooks online. New York: Oxford University Press. June 4, 2017. 21 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935383.013.124. (На англ.).

References

- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 87. Оп. 1. Д. 640. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 529. Оп. 3. Д. 6. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 529. Оп. 3. Д. 7. Л. 1-23. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 537. Оп. 2. Д. 303. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 537. Оп. 2. Д. 313А. (In Russ.).
- Berendts E.N. O proshlom i nastoyaschem russkoi administratsii [On the past and present of Russian administration]. SPb.: Typography of M.M. Stasyulevich, 1913. 280 p. (In Russ.).
- Galuzo V.N. Vlast' prokurora v Rossii [The authority of a prosecutor in Russia (historical-legal research): monography. Part I (1649-1825)]. M.: UNITI-DANA, Zakon i pravo, 2008. 560 p. (In Russ.).
- Gartung N. Istoriya ugovnogo sudoproizvodstva i sudoproizvodstva Frantsii, Anglii, Germanii i Rossii [History of criminal proceedings and legal proceedings in France, England, Germany and Russia]. Academy of Basic Research: History of Law No. 70. M.: URSS, 2016. 206 p. (In Russ.).
- Goryachkovskaya Yu.M. Prokuratura i prokurorskii nadzor Rossii v XVIII – nachale XX vv. Istoriko-pravovoe issledovanie [Public prosecution and prosecutorial supervision of Russia in the XVIII – early XX centuries. Historical and legal research]. The dissertation for the degree of PhD in Law. Belgorod, 2001. 195 p. (In Russ.).
- Zvyagintsev A.G. & Orlov Yu.G. Oko gosudarevo. Rossiiskie prokurory. XVIII vek [Eye of the Sovereign. Russian prosecutors. XVIII century]. M.: Russian Political Encyclopedia (RUSSPEN), 1994. 311 p. (In Russ.).
- Kazantsev S.M. Istoriya tsarskoi prokuratury [History of the Tsar's Prosecutor's Office]. SPb.: Publisher SPbSU, 1993. 216 p. (In Russ.).

- Migunova T.L. Administrativno-sudebnaya i pravovaya reforma Ekateriny Velikoi (istoriko-pravovoi aspekt) [Administrative, judicial and legal reform of Catherine the Great (historical and legal aspect)]. The Abstract of the dissertation for the degree of PhD in Law. Vladimir, 2008. 49 p. (In Russ.).
- Muravyov N.V. Prokurorskiy nadzor v ego ustroystve i deyatel'nosti. Posobiye dlya prokurorskoy sluzhby. Tom pervyy. Prokuratura na Zapade i v Rossii [Prosecutorial supervision in its structure and activities. Allowance for the prosecutor's office. Volume One The prosecutor's office in the West and in Russia]. M., 1889. 568 p. (In Russ.).
- Pavlov V.S. Obshchenadzornaya funktsiya rossiyskoy prokuratury v period samoderzhaviya (1722-1917) [General supervisory function of the Russian public prosecution during the autocracy (1722-1917)] // International scientific journal «SYMBOL OF SCIENCE». 2015. No 3. pp. 160-163. (In Russ.).
- Polezhayev P.V. O gubernskom nadzore [On Provincial Supervision] // Journal of the Ministry of Justice. S.-Petersburg: Printing house of the Government Senate. 1859. Vol. 2. pp. 37-106. (In Russ.).
- Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XVIII. No. 12949. (In Russ.).
- Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XX. No. 14392. (In Russ.).
- Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XXI. No. 15617. (In Russ.).
- Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XXII. No. 15939. (In Russ.).
- Serov D.O. & Fedorov A.V. Investigation under Catherine II and Paul I: Secret expedition as an investigative agency for cases on state crimes // Russian Investigator. 2015. No. 9. pp. 52-56. (In Russ.).
- Donovan J. M. Culture and the Courts in France: the Plaidoirie Sentimentale in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Law and History Review. 2017. Vol. 35. Issue 3. pp. 789-828. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0738248017000281>.
- Hodgson J. & Soubise L. Prosecution in France // Oxford Handbooks online. New York: Oxford University Press. June 4, 2017. 21 p. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199935383.013.124](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199935383.013.124).

Об авторе / Author

Георгий Константинович Жуков – заместитель начальника уголовно-судебного отдела, Прокуратура Новгородской области, г. Великий Новгород, Россия; соискатель, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия / **Georgiy K. Zhukov** – Deputy Head of the Criminal Division, Public Prosecutor of Novgorod Region, Veliky Novgorod, Russia; External Doctoral Candidate, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the Procuracy University of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: Hagen5@yandex.ru.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО
С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ
ЕМУ ОБВИНЕНИЕМ**

Жуков Ф.И.

Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина,
Пушкин, Россия

В рамках данной статьи рассматривается институт особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в системе уголовного судопроизводства. Приводится оценка современного состояния и перспектив развития данного правового института. Рассматривается структура особого порядка, перечисляются условия, при которых возможно проведение судебного разбирательства в сокращенной форме. Представлена статистика применения особого порядка судебного разбирательства. Выявляются актуальные проблемы, связанные с практикой применения особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в отечественном уголовном судопроизводстве. Обращается внимание на то, что если общий порядок судебного разбирательства построен на основах состязательности и равноправия сторон, а также свободы оценки доказательств, то отдельные элементы процессуальной формы особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением вызывают множество дискуссионных вопросов в уголовно-процессуальной доктрине. Приводятся примеры судебной практики, которые указывают на проблемы, возникающие при отсутствии возможности всестороннего исследования доказательств по уголовному делу. Вносятся предложения, направленные на совершенствование теоретико-правовых основ и практики применения упрощенной формы судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Автор приходит к выводу о том, что в усло-

**CURRENT ISSUES
OF CRIMINAL PROCEEDINGS
IN THE CONTEXT OF THE AGREEMENT
OF THE ACCUSED PERSON
WITH THE PRESENTED ACCUSATION**

Zhukov F.I.

Pushkin Leningrad State University,
Pushkin, Russia

Within the framework of this article, the institution of a special court procedure is considered in the context of the accused agreeing with the charge against them in the criminal justice system. An assessment of the current state and prospects for the development of this legal institution is given. The structure of a special order is considered, the conditions under which it is possible to conduct a trial in an abbreviated form are listed. The statistics of application of the special procedure of the trial are presented. Relevant problems related to the practice of applying a special court procedure on the condition of the accused agreeing with the charges brought against them in domestic criminal proceedings are identified. Attention is drawn to the fact that if the general procedure for the trial is based on the adversarial and equal rights of the parties, as well as the freedom to evaluate evidence, then certain elements of the procedural form of the special procedure for the trial, when the accused agrees with the charges, cause a lot of discussion issues in the criminal procedure doctrine. Examples of judicial practice that indicate problems that arise in the absence of the possibility of a comprehensive study of evidence in a criminal case are given. Suggestions are made aimed at improving the theoretical and legal foundations and practice of using a simplified form of judicial proceedings in context of the accused agreeing with the indictment. The author comes to the conclusion that, given the specifics of the special procedure for criminal proceedings, it does not seem possible to prescribe a thorough and comprehensive investigation of evidence in the framework of the judicial process. The au-

виях специфики особого порядка уголовного судопроизводства не представляется возможным прописать тщательное и всестороннее исследование доказательств в рамках судебного процесса. Автор считает важным моментом подход самих судей по изучению материалов уголовного дела на этапе назначения судебного разбирательства.

Ключевые слова: общий порядок судебного разбирательства; особый порядок судебного разбирательства; согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, уголовно-процессуальный кодекс; уголовный процесс; упрощенная форма судопроизводства.

thor considers the approach of the judges themselves to studying the materials of the criminal case at the stage of the appointment of the trial an important point.

Keywords: general court proceedings; special court proceedings; the accused person's plea of guilty; criminal procedural code; criminal procedure; simplified form of proceedings.

1 июля 2002 г. вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), устанавливающий и регулирующий порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2001]. В соответствии с гл. 40 УПК РФ в интересах осуществления правосудия в современном российском уголовном судопроизводстве начал применяться особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (далее – особый порядок судебного разбирательства) в целях упрощения производства по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также тяжким, за которые предусмотрено наказание до десяти лет лишения свободы.

Особый порядок судебного разбирательства позволяет суду при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением – т.е. с фактическими обстоятельствами содеянного, формой вины, мотивами, юридической квалификацией преступления, характером и размером причиненного вреда – постановить приговор без проведения судебного разбирательства в части изучения доказательств по делу, что позволяет значительно сэкономить процессуальные временные, кадровые и материальные ресурсы государства. За согласие на ускоренную процедуру, т.е. за сознательный отказ от ряда своих прав, обвиняемый получает смягчение в наказании (назначенное наказание не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление) и освобождение от обязанности возмещения процессуальных издержек (ст. 316 УПК РФ).

Следует понимать, что применение института особого порядка судебного разбирательства не должно приводить к нарушению законных прав и интересов как обвиняемого лица, так и всех потерпевших по делу, а соответственно, основания, при которых допускается применение названной уголовно-процессуальной формы, должны быть исчерпывающим образом нормативно закрепленными.

Образец цитирования:

Жуков Ф.И. Актуальные вопросы рассмотрения уголовного дела при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // BENEFICIUM. 2020. № 2 (35). С. 87-93. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).87-93](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).87-93).

For citation:

Zhukov F.I. Current Issues of Criminal Proceedings in the Context of the Agreement of the Accused Person with the Presented Accusation // BENEFICIUM. 2020. No. 2 (35). pp. 87-93. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).87-93](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).87-93).

Согласно ст. 314, ст. 315, ст. 316 УПК РФ, условиями и основаниями применения особого порядка судебного разбирательства являются [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2001]:

- наличие предъявленного обвиняемому обоснованного, подтвержденного доказательствами, собранными по уголовному делу, обвинения в совершении преступления, наказание за которое не превышает десяти лет лишения свободы;
- наличие согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением;
- наличие ходатайства обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке;
- наличие согласия государственного или частного обвинителя с заявленным обвиняемым ходатайством о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке;
- наличие согласия потерпевшего(-их) с заявленным обвиняемым ходатайством о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

При этом суд должен удостовериться, что:

- обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства;
- ходатайство обвиняемого было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником;
- ходатайство заявлено обвиняемым после ознакомления с материалами уголовного дела или непосредственно на предварительном слушании;
- ходатайство заявлено в присутствии защитника.

Таким образом, только выполнение всех вышеназванных условий дает право суду постановить приговор с проведением судебного разбирательства в особом порядке; при этом волеизъявление обвиняемого является основополагающим, именно вокруг него должно разворачиваться решение любого вопроса по применению гл. 40 УПК РФ. Здесь отметим, что если по уголовному делу обвиняемыми являются несколько лиц, а ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке подается лишь одним из них, то дело подлежит рассмотрению в общем порядке.

Таблица 1. Динамика количества рассмотренных в особом порядке судебного разбирательства уголовных дел в России

год	Количество рассмотренных уголовных дел		
	всего, дел	в том числе в особом порядке	
		дел	%
2012	915300	573003	62.6
2013	930855	598212	64.3
...	...	...	...
2018	969236	625541	64.5
2019	984925	693253	70.4

Составлено по [Данные судебной статистики, 2019]

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, процент дел, рассмотренных в особом порядке судебного разбирательства, растет; в 2019 г. в России уже до 70% приговоров вынесено в особом порядке (таблица 1). Из осужденных за тяжкие преступления приговор по делу каждого шестого был вынесен именно в особом порядке. При этом количество приговоров, которые обжалуются в апелляционную и кассационную инстанции, принятых в особом

порядке, гораздо меньше, по сравнению с постановленными в общем порядке, что снижает нагрузку судов и ведет к более быстрому обращению и исполнению вступивших в законную силу приговоров. Таким образом, очевидно, что особый порядок судебного разбирательства превалирует над общим, что дает повод для исследования актуальных проблем его практического применения, ведь несмотря на достаточно четкое регламентирование норм данного правового института положениями закона с 2002 г., он является предметом непрекращающихся дискуссий ученых и практиков.

Прежде всего, у самой «сделки с правосудием» в своей идейной сущности в юридическом сообществе есть как сторонники, так и противники. В частности, последние считают использование института особого порядка судебного разбирательства чужеродным для российского менталитета, противоречащим закрепленным в Конституции Российской Федерации и УПК РФ принципам, основным правам и свободам граждан, например [Пиук, 2017].

Одной из главных прикладных проблем применения норм особого порядка судебного разбирательства является усеченное доказывание в рамках судопроизводства, поскольку в соответствии со ст. 316 УПК РФ исследование доказательств в рамках особого порядка уголовных дел не производится. Судья осуществляет формальные функции, заключающиеся практически в механическом вынесении приговора, что противоречит самой идее правосудия [Развейкина, Дьячкова, 2019]. В связи с этим, в судебной практике довольно распространены случаи, когда в результате рассмотрения уголовного дела в особом порядке выносился обвинительный приговор, который, в свою очередь, пересматривался вышестоящим судом по основаниям того, что судом первой инстанции не были достаточно исследованы доказательства по уголовному делу, в результате чего было вынесено неправосудное решение по делу.

Так, Вологодский районный суд осудил гражданина М. по ч. 4 ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Судом было удовлетворено ходатайство обвиняемого о рассмотрении уголовного дела по правилам гл. 40 УПК РФ, т.е. в особом порядке судебного разбирательства. В предъявленном обвинении указывалось, что гражданин М. незаконно сбыв нож, относящийся к холодному оружию, ранее ему знакомому гражданину П. При этом гражданин П. действовал в рамках оперативного эксперимента. Апелляционный суд обратил внимание на то, что суд первой инстанции должен был установить наличие условий, необходимых для рассмотрения дела в особом порядке, а именно – обоснованность обвинения и его подтверждение собранными доказательствами. Согласно ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», проведение оперативного эксперимента допускается только в целях раскрытия преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких. Преступление, совершенное гражданином М., квалифицируется как преступление небольшой тяжести. Таким образом, проведенный полицейскими в отношении гражданина М. оперативный эксперимент противоречит вышеназванному федеральному закону, а судом был вынесен приговор на основе доказательств, собранных в ходе оперативно-розыскного мероприятия с существенным нарушением федерального законодательства. Вологодский областной суд отменил приговор первой инстанции [Материалы уголовного дела Вологодского районного суда, 2015].

Как представляется, суд должен убедиться в законности, достаточности и достоверности собранных доказательств на стадии предварительного расследования для определения степени вины и тяжести преступления, а также в обоснованности

предъявленного обвинения, чего не может быть обеспечено в условиях, когда доказательственная составляющая уголовного процесса в особом порядке судебного разбирательства практически исключена согласно букве закона. По мнению М.В. Беляева, рассмотрение дела в особом порядке судебного разбирательства нарушает разумный баланс между интересами процессуальной экономии и рационализации уголовного судопроизводства, с одной стороны, и задачами обеспечения надлежащих процессуальных гарантий для лиц, обвиняемых в совершении тяжких преступлений, с другой. В силу серьезности возможных последствий в виде осуждения лица за совершение тяжкого преступления судебное разбирательство по данной категории дел должно быть полноценным, исключая возможность необоснованного обвинения [Беляев, 2018].

Очевидно, осознавая данную проблему и работая в направлении совершенствования уголовного судопроизводства, в апреле 2019 г. Верховный Суд Российской Федерации внес в Государственную думу законопроект об исключении особого порядка рассмотрения уголовных дел (без изучения доказательств) по тяжким преступлениям, оставив его лишь для преступлений небольшой и средней тяжести [Законопроект № 690652-7, 2019]; законопроект был единогласно принят Государственной думой во втором – основном чтении 23 июня 2020 г. Его разработчики отмечают, что дела о преступлениях, отнесенных законом к категории тяжких, как правило, являются особо сложными, затрагивают интересы значительного числа потерпевших, вызывают большой общественный резонанс и освещаются в средствах массовой информации, что требует создания на законодательном уровне высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия. Обеспечить такие гарантии возможно только при рассмотрении дела в общем порядке судебного разбирательства в условиях действия принципа непосредственности и устности исследования доказательств в судебном заседании [Свинцова, 2017]. Согласно законопроекту, суды не будут выносить приговоры в особом порядке по 144 статьям УК РФ, в том числе по статьям о мошенничестве и кражах в крупном и особо крупном размерах, по статьям о незаконном обороте наркотиков в крупном размере, о злоупотреблении полномочиями с причинением тяжких последствий [Законопроект № 690652-7, 2019].

Отсутствует единство мнений и по аспектам соответствия института особого порядка судебного разбирательства таким принципам уголовного судопроизводства как состязательность, презумпция невиновности, предел судебного разбирательства. Так, в научной литературе исследуется вопрос о соотношении понятий «признание вины» и «согласие с предъявленным обвинением». Выдвигаются мысли о том, что особый порядок судопроизводства противоречит принципу презумпции невиновности. Некоторые ученые допускают согласие с предъявленным обвинением в условиях полного непризнания вины, например [Мурашкин, 2014].

Важным моментом должно стать изменение подхода самих судей к изучению материалов уголовного дела на этапе назначения судебного разбирательства в целях обеспечения соблюдения процессуальных прав и гарантий участников уголовного судопроизводства. Было бы неправильно полагать, что ходатайство обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке и согласие с ним обвинителей автоматически влечет осуждение данного лица. Как и в случаях общего порядка судебного разбирательства судья по делам рассматриваемой категории постановляет приговор по своему внутреннему убеждению, основанному на тщательном изучении материалов дела. В случае, если у судьи возникают сомнения по поводу каких-либо обстоятельств уголовного дела, которые

имеют существенное значение для установления виновности подсудимого и требующих непосредственного исследования в судебном заседании, судья выносит определение о назначении нового судебного заседания в обычном порядке.

В заключении следует отметить, что целью уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения. Одним из главных способов защиты лица от необоснованного обвинения в суде является возможность всестороннего исследования доказательств, собранных по делу. По нашему мнению, в условиях специфики особого порядка уголовного судопроизводства не представляется возможным прописать тщательное и всесторонне исследование доказательств в рамках судебного процесса. Однако считаем, что поправки в УПК РФ, внесенные Верховным Судом Российской Федерации, снимут ряд вопросов и приведут к существенному сокращению количества дел, рассматриваемых в особом порядке.

Библиография

- Законопроект № 690652-7 «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (2019). Государственная дума. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=690652-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=690652-7) (дата обращения: 15.04.2020).
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) (2001). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.04.2020).
- Беляев М.В. Судебные решения, выносимые в особом порядке судебного разбирательства: механизм принятия и особенности содержания // Судья. 2018. № 10. С. 54-59.
- Данные судебной статистики (2019). Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 16.04.2020).
- Мурашкин И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: Автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Челябинск, 2014. 36 с.
- Материалы уголовного дела Вологодского районного суда № 1-96/2015 (2015). Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 24.04.2020).
- Пиук А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: Автореферат диссертации ... доктора юридических наук. Томск, 2017. 39 с.
- Развейкина Н.А., Дьячкова Е.А. Проблемы применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Том 5. № 3. С. 114-119.
- Свинцова О.С. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Марийский юридический вестник. 2017. № 7. С. 6-17.

References

- Draft of Federal Law No. 690652-7 'O vnesenii izmeneniy v stat'i 314 i 316 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii' ['On Amendments to Articles 314 and 316 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation'] (2019). The State Duma. Official site. (In Russ.). Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/> (accessed 15.04.2020).
- Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii' [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation] from December 18, 2001. No. 174-FL (red. on April 24, 2020) (2001). (In Russ.). Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/> (accessed 15.04.2020).
- Belyaev M.V. Sudebnye resheniya, vynosimye v osobom poryadke sudebnogo razbitatel'stva: mekhanizm prinyatiya i osobennosti soderzhaniya [Judicial decisions made in a special procedure of judicial proceedings: the adoption mechanism and features of the content] // Sud'ya [Judge]. 2018. No 10. pp. 54-59. (In Russ.).
- Dannye sudebnoy statistiki [Judicial Statistics] (2019). Sudebnyy Departament pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii [Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed 16.04.2020).
- Murashkin I.Yu. Realizatsiya printsipa prezumptsii neviniovnosti v osobom poryadke prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyaemogo s pred'yavlenym obvineniem Implementation of the principle of the presumption of innocence in a special procedure for the adoption of judicial decisions with the consent of the accused with the indictment]: The Abstract of the Dissertation for the degree of PhD in Law. Chelyabinsk, 2014. 36 p. (In Russ.).
- Materials of the Criminal Case of the Vologda Region Court No. 1-96/2015 (2015). State Automated System of the Russian Federation 'Pravosudie' (In Russ.). Available at: <https://sudrf.ru/> (accessed 24.04.2020).
- Piyuk A.V. Teoreticheskie osnovy uproscheniya form razresheniya ugovolnukh del sudom v Rossiyskoy Federatsii: tipologicheskii aspekt [The theoretical basis for simplifying the form of resolving criminal cases in the Court in the Russian Federation: typological aspect]: The Abstract of the Dissertation for the degree of Doctor in Law. Tomsk, 2017. 39 p. (In Russ.).
- Razveykina N.A. & Dyachkova E.A. Problems of application of a special procedure for the trial on criminal cases // Juridical Journal of Samara University. 2019. Vol. 5. No. 3. pp. 114-119. (In Russ.).
- Svintsova O.S. Osoby poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyaemogo s pred'yavlenym emu obvineniem [The special procedure for making a court decision with the agreement of the accused with the prosecution] // Mariyskiy Yuridicheskiy Vestnik [Mari Legal Bulletin]. 2017. № 7. pp. 6-17. (In Russ.).

Об авторе / Author

Федор Игоревич Жуков – магистрант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Пушкин, Россия / **Fedor I. Zhukov** – Student in the Master's programme, Pushkin State University, Pushkin, Russia.
E-mail: zhuckovf@yandex.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научные материалы (далее – статьи) принимаются по адресу: beneficium-se@mail.ru. Публикация осуществляется бесплатно.

Оформление статьи

Объем текста – от 12000 до 40000 знаков (включая пробелы). Шрифт – Times New Roman, размер – 12 (в таблицах и рисунках – 11), междустрочный интервал – 1,0, абзацный отступ – 1 см, поля – по 2 см с каждой стороны.

Структура статьи

Индекс УДК

Название статьи (на русском и на английском языке).

ФИО автора / авторов (на русском и на английском языке).

Аннотация (на русском и на английском языке). Объем – от 200 до 300 слов. Аннотация является кратким обзором статьи, представляющим основное содержание и выводы исследования. Она выполняет функцию справочного инструмента, адекватно репрезентирующего более объемное научное исследование. В аннотации не применяется цитирование.

Ключевые слова (на русском и на английском языке) – от 5 до 10 слов / словосочетаний в алфавитном порядке – должны отражать основное содержание статьи, совпадать с базовыми терминами исследования, определять собой (маркировать) область знания, предметную область и тематику исследования.

Текст статьи (логическая структура: введение, методика, основная часть, выводы).

Библиография включает от 3 до 20 источников, в том числе как минимум 2 академических зарубежных источника, опубликованных за последние 5 лет, индексируемых, как правило, в базах данных WoS и Scopus. Каждый источник из списка библиографии должен быть процитирован минимум один раз в тексте; на все источники делаются ссылки внутри текста в квадратных скобках: [Иванов, 2018]. Любое упоминание в тексте статьи имен ученых и исследователей должно сопровождаться отсылками на их работы. Во всех библиографических ссылках на электронные ресурсы обязательно указывается ссылка на веб-страницу, откуда заимствуется текст, и дата обращения. Использование справочно-энциклопедической и учебно-методической литературы (снабженной грифом федерального УМО и т.п.) в качестве источников – не более 25% от общего количества источников. Список источников оформляется в соответствии с принятым стандартом (ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка»), выносится в конец статьи. Источники указываются в алфавитном порядке.

References (список источников в транслитерации с переводом на английский язык). Нумерация источников должна соответствовать нумерации в авторском оригинале на русском языке.

При переводе англоязычного варианта названия статьи, аннотации и ключевых слов, а также списка литературы необходимо использовать услуги академических специалистов, компетентных в данной отрасли знания. Использование автоматических переводчиков не допускается.

Порядок представления и рецензирования статей

К публикации в издании принимаются научные материалы по научным направлениям: 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 12.00.00 «Юридические науки».

Автор представляет в редакцию отдельными файлами:

- оформленный согласно **Правилам** научный материал (статью, обзор, рецензию, др.);
- **Сведения об авторе** (авторах) на русском и английском языках: ФИО, ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы / учебы, структурное

подразделение, почтовый адрес организации; контактный телефон, адрес электронной почты, ORCID, SPIN-РИНЦ;

- заполненный бланк **Соглашения о публикации**, подписанный автором (в случае соавторства каждый из авторов подписывает отдельный бланк); подписывая бланк соглашения, автор тем самым разрешает открытую публикацию своих материалов, а также их редактирование, не искажающее смысл произведения.

Ответственный секретарь издания оставляет за собой право отклонять представленные автором/ами научные статьи на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеются веские причины:

- тематика статьи не соответствует научным направлениям издания;
- статья ранее была опубликована в другом издании;
- статья содержит плагиат данных, идей или фрагментов;
- статья содержит очевидные признаки низкого качества;
- в статье выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых придерживается издание.

Редакция сообщает автору(ам) об отклонении статьи по вышеизложенным причинам в течение 3-х рабочих дней.

Все поступившие в редакцию статьи, не отклоненные по вышеизложенным причинам, **подлежат обязательному «двойному слепому» рецензированию** (рецензент и автор/ы статьи не имеют доступа к перекрестной персональной информации). Статье присваивается регистрационный номер с указанием даты ее поступления в редакцию. Редакция сообщает автору(ам) о принятии к рецензированию статьи в течение 3-х рабочих дней.

Поступившая в редакцию статья рецензируется на основании следующих основных критериев:

- соответствие названия статьи ее содержанию;
- актуальность тематики статьи;
- научная новизна, оригинальность, практическая значимость исследования;
- соблюдение правил цитирования;
- правильность оформления библиографии;
- соблюдение научного стиля изложения мысли.

Главный редактор определяет научный контекст статьи и направляет ее на процедуру рецензирования рецензенту. В качестве рецензентов могут привлекаться как члены Редакционной коллегии издания, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению и имеющие в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Рецензент в срок до 15-ти дней представляет в редакцию рецензию на статью на основе оценки ее соответствия основным вышеназванным критериям, содержащую одно из трех возможных заключений:

1) возможность публикации статьи (по запросу автору(ам) направляется копия рецензии);

2) необходимость доработки статьи и последующего представления ее для повторного рецензирования (автору(ам) направляется копия рецензии);

3) отклонение статьи, отказ в публикации (автору направляется мотивированный отказ).

Оригиналы рецензий хранятся в редакции не менее 5 лет.

Редакция обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Редакция издания не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей и заключений рецензентов, переписку по методике написания и оформления научных произведений и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

GUIDELINES FOR AUTHORS

All materials should be sent to: **beneficium-se@mail.ru**. Publication is free.

Design of article

The article's size is 12000 to 40000 characters (including spaces). The font is Times New Roman, the font size is 12 (in tables and figures – 11). The line spacing is 1.0, the indentation is 1.0 cm, the margins are 2 cm from each side.

The structure of the publication

UDC code.

Article title.

Author's full name.

Abstract (author's summary). The recommended size of the abstract is 200 to 300 words. The abstract is a concise summary of the paper. The abstract should state briefly the purpose of the research, the principal results and major conclusions. It is a quick overview of the entire paper and giving a gist of it. Citations should be avoided.

Keywords for the article should express the main content of the article, to coincide with basic terms of the study, to determine (indicate) the domain of knowledge, the subject area and the theme of the study. The number of keywords is from 5 to 15.

Text of the article (logical structure: introduction, methodology, main part, conclusions).

Bibliographic References (List of cited literature sources in Russian). The references should contain from 3 to 20 sources, including at least 2 academic foreign sources published in the last 5 years, indexed, as a rule, in the WoS and Scopus databases. It is recommended to include a source previously published in the online scientific journal *BENEFICIUM* (formerly called *Bulletin of the Institute of Economics and Management, NovSU*). Each source from the references should be cited at least once in the text; all sources are referenced within the text in square brackets: [Ivanov, 2018; 125]. Any mentioning of the names of scientists and researchers in the text of the article should be accompanied by references to their works. All references to electronic resources necessarily indicate the reference to the web page from which the text is borrowed, and the access date. The use of reference-encyclopedic and educational-methodical literature as sources (provided with the stamp of the Federal Educational and Methodological Association, etc.) should account for no more than 25% of the total number of sources. The reference list is compiled in accordance with the accepted standard (GOST R 7.0.5-2008 "Bibliographic reference") and placed at the end of the article. Sources should be listed in alphabetical order.

References (list of cited literature sources in transliteration with English translation). The numbering of sources should correspond to the numbering in the author's manuscript in the Russian language. When translating the English version of the article's title, abstract and keywords, as well as the list of references, it is necessary to use the services of academic specialists competent in this field of knowledge. The use of automatic translators is not allowed.

Submission and Peer Review Process

Materials for publication (manuscript) in the journal are accepted in scientific directions: 08.00.05 «Economics and Management of National Economy (by Industries and Fields of Activity)», 12.00.00 «Jurisprudence».

The author presents to the Editorial office in electronically at **beneficium-se@mail.ru** separate files:

- the manuscript drawn up according to the **Requirements**;
- **Information about the author(-s)** in Russian and English with the following data: surname, name, patronymic (in full); academic degree, academic title; position and place of work / study without abbreviations; e-mail address; contact phone number;

- the completed form of the **Publication agreement** signed by the author (in case of co-authorship, each of the authors signs a separate form); signing the agreement form, the author thereby permits the open publication of his materials, as well as their editing, which does not distort the meaning of the work.

The Executive Secretary reserves the right to reject manuscript at the stage preceding the review, if there are reasons for this:

- the subject of the manuscript doesn't correspond to the scientific fields of the journal;
- the manuscript was previously published in another journal;
- the manuscript contains plagiarism of data, ideas or fragments;
- the manuscript contains obvious signs of poor quality;
- the manuscript reveals a fundamental contradiction to the ethical principles adhered to by the journal.

The Editor informs author(s) of the rejection of the article for the above reasons within 3 working days.

Then the manuscript accepted for publication is subjected to the **double-blind peer review process**. This means that during the process of reviewing, personal data of reviewers and authors shall be withheld. The manuscript subject to review is assigned a registration number indicating the date of its receipt by the editors. The Editor informs the author(s) of the receipt of the manuscript within 3 working days.

The manuscripts are reviewed based on the following criteria:

- correspondence between the manuscript title and the manuscript content;
- relevance of the topic of the manuscript;
- novelty, originality, scholarly and practical significance of the manuscript;
- compliance with citation rules;
- correct bibliography design;
- adherence to the scientific style of expression of thought.

The Editor-in-Chief determines the scientific context of the manuscript and directs it to the reviewer. The peer review process is carried out by reputable scholars and experts who have in-depth expertise and work experience in a particular research area in the last 3 years.

Reviewer submit the reviews of the article to the Editorial office within 15 days. The reviewer's report should provide one of the following recommendations:

1) to accept the material for publication in the journal (upon request, a copy of the review is sent to the author(s));

2) to accept the material for publication with minor revisions according to the reviewer's commentaries and suggestions (a copy of the review is sent to the author(s));

3) to reject the material (the author(s) are notified accordingly).

Original reviews are kept in the Editorial office for 5 years.

The Editor send copies of the reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon receipt of the relevant request to the editorial office.

The Editorial does not discuss with the authors the content of materials, ways to write and design academic papers, and does not edit or correct them to the necessary scientific and methodological level.

(12+)

Научное периодическое сетевое издание включено в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) в открытом доступе на платформе eLIBRARY.RU

BENEFICIUM. 2020. 2(35)
ISSN (Online): 2713-1629

Per. №: Эл № ФС77-76127 от 03.07.2019
Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Издается с 2009 г.
до 2019 г. выходил под названием
«Вестник Института экономики и
управления НовГУ»

Периодичность: 4 раза в год

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Новгородский
государственный университет
имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

Адрес учредителя и издателя:
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41,
Великий Новгород, Россия, 173003,
тел.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

Адрес редакции:
Институт экономики, управления и
права НовГУ,
ул. Псковская, 3,
Великий Новгород, Россия, 173015
тел.: +7 (8162) 77-04-86
e-mail: beneficium-se@mail.ru

Сайт издания: beneficium.pro

Главный редактор:
Владимир Александрович Трифонов
Выпускающий редактор: Я. Паттури
Редактор перевода: Е. Артамонова

Дата выхода: 20.07.2020
© НовГУ, 2020.
© Авторы статей, 2020.
Все права защищены

BENEFICIUM. 2020. 2(35)
ISSN (Online): 2713-1629

Reg. №: El № FS77-76127 of 03.07.2019
the Federal Service for Supervision in
the Sphere of Telecommunication,
Information Technologies
and Mass Communications

Published since 2009.
up to 2019 was published under the ti-
tle «Bulletin of the Institute of Econom-
ics and Management, NovSU»

Frequency: 4 times a year

Founder and Editor:
FSBEI HE «Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University»
(NovSU)

Address of the founder and editor:
ul. Bolshaya Sankt-Peterburgskaya, 41,
Veliky Novgorod, Russia, 173003,
tel.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

Corresponding address:
School of Economics, Management and
Law NovSU,
ul. Pskovskaya, 3,
Veliky Novgorod, Russia, 173015,
tel.: +7 (8162) 77-04-86
e-mail: beneficium-se@mail.ru

Website of edition: beneficium.pro

Editor-in-chief:
Vladimir A. Trifonov
Production editor: Ya. Patturi
Translation editor: E. Artamonova

Release date: 20.07.2020
© NovSU, 2020.
© Authors of articles, 2020.
All rights reserved

YAROSLAV-THE-WISE
NOVGOROD STATE
UNIVERSITY

beneficium 2 (35) | 2020

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО